

ISSN 1857-2685

Русь

№ 4 (30), 2012

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Востоочноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2012, № 4 (30)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

доктор истории С. Суляк (Молдавия),

главный редактор

М. Алмаший (Украина)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о. Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

доктор истории П. Шорников (Молдавия)

доктор лингвистики Михайло Фейса (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2012

© Association «Rus'», 2005-2012

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

КОНФЕРЕНЦИЯ «1812 ГОД В СУДЬБАХ РОССИИ И МОЛДАВИИ» / CONFERENCE «1812 IN THE FATE OF RUSSIA AND MOLDAVIA»

1812 год в судьбах России и Молдавии	5
<i>Николай БАБИЛУНГА</i> Бухарестский мир в истории молдавского народа: аннексия или освобождение?	6-10
<i>Nikolai BABILUNGA</i> The Peace of Bukharest in the History of the Moldavian People: Annexation or Liberation?	
<i>Петр ШОРНИКОВ</i> Бухарестский мир и участие Дунайской армии в Отечественной войне 1812 г.	11-28
<i>Petr SHORNIKOV</i> The Peace of Bucharest and the Participation of the Danubian Army in the War of 1812	
<i>Петр БОЙКО</i> Сословия Российской империи в Отечественной войне 1812 г.	29-38
<i>Petr BOIKO</i> The Strat of the Russian Empire in the War of 1812	
<i>Ирина БЛАГОДАТСКИХ</i> М.И. Кутузов в военно-историческом наследии Приднестровья	39-48
<i>Irina BLAGODATSKIKH</i> M.I. Kutuzov in the military and historic heritage of Pridnestrovie	
<i>Вячеслав СОДОЛЬ</i> 1812 г. в судьбе православной церкви Молдавии	49-55
<i>Viacheslav SODOL'</i> 1812 in the fate of the Orthodox Church of Moldavia	

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

<i>Александр МАЙОРОВ</i> Монголо-татары в Галицко-Волынской Руси	56-72
<i>Alexander MAYOROV</i> Mongol-Tatars in the Galicia-Volyn Rus	
<i>Илья ПАРШИН</i> Король Юрий Львович на страницах западноевропейских хроник ..	73-85
<i>Илья PARSHYN</i> King Yuriy Lvovych on pages of west european chronicles	

Михаил НЕСИН

Галицкое вече в 1235-1240-х гг. 86-108

Mikhail NESIN

The Galician Council (Veche) 1235-1240

Василь МИЩАНИН

Промисловий розвиток Закарпаття 1944-1950 рр.: перехід на соціалістичну економіку 109-130

Vasilii MISCHANIN

The Industrial Development of Transcarpathia 1944-1950: Transition to a Socialist Economy

Максим ЖИХ

Валентин Васильевич Седов. Страницы жизни и творчества славянского подвижника. Часть 1. .... С. 131-165

Maksim ZHIKH

Valentin Vasilevich Sedov. Parts of the Life and Writing of this Slavic Toiler. Part 1.

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet 166-185

Сведения об авторах 186-187

Information about the Authors

Summary 188-190

Правила публикации в журнале «Русин» 191

Rules of Publication in the Journal «Rusin»

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. и содержит материалы по истории Малороссии, создания украинского языка и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных авторов (С. Сидоренко).

1812 год в судьбах России и Молдавии

25 октября 2012 г. в Российском центре науки и культуры при Посольстве Российской Федерации в Республике Молдова прошла научная конференция «1812 год в судьбах России и Молдавии». Мероприятие было организовано РЦНК и Республиканской общественной ассоциацией «Русь».

В конференции приняли участие преподаватели и студенты ряда молдавских и приднестровских вузов, историки, учёные, политологи, представители общественных и молодёжных организаций, СМИ.

Открывая форум, один из его модераторов, Сергей Суляк, подчеркнул, что тема научной конференции чрезвычайно актуальна для нашей страны. 1812 г. определил судьбу Бессарабии на долгие годы, создал предпосылки для молдавской государственности. Без освобождения Молдавии не было бы ни МАССР, созданной 12 октября 1924 г., ни Молдавской ССР, образованной 2 августа 1940 г., ни нынешней Республики Молдова. Для России эта дата - еще и Отечественная война 1812 г., в которой в составе Молдавской армии, преобразованной затем в Дунайскую армию, сражались тысячи молдавских добровольцев.

В рамках конференции состоялась презентация выпущенного в Тирасполе репринтного издания книги В.В. Назаревского «Столетие Отечественной войны 1812 года» (М., 1911) и просмотр российского документального фильма «Бородинская битва. 200 лет спустя».

В заключение прошло заседание «круглого стола», в ходе которого обсуждались проблемы взаимосвязи Отечественной войны 1812 г. и Бухарестского мира в современном учебном процессе, вопросы формирования исторической памяти и основные этапы развития Пруто-Днестровского междуречья в контексте исторических событий того времени.

Подводя итоги, руководитель представительства Россотрудничества в Молдавии Валентин Рыбицкий отметил, что эту конференцию можно рассматривать как кульминацию проведенных РЦНК многочисленных мероприятий, посвященных теме 1812 г.

Николай Бабилюнга

БУХАРЕСТСКИЙ МИР В ИСТОРИИ МОЛДАВСКОГО НАРОДА: АННЕКСИЯ ИЛИ ОСВОБОЖДЕНИЕ?

Исторический акт 1812 г. сыграл выдающуюся роль в судьбе молдавского народа. И как всякое крупное историческое событие, крутой поворот в судьбе народа, он привлекает особое внимание потомков, выносящих ему свои приговоры, исходя из тех или иных собственных политических целей.

Еще в XIX – начале XX в. румынские буржуазные историки разработали концепцию сугубо отрицательной оценки Бухарестского мира. Последние два десятилетия ее основные положения настойчиво навязывались общественному мнению Республики Молдова и получили статус официальной доктрины, не подлежащей пересмотру и критике. Доктрина эта до примитивности проста и сводится к аксиоме: присоединение Бессарабии к России - «трагическое событие» в истории народа, так как страну разделили на две части, что по своей сути стало актом неприкрытой аннексии и расчленения единого суверенного государства. Более того, Бухарестский мир является актом, полностью противоречащим международному праву, результатом сговора двух агрессивных империй – Османской и Российской, решивших судьбу молдавского народа, не спрашивая на то его согласия.

Не вдаваясь в политический смысл подобных построений, рассмотрим подробнее обоснованность предлагаемой трактовки событий, тем более что по формальным признакам такая оценка, на первый взгляд, действительно имеет основания. Нельзя не признать, что Пруто-Днестровское междуречье с XIV в. являлось частью Молдавского княжества. Россия действительно присоединила часть Молдавии - Бессарабию в результате войны с Портой как военную добычу. Следовательно, ни о каком прогрессивном значении этого акта не может быть и речи? Как и не может быть в данном случае применен термин «освобождение», коль скоро Бессарабия из-под власти одной империи попала под власть другой, столь же агрессивной?

Но рассмотрим эти обоснования более подробно. Прежде всего, следует отметить, что нормы современного международного права (которыми, кстати, и в наши дни не всегда руководствуются сильные державы в отношениях со слабыми) не могут служить надежным

ориентиром при изучении причин и следствий тех или иных исторических событий, будь то разрушение Римом Карфагена, или завоевания Александра Македонского, или рождение и гибель многочисленных царств и империй эпохи великого переселения народов, или войны Чингисхана. Во что превратилась бы история, если бы она стала направо и налево оценивать все события пути развития человечества с точки зрения изменяющихся норм современного международного права?! Собственно, никто в мире этим и не занимается, кроме «акынов» официальной историографии кишиневского режима.

И все же нельзя при этом не отметить, что Бухарестский мир находился в полном соответствии с практикой межгосударственных отношений той эпохи, не вызвал ни у одного правительства недоумения или каких бы то ни было протестов. Он фактически и юридически был признан мировым сообществом, всеми союзниками или противниками той и другой стороны. Это первое.

Второе. Согласно современному праву, аннексией считается всякое присоединение к большому или сильному государству всей территории другого государства или ее части, если это присоединение произошло насильственным образом, т. е. без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания населения присоединяемой территории. Аннексия - это насильственное удержание какой-либо народности в рамках чужого государства. Следовательно, не всякое присоединение, а только насильственное присоединение или насильственное изменение границ может считаться аннексией.

Имеет ли акт 1812 г. этот ключевой момент для характеристики его как аннексии, присутствует ли в нем элемент насильственности? Ничего такого и близко не было. Наоборот. Если учитывать многократно выраженное желание молдаван присоединиться к единоверному православному Российскому государству, с которым они постоянно обращались к России, начиная с середины XVII в., то присоединение Бессарабии представляется как исполнение на деле вековых чаяний народа. Царь Алексей Михайлович в 1656 г. даже принял присягу митрополита Гедеона, данную им от имени господаря и всего народа молдавского, пребывать в российском подданстве «навек неотступно».

С подобной просьбой в 1674 г. в Москву отправился игумен Федор, а в 1684 г. - митрополит Досифей, написавший восторженную оду Руси - «Из Москвы сияет свет, распространяя длинные лучи и доброе имя под солнцем». Переговоры о включении Молдавии в состав России вели митрополиты Гедеон (1711 г.), Вениамин (1739 г.), Гавриил (1769-1774 гг.), Вениамин (1802, 1807 гг.) и другие патриоты Молдавской земли. Около 20 раз обращались молдаване к России

с просьбой принять их в состав этого православного государства. А незадолго до подписания Бухарестского мира, в начале XIX в., духовный пастырь молдаван митрополит Вениамин Костаке выразил желание абсолютного большинства жителей, их надежды и чаяния только одной, но точной и меткой фразой: «Истинное счастье сих земель заключается в присоединении их к России».

Подтверждением этому желанию может служить и боевое братство по оружию во времена русско-турецких войн, когда в российской армии служили десятки тысяч молдавских добровольцев. Истории не известно ни одного случая, когда бы молдаване выступили против русских войск в союзе с турками и татарами. Кроме того, ни до, ни после подписания Бухарестского мира не было никаких вооруженных, мирных или любых других действий, которые можно было бы расценивать как протест против «аннексии». Такие, с позволения сказать, «протесты» получили распространение лишь в наше время в определенных кругах политической элиты, участвовавшей в развале СССР. Антироссийских настроений в Молдавии ни прошлый, ни позапрошлый век не знали. Следовательно, когда речь идет об акте 1812 г., ни о какой насильственной аннексии говорить не правомочно.

Третье. Разделил ли Бухарестский мир единое Молдавское государство на две части? Вероятно, на этот вопрос можно было бы ответить утвердительно, если бы к 1812 г. Молдавия представляла собой действительно единое государство. Но как раз этого-то и не было. Процесс расчленения Молдавии Портой начался еще в 1484 г., при Стефане Великом, когда турки захватили Белгород и Килию, где были созданы райи, которые не подчинялись молдавской государственной системе и управлялись пашой по турецким законам. В 1538 г. турками было захвачено поселение Тягинь на Днестре и образована Бендерская райя. В 1590 г. была создана Измаильская райя, в 1622 г. – Ренийская, в 1715 г. – Хотинская. Христианское население этих турецких территорий принуждали жить по законам шариата.

Но это еще не все! В конце XVI в. в районы Буджака, примыкавшие к райям, турки переселили орду ногайских татар, административным центром которых стало местечко Каушаны. Если вспомнить, что в 1775 г. султан отдал Австрии северную часть территории Молдавии – Буковину, то станет понятно, что с конца XV до конца XVIII в. от княжества было фактически отторгнуто около 40% его территории. Что же касается территории Бессарабии, то к 1812 г. более половины ее земель не принадлежало Молдавскому государству. На сколько частей было разделено княжество, подсчитать не трудно: 1) земли, находившиеся под юрисдикцией господарей-фанариотов, ставленников султана и не обладавшие даже толикой суверенитета;

2) северная (Хотинская) райя, где преобладало православное население - молдаване и украинцы; 3) четыре южные (Аккерманская, Измаильская, Ренийская и Бендерская) райи, заселенные главным образом турками и татарами; 4) территория Буковины в составе Австрийской империи с православным украинским населением; 5) Буджак с центром в Каушанах – столицей татар, уведенных османами и крымчаками с Волги еще в 1569 г.; 6) левобережное Поднестрие севернее р. Ягорлык, входившее в состав Брацлавского воеводства Польши; 7) левобережное Поднестрие между р. Ягорлык и Черным морем, составлявшее владения крымского ханства. Два последних региона восточнее Днестра, впрочем, никогда не входили в состав Молдавского княжества.

О каком же едином суверенном государстве, якобы разделенном коварной Россией на две части, нам толкует «священная корова» кишиневского официоза? Совершенно очевидно, что присоединение всех этих расчлененных и разобщенных земель к России, выселение мусульманского населения в Крым, а затем и польских помещиков с этих земель привели к их объединению под сенью мощной Российской державы, к быстрому заселению Пруто-Днестровского междуречья православным населением (в том числе и молдаванами из-за Прута), способствовали дальнейшей консолидации молдавской нации на этих территориях.

Четвертое. Следует иметь в виду, что в русско-турецких войнах XVIII в. решался первостепенный тогда для молдаван вопрос: сохранится ли вообще молдавский народ как уникальный этнос или погибнет под гнетом невыносимого османского ига? В этом плане акт 1812 г. сыграл очень важную роль. Дело в том, что стратегические интересы Стамбула были постоянно направлены на Причерноморье, за Днестр, за Буг и Днепр к Крыму. Соединение Османской империи и Крымского ханства осуществлялось турками и ранее на небольшие периоды.

В результате Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. Порты даже сумела подчинить земли между Бугом и Днестром буджакской орде, включив эту территорию в состав Каушанского пашалыка на несколько лет. Очередная русско-турецкая война и подписание Бухарестского мира сорвала эти планы, осуществление которых могло бы привести к массовой резне и геноциду молдаван, которые здесь были просто не нужны османам. Трагическая история армян и других народов, познавших эти ужасающие акции в полной мере, говорит о высокой степени вероятности таких событий и в Молдавии. Бухарестский мир, напротив, принес населению Бессарабии, уставшему от постоянных войн, грабительских набегов и кровопролитных

сражений, долгожданное согласие. На протяжении более чем 100 лет в Бессарабии не велось никаких войн, а население даже было освобождено от военной повинности и шесть десятилетий не призывалось в армию. Бухарестский мир сыграл спасительную роль в исторических судьбах молдаван, открыв перед ними перспективы национальной консолидации и развития.

Конечно, объективный анализ акта 1812 г. требует всестороннего его рассмотрения, в том числе и содержащихся в нем противоречий. Присоединение части Молдавского княжества к России означало разделение единой феодальной народности, что нельзя признать явлением положительным. Дальнейшие пути некогда единой нации разошлись. Молдаване Запрутской Молдавии после объединения ее с Валашским княжеством и образования Румынского государства в 1859 г. постепенно интегрировались с валахами и сформировали румынскую нацию в Карпато-Дунайском регионе, а молдаване Бессарабии в составе России вместе с молдаванами Приднестровья консолидировались в собственную молдавскую нацию. Назвать эти процессы какой-то вселенской трагедией мы при желании, конечно же, можем. Только вряд ли нас поймут американцы, австралийцы, бельгийцы, исландцы, латиноамериканцы и многие другие народы мира, чей этногенез на каких-то этапах своего развития прошел через этническую сепарацию, включение части народа в иные государственные образования.

Таковы исторические реалии. Присоединение Бессарабии к России не являлось актом аннексии, хотя сложная международная обстановка не позволила освободить от турецкого ига всю Молдавию - ее запрутская часть осталась в составе Османской империи. Окончательно она была освобождена от турок с помощью России во второй половине XIX в. А для населения Бессарабии 300-летний период владычества жестокого восточного деспотизма закончился еще в 1812 г. Открывались широкие перспективы для сравнительно быстрой социальной эволюции на путях формирования буржуазного общества, для культурного и общественно-политического прогресса. Есть ли еще в истории примеры столь благотворной для народа «аннексии»?

Петр ШОРНИКОВ

БУХАРЕСТСКИЙ МИР И УЧАСТИЕ ДУНАЙСКОЙ АРМИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Бухарестский мир 1812 г. – одно из ключевых событий истории Молдавии. Для молдаван включение Пруто-Днестровской области в состав Российской империи представляло собой не только акт освобождения от турецкого ига, но и осуществление молдавского проекта окончательного устройства национальной судьбы¹. Для русинов, потомков древнерусского населения этой области, и в настоящее время именующих себя русскими людьми², это было воссоединение с Отечеством³, а для Молдавской церкви – давно желанным переходом под окормление Русской православной церкви⁴. Румынская и прорумынская унионистская историография Молдовы трактует Бухарестский мир как акт закрепления в составе России «румынской» области, оккупированной русскими войсками еще в 1806 г.⁵

В трудах российских историков раскрыты ход боевых действий в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и участие Молдавской (Дунайской) армии в боевых действиях против Великой армии Наполеона. Но оценка ее вклада в завоевание победы остается предметом научных споров. Не вполне раскрыт и исторический контекст заключения Бухарестского мира. Необоснованно остаются в тени Отечественной войны русско-персидская (1804-1813 гг.) и русско-шведская (1808-1809 гг.) войны. Специального рассмотрения заслуживают русско-турецкая война 1806-1812 гг. и Бухарестский мир в общем контексте борьбы европейских народов против наполеоновской агрессии.

Политическое противоборство России с революционной Францией началось еще в период правления Екатерины II, а вооруженное – при Павле I, в 1799 г., с итальянского и швейцарского походов русских войск под командованием А.В. Суворова. В начале XIX ст. Французская империя, подчинившая себе континентальную Европу, поставила под угрозу независимость России. Летом 1807 г., оказавшись перед угрозой вторжения армии Наполеона в Россию, оставшись без союзников на континенте и не получая поддержки от Англии, Александр I пошел на переговоры с агрессором в Тильзите. Ценой присоединения России к континентальной блокаде и некоторых

других уступок царь обеспечил себе свободу действий на севере Европы и на Балканах.

После Тильзита Наполеон повторно нанес поражение Австрии, перекроил карту Европы и превратил в плацдарм своей армии Польшу. Поэтому Тильзитский мир Александр I рассматривал как передышку, отвоеванную им для подготовки отпора покорителю Европы, и использовал ее для разрушения антироссийского фронта, создаваемого на западных и южных рубежах России дипломатией не только Франции, но и ее противницы Англии. В это время уже шла русско-персидская война, объявленная России 10 июня 1804 г. персидским шахом Фетх-Али (Баба-ханом), союзником Великобритании⁶.

В Закавказье Петербург в то время стремился лишь защитить единоверцев-грузин и армян. Благодаря превосходным боевым качествам русских войск оборонительную войну против Персии русские вели небольшими силами. Но на севере угрозу российской столице представляла Швеция. Воспоминания о попытках шведов захватить Петербург и обширные территории России во время русско-шведских войн 1741-1743 и 1788-1790 гг. забыты не были. В преддверии большой войны следовало отодвинуть границу. Операцию по обеспечению безопасности Петербурга Александр представил императору французов как исполнение обязательств, принятых им в Тильзите. Поводом для войны послужил отказ шведского короля Густава IV Адольфа (кстати, принадлежавший к Дому Гольштейн-Готторпов, родственному Романовым) от предложения присоединиться к анти-английской коалиции, сделанного ему Россией. Как и в Закавказье, войну в Финляндии русская армия вела небольшими силами. Войска противника русские стремились не уничтожить, а изгнать в Швецию. Боевые действия неоднократно прерывались перемириями.

И все же политика нейтрализации вероятных противников оказалась рискованной. После Тильзита, когда Россия порвала с Англией, английская поддержка войны Баба-хана против России усилилась. А русско-шведская война по существу переросла в англо-русскую. 14 мая 1808 г. в шведский порт Гётеборг прибыл английский флот с корпусом в 14 тыс. человек. Его участие в боях против русских в лесах Финляндии в планы Лондона, видимо, не входило, и после переговоров с королем корпус был отправлен в Испанию. Однако английский флот (36 судов) остался в распоряжении Густава IV. Британские военные корабли перерезали коммуникации между Кронштадтом и портами Финляндии и захватили 35 русских торговых и транспортных судов⁷. Однако Александр рассматривал Англию как будущую союзницу, и в ответ на эти пиратские действия объявления войны не последовало.

Англичане обеспечили шведам господство на море, но не смогли повлиять на исход войны. В 1809 г. русские войска под командой генералов П.И. Багратиона и М.Б. Баркалая-де-Толли перешли по льду Ботнический залив и вступили на территорию Швеции. 13 марта 1809 г. Густав IV Адольф был свергнут в результате государственного переворота. 5 (17) сентября 1809 г. в Фридрихсгаме был подписан мирный договор, согласно которому Швеция уступила России Финляндию с Аландскими островами⁸. Безопасность Петербурга была обеспечена.

В Швеции сохранялись реваншистские настроения, и вопрос о том, на чьей стороне она выступит в случае большой войны против России, решен еще не был. Однако Александру I помог сам ход событий. В 1810 г. шведский парламент (риксдаг) предложил Наполеону избрать регентом шведского престола маршала Французской империи Жана Бернадота.

Жан Батист Бернадот выдвинулся как военачальник в годы революции. Под командованием Наполеона он успешно воевал против австрийцев, пруссаков, англичан; в одном из боев на территории Польши, при Морунгене, его войска разбили отряд русских войск. Он получил звание маршала Франции. Назначенный в 1807 г. командующим оккупационной французской армией в Северной Германии и Дании, он установил тесные связи с торговыми кругами ганзейских городов, а в Швеции стал известен благодаря своему гуманному отношению к пленным шведам. Бернадот был женат на золовке Наполеона Дезире и, таким образом, состоял в родстве с императором. Однако, как выяснила российская разведка, маршал полагал, что проводимая Наполеоном политика завоеваний ведет страну к национальной катастрофе. Бернадот тайно встретился с эмиссаром Александра I полковником А.И. Чернышёвым и заверил его, что при его правлении Швеция не будет проводить антироссийской политики⁹.

Став регентом Швеции, Бернадот внешне подчинялся Наполеону. Он объявил войну Англии и согласился выполнять условия континентальной блокады. Он смирился, когда французские войска заняли 9 (22) января 1812 г. шведскую Померанию. Однако уже 5 (18) апреля 1812 г. Бернадот подписал тайное русско-шведское соглашение, означавшее установление Швецией дружественных отношений с Россией. В августе 1812 г. он встретился с российским императором в Або (Финляндия) и подписал русско-шведский договор, по которому в обмен на присоединение Швеции к антифранцузской коалиции ей было обещано присоединение Норвегии. В 1813 г. шведская армия вступила войну на стороне антифранцузской коа-

лиции. Свою шведскую партию Александр I выиграл еще до начала Отечественной войны.

Более трудным оказалось завершение войны, объявленной России султаном Селимом III в 1806 г. при подстрекательстве дипломатии Франции, с которой Россия уже воевала в составе III Антифранцузской коалиции¹⁰. Русские войска, объединенные в Молдавскую армию, одерживали победы, но для похода на Константинополь и принуждения Османской империи к миру их сил было недостаточно. Несмотря на договоренности, достигнутые в Тильзите, французская дипломатия тайно поощряла турецкое сопротивление, в турецких войсках имелись французские инструкторы¹¹. Селим III был свергнут, но новый султан Мустафа IV был намерен продолжать войну. Для достижения мира 7 (19) марта 1811 г. главнокомандующим Молдавской армией был назначен генерал от инфантерии М.И. Кутузов. Помощником Кутузова был назначен А.Я. Италинский, русский посол в Турции накануне войны¹².

К апрелю 1811 г., когда Кутузов прибыл в штаб Молдавской армии в Бухарест, армия состояла всего из 4-х дивизий и других частей общей численностью около 46 тыс. чел. Турецкая армия насчитывала 60 тыс. чел. (по другим данным – 80 тыс.). Кутузов был известен как военачальник и внушал противнику уважение и страх. Он имел также дипломатический опыт – в 1792-1794 гг. побывал в Константинополе послом, владел турецким языком, знал турецкие порядки и традиции. В 1797-1798 гг. Кутузов вел в Берлине переговоры с Пруссией, а через год – со Швецией о демаркации русско-шведской границы. С командующим турецкими войсками великим визирем Ахмедом-пашой он был лично знаком еще с 1783 г. и счел необходимым известить визиря о своем назначении и поздравить с успехами на чиновном поприще¹³.

Полагая, что «в войне, как и в дипломатических переговорах со всякою державою, а с Турцией особенно, не должно никогда забывать двух главных союзников – терпение и время...», летом и осенью 1811 г., наращивая силы и искусно чередуя удары по турецким войскам с маневрами, создавая у противника иллюзию слабости своих сил, Кутузов спровоцировал турок на проведение крупной десантной операции. 28 августа (9 сентября) турецкие войска начали переправляться на северный берег Дуная у села Слободзея, в нескольких километрах выше по течению от крепости Рушук. Ко 2 (14) сентября туда переправилось около 36 тыс. чел.¹⁴ Переправа продолжалась и позднее, но большая часть артиллерии оставалась на южном берегу Дуная.

8 (20) сентября русские войска блокировали турецкий плацдарм. Кутузов не стал атаковать турецкий лагерь, но прочно окружил его

русскими укреплениями¹⁵. Ночью 1 (13) октября на кораблях турецкой Дунайской флотилии, еще в июне купленных русским командованием у видинского Муллы-паши за 50 000 червонцев¹⁶, 7-тысячный отряд генерала Е.И. Маркова скрытно переправился через Дунай в 12 километрах выше Слободзеи и 2 (14) октября внезапно атаковал часть турецкой армии, стоявшую на южном берегу реки. Полки Маркова рассеяли свыше 30 тыс. турок, потеряв только 9 чел. убитыми и 40 ранеными. Турецкий лагерь, вся артиллерия, суда и запасы великого визиря были захвачены. Турецкая армия оказалась не только в окружении и без продовольствия, но и под огнем собственных орудий¹⁷.

Кутузов развил успех. 7 (19) октября при поддержке восставших сербов 3-тысячный русский отряд разбил войска видинского паши. Русские войска возобновили активные действия за Дунаем. 10 (22) и 11 (23) октября были взяты Туртукай и Силистрия. Солдаты блокированной турецкой армии, съев лошадей, начали массами вымирать. Около 2 тыс. турок перебежали на русскую сторону¹⁸. Великий визирь, находясь в окружении, по турецкой традиции, не имел права вести переговоры. Но 3 (15) октября он при попустительстве русских постов бежал за Дунай. Кутузов поздравил генералов и офицеров своего штаба: «Визирь ушел, его побег приближает нас к миру»¹⁹. В тот же день русская дунайская флотилия окончательно прервала сообщения с правым берегом. Мера возымела действие. 16 (28) октября 1811 г. в крепости Журжа начались мирные переговоры²⁰.

Окруженных турок М.И. Кутузов рассматривал как заложников. Их гибель могла усилить в Константинополе партию войны, и русские начали их подкармливать. 23 ноября (5 декабря) 1811 г. остатки турецкой армии, 12 тыс. чел., сдав вооружение, переместились поближе к русским продовольственным магазинам. Трофеями Молдавской армии стали их личное оружие и 56 орудий²¹. При этом сдавшиеся считались не военнопленными, а принятыми «на сохранение».

Наполеон понял, что теряет союзницу в грядущей войне против России. Известие о капитуляции турецкой армии он прокомментировал с крайним раздражением: «Поймите этих собак, этих негодяев, турок, которые сумели дать себя разбить таким образом! Кто мог это предвидеть и этого ожидать!»²². Султану Наполеон предлагал союз и обещал способствовать возвращению всех территорий, потерянных Османской империей за прошедшие 60 лет²³. Но турки помнили о египетской «экспедиции» генерала Бонапарта и других актах его вероломства и не верили французам.

Чтобы обеспечить скорейшее заключение мира, полагал Александр I, российским представителям не следовало проявлять ни спешки, ни уступчивости. «Сообразив внимательно все проис-

шедшее и взвесив все обстоятельства, относящиеся к политическому положению Европы, – писал император Кутузову 12 (24) декабря 1811 г., – я нахожу: 1) что мир, неприличный достоинству России, будет для нее более вреден, нежели полезен; 2) умаляя оным уважением к могуществу России, докажет явный недостаток твердости кабинета нашего и; 3) навлечет печальное понятие о наших уполномоченных и о побуждениях, коими они действовали»²⁴. И все-таки переговоры следовало ускорить. Александр I использовал отказ султана от утверждения предварительных условий и концентрацию османских отрядов под Рущуком в качестве предлога для разрыва русской части обязательств перемирия, а Кутузову приказал и нанести по туркам тревожащие удары²⁵.

31 декабря 1811 г. Кутузов объявил туркам о прекращении перемирия, а в январе 1812 г. турецких солдат, принятых «на сохранение», объявил пленными и провел военные демонстрации к югу от Дуная. Меры воздействия на Порту предприняло и российское правительство. 11 (23) февраля 1812 г. император подписал Высочайший рескрипт о высадке под стенами Константинополя десанта силой трех дивизий. Передвижения войск были турецкой стороной замечены и обеспокоили делегацию Порты²⁶. 5 (17) марта 1812 г. председатель Комитета министров Н.П. Румянцев отправил главнокомандующему секретное послание, в котором говорилось о согласии Франции на «раздел Оттоманской империи или, точнее сказать, провинций, ей принадлежащих в Европе»²⁷. Александр I приказал довести эти сведения до турецкой стороны, сопроводив их заверениями в своей убежденности о необходимости существования Оттоманской империи и мира между нею и Россией²⁸. Эти данные также были использованы Кутузовым – турки им поверили²⁹.

Переговоры были возобновлены подальше от массовых захоронений умерших от голода турок, в Бухаресте. Обе стороны пошли на уступки. 5 мая 1812 г. были подписаны прелиминарные условия мира, включавшие согласованные статьи. По условиям договора, подписанного в Бухаресте 17 (28) мая 1812 г., российская граница перемещалась с Днестра на Прут и Дунай, обеспечивалась свобода русского торгового судоходства по этой реке, подтверждалась внутренняя автономия Дунайских княжеств, обеспеченная им Россией на основе Кючук-Кайнарджийского (1774) и Ясского (1791) мирных договоров³⁰. Договором подтверждалось также право России покровительствовать православным подданным Османской империи. Статья 8 обязывала Константинополь предоставить автономию также Сербии и отказаться от преследования сербов, сражавшихся на стороне России. Константинополь обязался содействовать заключению

мира между Россией и Персией. Россия отказалась от требования провести границу по реке Серет, обязалась скрыть крепости Измаил и Килия и возвратить туркам крепость Анапу на Кавказе³¹. Выполнить требование Александра I о союзе с Портой Кутузову не удалось: для этого было необходимо время, а война с Французской империей неотвратимо приближалась. «Предаюсь великодушию Вашего Императорского Величества, – докладывал он 4 (16) мая императору, – что я ничего лучшего сделать не мог, тому причиной положение дел в Европе; что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог»³².

5 (17) апреля 1812 г. Александр I, недовольный «медлительностью» Кутузова, поручил вести переговоры с турками бывшему морскому министру адмиралу П.В. Чичагову. Однако с рескриптом императора об отзыве Кутузова в Петербург для участия в Государственном совете и о передаче Чичагову командования Молдавской армией адмирал прибыл в Бухарест только 6 (18) мая, на следующий день после подписания прелиминарного договора. Кутузов остался в Бухаресте еще на 10 дней – до подписания договора³³. Молдавская армия, переименованная в Дунайскую, была высвобождена для войны против французов. Благодаря М.И. Кутузову свою турецкую партию Александр также выиграл вовремя. Бухарестский мир был им ратифицирован в Вильно 11 (23) июня 1812 г., за день до начала наполеоновского нашествия.

Сложными оставались отношения России с Австрийской империей и Пруссией. Благодаря негласной договоренности с австрийцами война 1809 г., по требованию Наполеона объявленная Россией Австрийской империи, обошлась без кровопролития. В правящих кругах Вены существовали и антирусские тенденции. В 1811 г. главный министр Австрии Карл Меттерних не скрывал, что любой мирный договор между Россией и Турцией, заключенный на иных условиях, кроме сохранения предвоенных границ, будет невыгоден Австрии³⁴. За счет Османской империи австрийский двор рассчитывал получить компенсации за потери, понесенные в войнах с Францией³⁵.

В 1805-1807 гг. Пруссия являлась союзницей России в войне против Наполеона. В Тильзите российский император добился сохранения Прусского государства и сокращения контрибуции, наложенной на королевство французами. В 1811 г. Россия и Пруссия готовили превентивную войну против Французской империи. Она не состоялась в том числе из-за трусости короля Фридриха-Вильгельма III³⁶. И все же в Петербурге могли ожидать, что в случае вторжения армии Наполеона в Россию участие Австрии и Пруссии в войне будет развиваться по сценарию 1809 г.

Неудачей Александра I стал зондаж в Варшаве. Военный министр Великого герцогства Варшавского Юзеф Понятовский, племянник последнего польского короля Станислава Понятовского, фаворита Екатерины II и ее фактического вассала, сформировал 100-тысячную армию и во время похода Наполеона на Россию командовал 5-м польским корпусом наполеоновской «Великой армии»³⁷.

После начала войны с Наполеоном Александр I предпринял попытку завершить войну с Персией. Командующий русскими войсками в Закавказье генерал Н.Ф. Ртищев выступил с инициативой о заключении мира. Но персы отклонили мирные предложения и предприняли массированное наступление³⁸. В августе-сентябре 1812 г. русские войска под командой генерала П.С. Котляревского разгромили основные силы персидской армии близ крепости Ленкорань³⁹. Продолжать войну Баба-хан был не в состоянии. Начались мирные переговоры, завершённые в 1813 г. подписанием Гюлистанского мира. Граница, проложенная тогда, и ныне отделяет Азербайджан и Армению от Ирана.

Новый командующий Молдавской армией П.В. Чичагов, по отзывам современников, был очень умён и образован. Он осуждал крепостное право и порицал Петра Великого за то, что он «думал развить свой народ с помощью иностранцев и потому лишь направлял его на ложный путь и отнял всякое чувство собственного достоинства в русских». При Екатерине II служил капитаном военного корабля. При Павле I был оклеветан и заключен в Петропавловскую крепость, но вскоре его реабилитировали. В 1799 г. он командовал русской эскадрой во время операции по освобождению Голландии от французской оккупации. За успешно проведенную совместно с англичанами десантную операцию на острове Тексель был награждён орденом Св. Анны I степени. При Александре I Чичагов стал членом Сената и Государственного Совета. В должности заместителя министра морских сил, а затем министра Чичагов осуществил ряд преобразований, повысивших боевую мощь флота⁴⁰. С министерского поста Чичагов ушел, взяв на себя ответственность за неудачи флота во время войны с Швецией.

Времени для вхождения в курс его военных и административных обязанностей на Дунае адмиралу отпущено не было. 24 июня 1812 г. Великая армия Наполеона перешла русскую границу на Немане. Царь предписал Молдавской армии, в конце мая переименованной в Дунайскую, идти в северном направлении и быть готовой нанести удар во фланг силам Наполеона. Повеление императора Чичагов выполнил оперативно. Отозвав русский отряд из Сербии, проводя на марше переформирование частей, он двинул армию на соединение с Третьей армией генерала А.П. Тормасова, дисло-

цированной на Волыни. 7 (18) сентября 38 тыс. солдат и офицеров Дунайской армии прибыли на Волынь⁴¹.

Войскам А.П. Тормасова противостояли превосходящие силы австрийского генерала К.Шварценберга и саксонского корпуса Ш. Рейнье. На Волыни польская шляхта готовила антироссийское восстание⁴². Прибытие Дунайской армии изменило ситуацию. «Никогда и никто не испытывал той живейшей радости, – вспоминал кавалерийский генерал Е.И. Чаплиц, – какую извели мы, узнав о приближении армии адмирала Чичагова. Должно признаться, что к единственно редким достоинствам этого генерала принадлежала заслуга прибытия к нам на помощь с такою удивительною быстротою, без остановок перед препятствиями, которые ему пришлось преодолеть, как, например, переправы через реки, сделавшиеся опасными вследствие разливов; в короткий промежуток времени он совершил длиннейший путь из Бухареста в Луково. Единственно этому быстрому соединению обязаны мы успехами нашей армии, может быть, влиянием на успехи великой армии. Во всяком случае должно сознаться, что он спас честь нашей армии, не дозволив [противнику] отбросить нас на Киев, а что главнее того, все эти превосходящая губернии не достались в руки неприятелю»⁴³.

26 августа (7 сентября) 1812 г. под Бородином русские войска отбили атаки Великой армии и нанесли ей тяжелые потери. Однако превосходство в силах и средствах еще оставалось на стороне противника, и Москву пришлось оставить. Еще не зная об этом, Чичагов и Тормасов предприняли наступательные действия. 29 августа (10 сентября) 1812 г. обе русские армии общей численностью 60 тыс. солдат и офицеров двинулись на Владимир-Волынский. Австрийский командующий Шварценберг, войска которого вместе с саксонским корпусом генерала Рейнье имели в своём составе 40 тыс. солдат и офицеров, не посмел дать русским бой. Он отступил за Буг и направился к Бресту. В момент, когда войска Наполеона входили в Москву, в его глубоком тылу на Буге противник был вытеснен за пределы Российской империи.

Заняв Брест, Чичагов обнаружил, что продовольствия для снабжения армии практически нет. Тем не менее, он продолжил наступательные операции. По его приказу кавалерийский полк под командой флигель-адъютанта А.И. Чернышёва совершил рейд на Варшаву, сжёг там несколько складов противника и вызвал панику, вынудив Шварценберга идти от Бреста оборонять столицу Великого герцогства. Полк Чернышёва оторвался от преследующих его австрийков, форсировал Буг и через восемь дней возвратился в Брест, приведя с собой 200 пленных. Другой рейд осуществил генерал Е.И. Чаплиц. Его кавалерийский отряд ворвался в Слоним, где поль-

ский генерал Я. Конопка формировал из «мятежных литовцев» полк для наполеоновской армии. 13 офицеров и 235 «нижних чинов» были взяты в плен, захвачена казна (200 000 франков), а лишённый командования полк разбежался.

Накануне оставления Москвы главнокомандующий М.И. Кутузов направил А.П. Тормасову и П.В. Чичагову приказы идти спасать столицу. Войскам Чичагова было приказано двигаться на занятый французами Минск. Приказы были получены через одиннадцать дней после вступления французов в Москву. Выдвижение было возможно только в ходе 45-дневного марша. Не вызывало сомнений, что уход Дунайской и 3-й армий с Буга позволит противнику захватить Малороссию. Следовало также ожидать, что после оставления русскими войсками Бреста Шварценберг организует их преследование. Подготовка войск к маршу требовала времени. Пока оба командующих решали эти вопросы, поступил новый приказ.

Александр I хотел пленить Наполеона, а его армию уничтожить. Согласно плану военных действий, разработанному в Петербурге и направленному Александром Кутузову 30 августа (11 сентября) 1812 г., «государь имел целью воспользоваться вторжением Наполеона в Москву, то есть отдалением его с главною армиею от Днепра, чтобы: 1) в тылу его сосредоточить большие силы; 2) боковые его корпуса выгнать из России, а именно: князя Шварценберга и Рейнье в Галицию и Варшавское герцогство, а Макдональда, Сен-Сира и Удино в Пруссию; 3) Наполеона с главными силами искоренить до последнего. Князь Кутузов должен был удерживать Наполеона и поражать его с фронта, между тем как войскам, находившимся в губерниях Витебской, Лифляндской, Волынской и Минской, назначалось стать на операционном пути неприятеля. Для действий их предписывалось два пути: 1) от севера, через Двину, в губернии Виленскую и Минскую, корпусами графов Витгенштейна и Штейнгеля; 2) от юга, в губернии Гродненскую и Митавскую, армиями Чичагова и Тормасова». Войска четырёх генералов должны были разбить корпуса, оставленные Наполеоном в своём тылу, и преградить ему обратный путь из России⁴⁴. Император приказал Чичагову выдвинуться с Дунайской армией к реке Березина и вместе с корпусом генерала П.Х. Витгенштейна перекрыть Великой армии пути к отступлению. Чичагову была придана часть Третьей армии генерала А.П. Тормасова. 6 сентября Кутузов приказал Тормасову оборонять Волынь, Подолию и особенно Киев, обеспечивая действия Чичагова⁴⁵.

Оставив два корпуса (18 000 солдат и офицеров) под командой генерала Ф.Б. Остен-Сакена в Бресте в качестве заслона для сдерживания австрийцев и саксонцев, Чичагов с большей частью Дунайской армии (24 тыс. чел. боевого состава) выступил в поход к Минску. В

Черновчицах Чичагов узнал, что к Шварценбергу присоединилась дивизия Дюрюта из корпуса Ожеро. Численность войск Шварценберга увеличилась до 50 000 человек. Отправив на помощь Остен-Сакену корпус Эссена, Чичагов сократил состав своей армии. Поступали и подкрепления, но в 20-х числах октября для операций против наполеоновских войск, действовавших против группировки русских войск в Бресте, Чичагову пришлось выделить кавалерийский полк под командой А.И.Чернышёва. Продвигаясь к Минску, части Дунайской армии разгромили высланный им навстречу пятитысячный отряд генерала Ф. Коссецкого, направленный французским губернатором Минска Н. Бронниковским. 2 (14) ноября Кутузов предписал Витгенштейну, а затем и Чичагову идти к Березине⁴⁶.

5 (17) ноября войска Дунайской армии заняли Минск. Были захвачены 2 тыс. пленных, а главное – накопленные французской администрацией запасы хлеба, пороха, свинца. На складах («магазинах») Минска имелось продовольствие, которого хватило бы Дунайской армии на месяц. Для того, чтобы преградить путь отступающей Великой армии, следовало собрать все силы в кулак. Стоявший в Мозыре корпус Ф.Ф. Эртеля остался на месте вследствие эпидемии и падежа скота и, видимо, вследствие нераспорядительности командующего. Заменяв Эртеля генералом С.А. Тучковым, Чичагов приказал ему двигаться на соединение с Дунайской армией. Из Бреста Чичагов отозвал корпус Эссена. Присоединив к своим войскам также прибывший из Сербии отряд под командованием генерала Н.И. Лидерса, Чичагов создал группировку войск, основой которой являлась Дунайская армия. Стремясь наладить взаимодействие с корпусом П.Х. Витгенштейна, прикрывавшим Петербург, адмирал направил к нему для связи А.И. Чернышёва. Расстояние в 400 верст полковник сумел преодолеть всего за четыре дня.

Стремясь выйти к Березине раньше отступающей наполеоновской армии, адмирал немедленно выступил с войсками из Минска на Борисов. На рассвете 9 (21) ноября русский авангард под командой генерала графа К.О. Ламберта подошёл к Борисову. Походные колонны противника под командой польского генерала Домбровского вступили в город накануне ночью, но занять оборону не успели. Авангард Дунайской армии атаковал их и пробился к мосту через Березину, захватив 2 тыс. пленных. Части Домбровского были отброшены на Оршанскую дорогу. 10 (22) ноября Чичагов со своим штабом прибыл в Борисов, опередив Наполеона, который в этот момент только переправлялся через Днепр.

Но войска Витгенштейна были еще далеко. 11 (23) ноября корпус маршала Удино выбил авангард Чичагова из Борисова. Русские, потеряв до 2 тыс. солдат, отступили за Березину, взорвав за собой мост⁴⁷.

12 (24) ноября к Березине подтянулись основные силы французов, тем не менее адмирал рассчитывал взять в плен самого Наполеона. В своих войсках он распространил предписание, напоминающее объявление о розыске преступника: «Наполеонова армия в бегстве; виновник бедствий Европы – с нею. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему угодно будет прекратить гнев свой, предав его нам. Почему желаю я, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он роста малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы чёрные. Для вящей надёжности ловить и привозить ко мне всех малорослых. Я не говорю о награде за сего пленника: известныя щедроты Монарха нашего за сие ответствуют»⁴⁸.

Однако к Березине подошли не остатки Великой армии, а ее ядро: гвардия и другие соединения, сохранившие боеспособность, общей численностью 75–80 тыс. чел.⁴⁹, во главе с лучшим полководцем своего времени. Боевой состав подчиненных П.В. Чичагову войск не превышал 20 тыс. штыков и сабель⁵⁰. Березина, ширина которой составляла около 100 м, не представляла собой непреодолимого препятствия. Судя по воспоминаниям французского офицера, «река эта, которую некоторые воображают гигантских размеров, на самом деле не шире улицы Рояль в Париже перед Морским министерством. Что касается её глубины, то достаточно сказать, что за 72 часа перед тем 3 кавалерийских полка бригады Корбино перешли её вброд без всяких приключений и переправились через неё вновь в тот день, о котором идёт речь. Их лошади шли всё время по дну... Переход в этот момент представлял только лёгкие неудобства для кавалерии, повозок и артиллерии. Первое состояло в том, что кавалеристам и ездовым вода доходила до колен, что тем не менее было переносимо, потому что, к несчастью, не было холодно даже настолько, чтобы река замёрзла; по ней плавали только редкие льдины»⁵¹.

Пленить на Березине императора французов не удалось. Мнение мемуаристов и исследователей, полагающих, что, упустив Наполеона, командование российской армии утратило шанс избежать кровопролитных кампаний 1813-1815 гг., резонно. Причины этой неудачи уже два века остаются предметом дискуссий историков. Основными следует признать следующие версии. Во-первых, «бездарность» П.В. Чичагова, не способного должным образом управлять сухопутными войсками: Наполеону не составило труда обмануть адмирала. С этой версией сочетаются две другие, призванные бросить тень на фельдмаршала М.И. Кутузова – о его «пособничестве» бегству Наполеона из России и о его личной вражде к адмиралу Чичагову, его «сменщику» на посту командующего Молдавской армией, как мотиве подставить руководимые им войска под удар превосходящих

сил противника. Подвел Чичагова и генерал Витгенштейн. Хотя его войска находились на расстоянии трех дней марша, он не спешил их выдвинуть к Березине. Главнокомандующий якобы умышленно не оказал частям Дунайской армии должной помощи, чем и помешал Чичагову довершить разгром наполеоновской армии. И, наконец, версия историков-обличителей «самодержавия» – дезорганизацию в управление русскими войсками вносил и сам император Александр своими распоряжениями, отдаваемыми Чичагову и Витгенштейну через голову Кутузова⁵². Насколько обоснованны эти версии?

Идею царя отрезать противнику пути к отступлению и довершить его разгром разделяла армия. Приказ Александра о выдвижении Дунайской армии к Березине соответствовал решению этой задачи. М.И. Кутузов желал закончить войну на границе Российской империи. Как стратег (стратегически он переиграл Наполеона) политические последствия пленения или гибели императора французов фельдмаршал был в состоянии оценить не менее глубоко, чем Александр. Кто мог поручиться, что исчезновение Наполеона с европейской политической арены не приведет к формированию новой коалиции с участием Англии – на этот раз антироссийской, учитывая ее действия во время русско-персидской, русско-турецкой и особенно русско-шведской войн на стороне противников России? Не вызывает сомнений и неприязнь Кутузова к Чичагову. Но мог ли он, исходя из этих соображений, срывать операцию по окружению войск противника? «Промедление» Кутузова имело объективные причины. В момент, когда Великая армия вышла к Березине, основные силы русской армии численностью в 40 тыс. чел. находились на Днепре, в 175 верстах, в пяти днях марша. Они были измотаны полуторамесячными боями, им не хватало продовольствия, требовалось также время для наведения моста через реку. Тем не менее, Кутузов отрядил преследовать противника кавалерийские корпуса генералов М.И. Платова и Ф.П. Уварова, отряды генералов М.А. Милорадовича и А.П. Ермолова. Витгенштейн все-таки привел свой корпус к Березине и принял участие в разгроме войск противника.

Действия П.В. Чичагова после начала Отечественной войны свидетельствуют о верном понимании им стратегической обстановки и вытекающих из нее задач Дунайской армии, о грамотном управлении крупными соединениями. Однако опыта командования войсками на поле боя адмиралу не доставало. На Березине адмирал и подчиненные ему генералы не смогли организовать сбор достоверной разведывательной информации о местонахождении Наполеона, о его тактических планах, о дислокации его войск. Они ограничились посылкой кавалерийских разъездов в тыл противника и часто действовали наугад. Свой штаб он опрометчиво расположил в Борисове,

«лежащем в котле, со всех сторон горами окружённом»⁵³. Не были сожжены мосты по дороге на Вильно. Наполеону удалось ввести Чичагова в заблуждение об истинном месте своей переправы через Березину. Приказав своим сапёрам наводить ложную переправу южнее Борисова, он вместе со своей гвардией скрытно направился в северном направлении и вышел к узкому руслу реки у деревни Студёнка.

Подобный маневр следовало предвидеть. Но восточный берег Березины был занят войсками противника на расстоянии почти сотни верст, и было трудно угадать, где Наполеон решит переправляться через Березину – выше или ниже Борисова, и куда он намерен отступать после переправы – на Вильно или Минск. «Реку, – указал Чичагов в отчете, направленном императору 17 (29) ноября 1812 г., – во многих местах можно перейти вброд и в весьма короткое время можно переправить достаточное число людей, чтобы завладеть противоположным берегом под прикрытием сильной батареи». «В подобных случаях, – отмечал военный историк А.И. Михайловский-Данилевский, – принято правилом: держа войска в совокупности, стоять в центральном пункте и быть на равном расстоянии от мест, где неприятель может устроить переправу, по первому о том известию двинуться к ней, противопоставить возможные препятствия к переходу через реку или, если это не удастся, со всеми силами напасть на часть войск, уже успевшую перейти. Так сначала и поступил Чичагов. Всё 12-е ноября, т.е. на другой день после того, когда по разбитии арьергарда он принуждён был возвратиться на правый берег Березины, он простоял у Борисовского укрепления, составлявшего центральную точку переправ на Березине, отрядами наблюдая пространство от Земина до Уши и истребляя на реке плоты и материалы, которые могли служить неприятелю для построения мостов». Чичагов направил по правому берегу Березины на север к Зембину отряд Чаплица, а на юг до местечка Березино отряд графа [И.К.] Орурка⁵⁴. Но, по оценке участника событий генерала Ф. Орлова, задача обороны на Березине была нерешаема в принципе – из-за нехватки у Чичагова войск: в тех условиях «Наполеону не требовалось ни хитрости, ни искусства, чтобы совершить переправу»⁵⁵.

Располагая существенным превосходством в силах, 14 (26) ноября император французов с частью войск прорвался на запад. Обнаружив переправу противника у Студянки, Чичагов поступил адекватно – бросил туда основные силы Дунайской армии. При их приближении утром 17 (29) ноября французы сами подожгли мосты через Березину. Войска противника, которым Дунайская армия отрезала путь к отступлению, сдались. Через Березину ушли только 9 тыс.

французских солдат и офицеров. Войска Чичагова преследовали их, нанесли поражение французскому арьергарду и заняли Вильно. На Березине русские войска нанесли французам урон, после которого Великая армия перестала существовать как армейское формирование⁵⁶. На вопрос: «В каком положении находится армия?» Наполеон после Березины ответил: «Армии больше нет»⁵⁷. Принято считать, что императору удалось спасти свою гвардию. Но, по свидетельству наполеоновского адъютанта, из 47 тыс. гвардейцев, вошедших в Россию, после Березины с Наполеоном осталось всего несколько сотен солдат⁵⁸. В сражении на Березине русские войска, основу которых составляли соединения Дунайской армии, довершили разгром Великой армии.

Обеспечив собственное спасение, Наполеон оставил на уничтожение основные силы своей армии. В русской военной истории аналогов подобному поведению монарха нет. Петр I, окруженный в 1711 г. турками на Пруте, организовал отпор, а затем заключил мир и вывел свою армию в Россию. Бегство императора французов, как ни странно, не подорвало его авторитета как полководца. Но катастрофа на Березине вошла в историческое сознание французского народа. Выражение «C'est la Bérézina!» («Да это же Березина!») с тех пор используется во французском языке для обозначения окончательного краха какого-либо начинания⁵⁹. Оснований трактовать исход сражения на Березине как военную победу Наполеона нет.

Анализ дипломатической и вооруженной борьбы России после заключения Тильзитского мира позволяет заключить, что в 1807-1812 гг. Александр I, подобно шахматисту высочайшего класса, вел игру сразу на нескольких досках. Это была борьба за союзников в грядущей схватке с Французской империей. Парадокс ситуации заключался в том, что при этом царь столкнулся с противодействием не только Франции, с которой России предстояло воевать, но и Англии, уже находившейся с Францией в состоянии войны, а также Австрийской империи. Александр не избежал ошибок и неудач, но ему удалось предотвратить участие в войне против России наиболее опасных противников – Османской империи и Швеции, во многом нейтрализовать невольных союзников Наполеона – Австрию и Пруссию, избежать отвлечения крупных сил на войну против Персии. Активное участие в наполеоновском вторжении приняли только войска Великого герцогства Варшавского.

Лучшим дипломатом своего времени Александр I зарекомендовал себя еще до начала Отечественной войны 1812 г. Но своим главным успехом в этой борьбе он был обязан военному и дипломатическому искусству М.И. Кутузова, принудившего к миру османов. Наиболее

ценный результат заключения Бухарестского мира – не присоединение Бессарабии к России, а прекращение войны с Османской империей и высвобождение Молдавской (Дунайской) армии для участия в Отечественной войне. Быстрое выдвижение Дунайской армии из Валахии и Молдавии на Волынь спасло российскую Третью армию от необходимости вести бои с превосходящими силами противника и предотвратило их наступление на Киев. На Березине войска Дунайской армии довершили разгром Великой армии Наполеона. Дунайская армия внесла достойный вклад в достижение победы в Отечественной войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробно: *Шорников П.М.* Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во ПГУ, 2007. С. 130-148.

2. См.: *Степанов В.П.* Грани идентичностей: этногражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989-2006 гг.). Тирасполь, 2010. С. 45.

3. См. подробно: *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2005. С. 96-102 и др.

4. *Vezi: Popovschi N.* Istoria Bisericii din Basarabia din veacuril XIX sub rusi; Din negura trecutului: crimpie de amintiri. Chişinău. Muzeum. 2000. P.36; *Шорников П.М.* Указ. соч. С. 121, 122, 130, 133, 144, 145.

5. *Vezi: Agaghi Alexei.* Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupatia militara rusă (1806-1812) / Alexei Agaghi; pref.: Dumitru Vitcu; Acad. De Stiinte a Rep. Moldova, Inst. de istorie, stat și dreptn / Ed.: Pontos, 2008. – 388 p.

6. Русско-персидская война (1804-1813). URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_\(1804%E2%80%941813\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_(1804%E2%80%941813)) (дата обращения: 25.10.2012).

7. *Широкоград А.Б.* Северные войны России. М.; Минск, 2001. С. 355.

8. Фридрихсгамский мирный договор. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%85%D1%81%D0%B3%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B4%D0%BE-%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80 (дата обращения: 25.10.2012).

9. *Смирнов В.* Из маршала Франции в шведские короли. URL: http://clubs.ya.ru/zh-z-l/replies.xml?item_no=1956 (дата обращения: 25.10.2012).

10. Русско-турецкая война 1806–1812. URL: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=149> (дата обращения: 25.10.2012).

11. *Айпанетов О.* Бухарестский мир 1812 г. Часть вторая. URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/679---1812---.html> (дата обращения: 25.10.2012).

12. *Гребцов В.* Бухарестский мир Кутузова, или Победа для Одессы. URL: <http://telegraf.od.ua/articles/history-articles/3108-buxarestskij-mir-kutuzova-ili-pobeda-dlya-odessy> (дата обращения: 25.10.2012).

13. М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. 3. С.336.

14. Кутузов в Дунайских княжествах (Сборник документов). Кишинев: Госиздат Молдавии, 1948. С.38-41.

15. *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806-1812 гг. СПб., 1887. Т. III. 1810, 1811 и 1812 гг. Гр. Каменский 2, кн. Голенищев-Кутузов и Чичагов. С. 288-289.

16. Там же. С. 262-265.

17. М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. III. С. 642-643.

18. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. М., 1869. Т. II. С. 533-534; Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1962. Сер. 1. 1801-1815. Т. VI. 1811-1812 гг. С. 241.

19. *Попов А.Н.* Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. СПб., С. 324.

20. М.И. Кутузов Сборник документов. М., 1954. Т. III. С. 661.

21. Там же. С. 707-710; 719.

22. Там же. С. 356.

23. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 1. С. 94.

24. *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 351.

25. *Гребцов В.* Указ. соч.

26. *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 364-366.

27. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. 1801-1815. Т. VI. 1811-1812 гг. С. 306.

28. Там же. С.307.

29. *Петров А.Н.* Указ. соч. СПб., 1887. Т. III. 1810, 1811 и 1812 гг. Гр. Каменский 2, кн. Голенищев-Кутузов и Чичагов. С. 371-373.

30. *Юзефович Т.П.* Указ. соч. С. 49-58.; М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. III. С. 906-914.

31. *Юзефович Т.П.* Указ. соч. С. 54-55; Первое Сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. М., 1983. Кн. II. 1808-1813. С. 267.

32. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. I. С. 95.

33. *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 382.

34. Там же. С. 474.

35. Там же. С. 475.

36. *Рожинцев А.* Андреевский кавалер – король Фридрих Вильгельм III Николаус Карл Гогенцоллерн. URL: <http://www.otchestvo.org.ua/main/20066/804.htm> (дата обращения: 25.10.2012).

37. Понятовский Юзеф // Большая советская энциклопедия. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/122616/Понятовский>(дата обращения: 25.10.2012).

38. *Потто В.* Кавказская война. Том 1. От древнейших времен до Ермолова. XIX. Генерал от инфантерии Ртищев. URL: <http://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna--Tom-1--Ot-drevneyshikh-vremen-do-Ermolova/38> (дата обращения: 25.10.2012).

39. *Степкин В.П.* Петр Котляревский – «Кавказский Суворов». URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/42008/pk.htm (дата обращения: 25.10.2012).

40. *Юлин В.А.* Адмирал П.В. Чичагов - истинный патриот России. URL: <http://chichagovs.narod.ru/booklets/pavel.html> (дата обращения: 25.10.2012).

41. Отечественная война 1812 года URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Отечественная_война_1812_года (дата обращения: 25.10.2012).

42. *Смолянников С.* То была действительно Отечественная война за все Отечество, или Отеческий дух истории Русской Волыни. URL: <http://www.velykoross.ru/1988> (дата обращения: 25.10.2012).

43. Отечественная война 1812 г. в рассказе генерала Чаплица // Русская старина. СПб., 1886 г. Т. I. Июнь. С. 499-500.

44. *Михайловский-Данилевский А.И.* Отечественная война. Описание войны 1812-1815 г. СПб.: Издание А.А. Каспари, 1899 г. С. 288, 289.

45. Адмирал Чичагов П.В. в войне 1812 года. URL: <http://voynablog.ru/2012/10/17/admiral-chichagov-p-v-v-vojne-1812-goda> (дата обращения: 25.10.2012).

46. Там же.

47. Отечественная война 1812. Сражение на Березине. URL: http://war1812.my1.ru/index/srazhenie_na_berezine/0-23 (дата обращения: 25.10.2012).

48. *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 444.

49. Адмирал Чичагов П.В. в войне 1812 года. <http://voynablog.ru/2012/10/17/admiral-chichagov-p-v-v-vojne-1812-goda> (дата обращения: 25.10.2012).

50. Там же.

51. Сражение при Березине. URL: <http://mil.ru/et/war/more.htm?id=11203432@cmsArticle> (дата обращения: 25.10.2012).

52. Кто упустил Наполеона на Березине? URL: <http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=histn;action=display;num=1195043011> (дата обращения: 25.10.2012).

53. Сражение на Березине. URL: <http://chichagovs.narod.ru/booklets/pavel.html> (дата обращения: 25.10.2012).

54. Кто упустил Наполеона на Березине. URL: <http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=histn;action=display;num=1195043011> (дата обращения: 25.10.2012).

55. *Давыдов Д. В.* Сочинения в трех томах. М., 1895. Т. II. С. 121.

56. Адмирал Чичагов П.В. в войне 1812 года. URL: <http://voynablog.ru/2012/10/17/admiral-chichagov-p-v-v-vojne-1812-goda> (дата обращения: 25.10.2012).

57. Там же.

58. *Сегюр Ф. де.* Поход в Россию. Смоленск: Русич, 2003. С. 350.

59. *Лебедев И.* Оказывается, у французов есть устойчивое выражение: «C'est la Bérézina». URL: <http://kot-begemott.livejournal.com/1458526.html> (дата обращения: 25.10.2012).

Петр БОЙКО

СОСЛОВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Отечественная война 1812 г. - самая яркая страница боевого прошлого России XIX ст. Именно ей посвящено наибольшее число исследований по сравнению с любым другим событием, произошедшим в дореволюционной России.

Как отмечает Н.А. Тарковский, «...число изданных до 1917 г. книг и статей о войне 1812 г. - в 10-15 тыс. Советская литература по этой теме (чрезвычайно разраставшаяся в юбилейные 1962 и 1987 гг.) немного уступает русской дореволюционной»¹.

При этом не учитывается мировая литература о Наполеоне и его времени, которая еще в начале XX в. включала тысячи названий².

Начало военно-исторических исследований в России заложила официально-дворянская историография, яркими представителями которой стали А.Н. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович и ряд других авторов.

Характерной особенностью этих и некоторых других работ того времени было освещение событий в духе казенного патриотизма. Роль всех сословий российского общества в дни наполеоновского нашествия передается описанием трогательного объединения народа вокруг трона при руководящей роли дворянства, с преувеличением личных заслуг царя Александра I как единственного «источника души России». Однако с началом преобладания буржуазно-либеральной (конец XIX - начало XX в.) концепции в исторической литературе субъективно-идеалистические взгляды дворянских историков подвергаются критике, отвергается легенда о единении всего народа вокруг трона, развенчивается идеальный образ Александра I³. Историки рассматривают Отечественную войну как звено в цепи событий европейской политической и экономической жизни. Проводилась мысль о том, что в ее основе лежали классовые интересы дворян-помещиков, крестьянство же верило, что его участие в этих событиях сулит волю, а потому явилось самым ожесточенным противником Наполеона⁴.

С появлением марксистского направления в исторических исследованиях общественное внимание привлекла позиция М.Н. Покровского. В книге «История России в XIX в.» он выступил с критикой дворянских и буржуазно-либеральных концепций и охарактеризо-

вал вторжение Наполеона как акт необходимой самообороны в условиях континентальной блокады. Он отрицал народный характер войны и сглаживал агрессивную сущность нашествия Наполеона⁵.

К концу 30-х гг. наступила эпоха взвешенного подхода к оценке характера войны. Доминирующей стала концепция академика Е.В. Тарле, изложенная в работе «Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год»⁶. В оценке характера войны он выступает как против казенного патриотизма дворянских историков, так и против огульного отрицания народного характера войны. Литература того времени испытывала сильное влияние культа личности. В результате центральной фигурой стал Кутузов, которому приписывались все заслуги в разгроме французов. Вместе с тем были заложены основы необходимости изображения активной роли народных масс, классового характера сопротивления. Следствием этой концепции стала работа Л.Г. Бескровного «Отечественная войны 1812 г.». Подводя итог многолетнему изучению военно-исторической темы, автор выделяет проблему тыла и снабжения во всем ее многообразии и неоднозначности. В основу стратегической концепции был положен замысел Кутузова нанести Наполеону сокрушительный удар, с привлечением войск генерала Вишгенштейна и Дунайской армии адмирала Чичагова. Автор подчеркнул необходимость изучения частных вопросов и запутанных проблем, которые нуждаются в пересмотре⁷.

Концепция, выдвинутая Тарле, доминировала вплоть до конца XX в. В перестроечный период возникла тенденция «правдоискательства» в историческом прошлом России. Инициативу российских историков с радостью подхватили националисты постсоветского пространства, нередко доводившие ее до абсурда*.

Огромный объем литературы и опубликованных документов позволяет рассмотреть отношение к нашествию 1812 г. всех сословий русского общества: дворянства, купечества и подавляющего большинства народа – крестьянства. Представляют интерес и отдельные факты отношения к наполеоновскому вторжению национальных меньшинств, населявших Российскую империю. Эти вопросы и составляют цель настоящего сообщения.

Дворянство встретило войну с чувством тревоги. Его основа и в особенности аристократическая верхушка относились к Бонапарту отрицательно. После разгрома Наполеоном Пруссии король Вильгельм III был вынужден отменить крепостные порядки. Помещики опасались, что то же самое надумает сотворить и Александр I, чтобы

---

* Поносенков Е. Правда о войне 1812 г. М., 2004.

обезвредить наполеоновскую пропаганду о намерении отменить в оккупированной России крепостное право.

Однако патриотический порыв крестьянства, в том числе и крепостного, и его решимость оказать вооруженное сопротивление захватчику успокоили крепостников. И все же Александр был в тревоге, а посему предпринимались меры по противостоянию выступлениям черни. Была усилена жандармерия, введена негласная цензура на почтовую переписку, проводилась антишпионская деятельность.

Русских помещиков успокаивали действия Наполеона в занятых его войсками Литве и Белоруссии, где он не только не отменил крепостную неволю, но и с оружием в руках встал на защиту крепостников.

События в западных губерниях стали жестоким уроком помещикам, т.к. попытка предательства была наказана собственными крестьянами.

И все же дворянство, как господствующее и привилегированное сословие, выполняло главенствующую роль в государстве, и вряд ли стоит опровергать его руководящую роль. Его представители занимали административно-политические должности от царского двора до уезда. Они представляли генералитет и офицерский корпус армии. К моменту нашествия Наполеона существенной оппозиции царскому самодержавию замечено не было.

Большинство дворян с чувством патриотизма сражались на фронтах, поднимали крестьян на партизанскую борьбу с врагом, формировали народные ополчения, отряжая своих крепостных в формирующиеся полки, вносили пожертвования на благо Отечества. Многие из них потеряли все, чем владели до войны.

Из этого сословия выделились талантливые военачальники, бесстрашные боевые офицеры, отважные предводители партизанского движения, навеки вписавшие свои подвиги в историю России. Это, прежде всего, главнокомандующий русской армией М.И. Кутузов, командующие армиями М.И. Платов, А.П. Тормасов, П.И. Багратион, организаторы и предводители партизанских отрядов офицеры Д.В. Давыдов, И.С. Дорохов, А.Н. Сеславин, А.С. Фигнер и многие другие⁸.

Однако некоторые помещики на волне всеобщего патриотизма не забывали о своих интересах и занимались прямым разграблением казны, взимая за поставку продовольствия и транспортировку грузов завышенные цены.

К сожалению, царь не обращал внимания на многочисленные факты казнокрадства со стороны помещиков, бывших в сгово-

ре с чиновниками и интендантами, всецело доверившись графу А.А. Аракчееву, занимавшему пост председателя военного департамента Государственного совета.

По поручению генерала Винценгероде (*немецкий генерал на русской службе. Во время французской оккупации командовал особым отрядом, который прикрывал дорогу на Тверь, а также вел партизанскую войну. Слыл честным служакой. - П.Б.*) с письмом о фактах казнокрадства к царю явился князь Волконский. Александр в личной беседе задал посланцу три вопроса. Впоследствии вопросы и ответы князь изложил в личных записках:

«Каков дух армии?» - спросил император. - «Государь, от главнокомандующего до всякого солдата все готовы положить свою жизнь к защите отечества и Вашего Императорского Величества.»

«А дух народный?» - на это я ему отвечал: «Государь! Вы должны гордиться им: каждый крестьянин - герой, преданный отечеству и Вам.»

«А дворянство?» - «Государь, - сказал я ему, - я стыжусь, что принадлежу ему...»⁹.

Духовенство - служители господствующей православной веры в Российской империи - оберегало паству от «грехопадения». С нашествием Наполеона и на его долю выпало немало испытаний, в особенности в Белоруссии и Литве. Оставшиеся на оккупированной территории священники, чтобы получить право богослужения, должны были вступать в деловые отношения с неприятелем. Архиепископ Могилевский Варлаам по приказу маршала Даву 25 июля привел население Могилева к присяге на верность Наполеону. Этому примеру последовали и некоторые другие представители духовенства, которые после войны были уличены в предательстве и подвергнуты наказаниям. Другие священники на занятой неприятелем территории, избегая встречи с представителями оккупационной власти, часто уходили с крестьянами в леса, где и вели пасторскую службу, предавая анафеме антихриста-Наполеона. В целом духовенство России верой и правдой служило трону, неся слово Божие и в действующей армии.

Купечество - это сословие, на которое рассчитывал Наполеон. Его он предполагал использовать в своих целях, поскольку оно играло ведущую роль в экономической жизни страны. Однако в Москве купечество проявило дух полной непримиримости к завоевателю. Никаких торговых дел с неприятелем купцы не вели, ни в какие сделки с ним не вступали и вместе со всем населением, которое имело такую возможность, покидали места, занятые врагом, бросая дома, лавки, склады. Московское купечество пожертвовало на оборону 10

млн рублей - сумму по тому времени огромную. Характерно то, что если часть купечества очень много потеряла из-за великого разорения от нашествия, то другая часть многое выиграла. Будучи в сговоре с интендантами и чиновниками, такие купцы взвинчивали цены на поставляемое оружие и боеприпасы, провиант, обмундирование. Они жили в соответствии с русской поговоркой: «Кому - война, кому - мать родна». На фоне патриотических заявлений, под видом верноподданнического служения царю и Отчеству, они обкрадывали казну.

Как показала действительность, национальные меньшинства не оставались сторонними наблюдателями в борьбе с оккупантами. Теснее сблизившись с русским народом, они вносили пожертвования на нужды армии, принимали активное участие в формировании отрядов (полков) народного ополчения. Калмыки создали 2 полка, башкиры - 20 полков (11 320 воинов), крымчане - 11 полков (6 226 воинов) народного ополчения¹⁰.

Народным героем стал Петр Багратион, достойно представлявший Грузию. При преследовании отступавшего врага храбростью прославились «летучие отряды» калмыков. Особый башкирский отряд, созданный казачьим атаманом Платовым, блестяще атаковал французов в самых неожиданных местах.

Вполне можно было положиться на евреев - население западных губерний, которое незаслуженно подвергалось подозрениям и неуважению. Несмотря на посулы Наполеона, оно осталось преданным русскому правительству. Легендарный предводитель партизан Денис Давыдов был очень огорчен, когда один храбрец из его отряда, представленный им к Георгию, не смог получить этого ордена из-за своего еврейского происхождения¹¹. Таким образом, как свидетельствуют исторические источники, представители национальных меньшинств и отдельных групп не уступали русскому населению в желании защитить общее отечество.

В победе над наполеоновской армией важную роль сыграли народные ополчения - вспомогательные формирования из крепостных крестьян, казаков, калмыков, башкир¹².

Народные ополчения были созданы после оглашения манифеста правительства Александра I от 6 июля 1812 г. в 16 губерниях¹³.

Крепостные становились ополченцами с разрешения своего помещика. Представители других сословий зачислялись на добровольной основе. Крестьяне с энтузиазмом шли на войну с наполеоновскими захватчиками, надеясь заслужить освобождение от крепостной зависимости. Наряду с мощным партизанским движением народные ополчения были не только важным резервом ар-

мии, но и принимали участие в Бородинской битве, во взятии Половца и других боевых операциях.

Русскому крестьянству выпала доля вынести все тяготы войны. Крестьяне - это 95% состава действующей армии, народные ополчения и партизанские отряды, а также повседневный труд для обеспечения жизнедеятельности государства.

Рекрутские наборы в период войны превратились в настоящие всенародные праздники, чего до этого не наблюдалось. Чувство патриотизма, ненависть к захватчику-антихристу Наполеону преобразили настроения крестьян, жаждавших подвига. Особые испытания судьба уготовила тем, кто оказался на территории, оккупированной французами.

Еще до нашествия шпионы распространяли среди крепостных крестьян слухи о намерении Наполеона освободить крестьян из неволи.

Бонапарт, используя информацию целой армии своих шпионов, располагал исчерпывающими сведениями о внутреннем положении России. Он знал, что крестьянство ненавидит крепостную неволю и каковы масштабы его протеста, ему было известно о ежегодных случаях убийств помещиков, о волнениях, ставивших под угрозу существование крепостного строя вообще.

После занятия Литвы и Белоруссии дворяне этих губерний изъявили желание освободиться от русского владычества, а поскольку наполеоновская пропаганда распространяла слухи об отмене крепостного права, белорусские крестьяне восстали с надеждой освободиться от панского гнета.

В июле-августе 1812 г. Белоруссия была охвачена крестьянскими волнениями, переходившими кое-где в открытые восстания. Помещики бежали в города Вильно, Могилев, Минск под прикрытие оккупантов с просьбой оказать вооруженную помощь против крестьян¹⁴.

Крестьяне выгоняли помещиков из усадеб, ломали мебель в домах, уничтожали все принадлежавшие им строения. Такова была их месть своим тиранам, доведшим их до нищеты. Французское командование усмиряло крестьян, восстанавливая все крепостные порядки.

Вначале крестьянские действия носили пассивный характер. Так, крепостные отказывались поставлять фураж и продовольствие, уходили в леса. Но вскоре они активизировались и стали нападать на фуражиров и на отдельные французские подразделения. Зародившись в Литве и Белоруссии, движение сопротивления повсеместно нарастало по мере продвижения вражеских войск, особенно со вступлением их на территорию Смоленской губернии.

Вначале правящие круги России, в том числе и Александр I, боялись активного выступления крестьян, опасаясь обострения классовой борьбы внутри страны. Но, убедившись, что те мирно уживаются со своими помещиками, пошли на содействие движению.

В августе в ряде уездов были созданы крестьянские партизанские отряды, организованные исправниками и предводителями мелкого дворянства¹⁵.

Движением партизан начало заниматься высшее командование армии. Командующий Первой армией генерал М.Б. Барклай де Толли в письме смоленскому губернатору официально предписывал призывать население к партизанской борьбе¹⁶.

В конце августа по инициативе подполковника Давыдова был создан первый армейский партизанский отряд, начавший свои действия на Смоленской дороге в контакте с крестьянами-партизанами¹⁷.

Занятие Москвы 2 сентября войсками Наполеона привело к широкому развертыванию партизанской борьбы в городе и его окрестностях. Оставшиеся в Москве жители нападали на вражеских солдат и офицеров. Крестьяне Подмосковья срывали продовольственное и фуражное снабжение наполеоновской армии. Партизанское движение после Бородино достигло огромных успехов только благодаря добровольной, усердно оказываемой русским крестьянством помощи.

Организация партизанской борьбы стала предметом внимания главнокомандующего. Из Тарутино М.И. Кутузов в директивах командирам армейских партизанских отрядов давал наставления по развертыванию партизанского движения. Например, армейскому партизану капитану А.Н. Сеславину Кутузов приказывал вооружить крестьян отобранным у неприятеля оружием.

В сентябре в составе армейских партизанских отрядов действовали 36 казачьих полков, 7 кавалерийских полков, 5 эскадронов, 1 команда конной артиллерии, 5 пехотных полков, 3 батальона и 22 полковых орудия¹⁸.

Партизаны нарушали связь французских войск с тылом, ослабляли их силы, подвергали деморализации. Многие крестьянские партизанские отряды вступали в ряды отрядов армейских.

Из числа крестьян повсеместно выдвигались умелые командиры, имена которых приводили в ужас французов. Их были сотни. Например, хорошо была известна французам старостица хутора Горшкова Сычевского уезда Смоленской губернии Василиса Кожина, организовавшая отряд из подростков и женщин¹⁹.

К партизанским действиям были привлечены части народных ополчений Калужского, Владимирского, Тверского уездов. За пять

недель после Бородинского сражения армия Наполеона потеряла от действий партизан около 30 тыс. чел.²⁰

Война против наполеоновского вторжения была истинно народной войной. Русский крестьянин, сражаясь в мундире солдата или зипуне партизана, стяжал себе бессмертную славу.

И все же борьба крепостного крестьянства против помещиков не прекращалась и в 1812 г. То в одном, то в другом месте поднимались против помещиков. К примеру, в связи с волнениями крестьян Тамбовской губернии Комитет министров предписал командующему войсками в Тамбовском округе барону Винценгероде найти зачинщиков и на страх другим их повесить. Генерал разобрался в деле и не только никого не повесил, но и узнал о гнуснейшем поведении помещиков, сознательно подводивших крестьян под обвинение в государственной измене.

И те присмирели и старались не обижать крепостных.

При волнениях и восстаниях в лагерях ополченцев, требовавших привести их к присяге, налицо было единодушное патриотическое антифранцузское настроение.

Все эти крестьянские волнения в 1812 г. были каплей в море по сравнению с гигантским подъемом чувства ненависти к иноземному завоевателю, охватившего многомиллионную народную массу, что стало мощным двигателем к победе над страшным врагом²¹.

Отечественная война 1812 г. - героическая страница русской истории, национальная эпопея русского народа. Тогда он спас всю Европу от порабощения. Нашествие Наполеона для России стало огромным бедствием. В руины были обращены многие города. В огне московского пожара навсегда исчезли драгоценные реликвии прошлого. Громадный урон понесли промышленность и сельское хозяйство. Но Московская губерния быстро оправилась от опустошения, в Смоленской и Псковской же вплоть до середины века населения было меньше, чем в 1811 г.

Коренная ошибка Наполеона происходила от непонимания русского народа. Не только он, но фактически никто в Европе не предполагал, каких высот героизма способны достичь русские, когда речь идет о защите Родины. Никто не предвидел, что русские крестьяне обратят всю центральную часть своей страны в выжженную пустыню, но ни за что не покорятся завоевателю. Все это Наполеон узнал слишком поздно²².

Русские крестьяне после изгнания неприятеля из России считали, что они заслужили свободу и что получают ее от царя. Однако после окончания войны они получили от Александра I лишь строчку, посвященную им в манифесте от 30 августа 1814 г., где царь «все-

милостивейше» благодарил все сословия, но далеко не всем предоставлял льготы. Вот что гласила эта единственная строчка, где речь шла о награде для крестьянства: «Крестьяне, верный наш народ, да получит мзду свою от Бога...»²³.

Такова была оценка крепостниками героизма своего крестьянства. «Дворяне, священники, купцы, крестьяне, - свидетельствует очевидец, - все были одушевлены одним духом... Повсюду мы встречали только самое геройское самопожертвование». Многие из наиболее просвещенной и передовой части дворянства судили иначе, чем крепостники и император. Декабристы утверждали, что именно победа 1812 г. сделала в их глазах не только крепостное право, но даже дальнейшее существование самодержавного деспотизма явлением, совсем непереносимым в моральном отношении²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Троцкий Н.А.* Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов, 1991.
2. *Kirchrisen E.* Bibliographie des Napoleonischen Zeitalters. Berlin, 1998. В. I. S. VIII.
3. *Михаиловский-Данилевский А.Н.* Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1843; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам в трех частях. СПб., 1859-1860.
4. Отечественная война и русское общество 1812-1912 гг. В семи томах. М., 1911-1912.
5. История России в XIX в. М., 1923.
6. *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1998.
7. *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962.
8. *Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1988. С.185, 232.
9. *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 199.
10. Там же. С.192.
11. *Давыдов Д.В.* Сочинения. Т. II. СПб., 1895. С. 36.
12. См.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. док. Док. № 5,12,13,17.
13. Там же. Док. № 20.
14. *Бычков Л.Н.* Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954. С. 27, 28.
15. Там же. С. 31.
16. Там же. С. 34.
17. *Давыдов Д.В.* Указ. соч. С. 31.
18. См.: *Бескровный Л.Г.* Указ. соч.
19. *Данилов А.А., Косулина Л.Г.* История России. М., 2001. С. 26.
20. См.: *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962.

21. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 182, 184, 188.
22. История России XIX в. М., 1991. С. 29.
23. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 195.
24. Манифест Александра I от 30 августа 1814 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1. Том 32. 1812 - 1815. СПб., 1830. № 25.671. С. 906-910.

РУСНАК
RUSYN RUTHEN

www.rusnak.info
e-mail: svmiros@eunet.yu

Ирина БЛАГОДАТСКИХ

М.И. КУТУЗОВ В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Имя Михаила Илларионовича Кутузова тесно связано с яркими страницами российской военной истории, с победами, одержанными Российским государством над Османской империей в конце XVIII – начале XIX в., а также с историей Отечественной войны 1812 г., в полной мере раскрывшей масштаб его полководческого таланта. Внимание к личности М.И. Кутузова, к различным аспектам его деятельности не ослабевает, о чем свидетельствуют публикации, появившиеся в последние годы как в научных, так и в популярных изданиях России, Молдовы и Приднестровья¹, а также материалы, размещенные на сетевых ресурсах.

В общественно-политическом дискурсе Республики Молдова история заключения Бухарестского мира 1812 г. в связи с его 200-летием вновь стала предметом острых дискуссий. Они подтвердили глубокий раскол молдавского общества по проблеме исторического значения этого события для судеб молдавской государственности. Диапазон его оценок достаточно широк - от «оккупации» до «освобождения»².

Для истории Приднестровья 1812 г. стал завершением вхождения территории в состав Российской империи. В этом смысле тема «М.И. Кутузов и 1812 год» самым непосредственным образом связана с ключевыми моментами политической истории Приднестровья конца XVIII – начала XIX в., современная территория которого входила в состав Российской империи поэтапно, в результате военных событий 1787-1812 гг., и была закреплена за ней в ряде международных документов.

Первый этап - присоединение Южного Приднестровья - русско-турецкая война 1787-1791 гг., Ясский мирный договор 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.), статья III. Ясский мир в этом смысле стал точкой отсчета истории Приднестровья в составе Российской империи.

Второй этап - присоединение Северного Приднестровья - раздел Речи Посполитой, Петербургская австро-прусская конвенция 12 (23) января 1793 г., статья II.

Третий этап - присоединение города Бендеры и Бендерской крепости - русско-турецкая война 1806-1812 гг., Бухарестский мирный договор 16(28) мая 1812 г., статья IV³.

Следует отметить, что столь весомое значение имени М.И. Кутузова для приднестровской истории связано с тем, что его военная и дипломатическая деятельность была весьма разнообразна и на этом поприще продолжительна.

С 1768 г. Кутузов почти непрерывно находился на Дунайском театре военных действий. В период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. он проявил себя в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, получил орден Св. Георгия 4-й степени. Важен факт, что он отличился в ночь с 15 на 16 сентября 1770 г. в числе офицеров-добровольцев Первой армии П.А. Румянцева, «пожелавших принять участие в штурме Бендер». Об этом есть упоминания в книге Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева «Фельдмаршал Кутузов», а также в работе Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты»⁴.

В период русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Кутузов заслужил славу героя Измаила и Мачина. После заключения Ясского мирного договора указом Коллегии иностранных дел 26 октября 1792 г. Екатерина II назначила генерал-поручика М.И. Кутузова Чрезвычайным и Полномочным Послом «к Порте Оттоманской»⁵. Встреча послов Османской и Российской империй состоялась в июне 1793 г. у Дубоссар. Этому событию посвящена публикация старшего научного сотрудника Дубоссарского историко-краеведческого музея Г.М. Киселевой «Размен послов по Ясскому миру 1791 г. в Дубоссарах при участии М.И.Кутузова», опубликованная в «Ежегодном историческом альманахе Приднестровья»⁶. Встреча послов отражена на линогравюре известного молдавского художника Эмиля Килдеску, копия которой хранится в Дубоссарском музее.

После размена посольств в Дубоссарах М.И. Кутузов растянул дорогу в одну неделю на три месяца и прибыл в Стамбул 26 сентября 1793 г. В его свите, состоявшей из 650 человек, находилось несколько десятков специалистов военно-топографического дела, которые снимали планы местностей, места возможных стоянок и пр., что могло пригодиться русской армии в будущем⁷.

Будучи послом в Стамбуле, он тщательно изучал экономическое положение и внутривосточное состояние Османской империи, прекрасно знал боевые качества и возможности турецкой армии. Кутузов, безусловно, принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Помимо военных и военно-инженерных наук, он хорошо разбирался в истории, международных отношениях и дипломатии, знал французский, немецкий, английский, польский,

шведский и турецкий языки, а также латынь, умело использовал данные военной разведки. Разведывательной деятельности полководец уделял большое внимание, считая ее одним из важнейших факторов военного успеха. В любимом сафьяновом портфеле М.И. Кутузова хранились секретные документы, необходимые для выполнения сложной миссии в Стамбуле. Ныне они хранятся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге⁸.

За время пребывания в турецкой столице (до февраля 1794 г.) Кутузов сумел расположить к себе султана-реформатора Селима III. В одном из своих писем 5 ноября 1793 г. он писал, что султан «при всяком случае допускает до меня похвалы и комплименты», а «на аудиенции делал мне учтивости, каких ни один посол не видел»⁹. В занимательной публикации о пребывании М.И. Кутузова в Стамбуле, подготовленной известным российским специалистом по истории Турции В.И. Шереметом, автор рассказывает о неслыханной дерзости посла – посещении гарема султана, где он покорила подарками и речами «розарий падишаха». Влиятельнейшие женщины Стамбула Михри-шах (мать Селима III), Хадиджа-ханум (сестра Селима III), Нахш-диль (мать будущего султана Махмуда II) содействовали М.И. Кутузову в решении вопросов о торговом тарифе и определении размеров пошлины за проход проливов¹⁰.

Главной задачей его миссии было, по словам Екатерины II, «сохранить мир и доброе согласие в Портой, нужное для отдохновения в трудах и беспокойствах, империей нашей понесенных»¹¹. За исполнение этой миссии, которая стала дипломатическим дебютом Кутузова, по случаю «годовщины заключения мира с Турцией», он получил от императрицы «в вечное и потомственное владение» две тысячи ревизских душ (крепостные мужского пола)¹².

Вершиной дипломатической деятельности М.И. Кутузова стало заключение в 1812 г., до наполеоновского вторжения, Бухарестского мирного договора, в соответствии с которым территория Днестровско-Прутского междуречья, включая город Бендеры и Бендерскую крепость, вошла в состав Российской империи.

Русско-турецкая война, фактически начавшаяся в 1807 г., приняла длительный и затяжной характер. Она показала отсталость и внутреннюю слабость Османской империи. Следует отметить, что для России эта война также носила вынужденный характер: сложная политическая обстановка в Европе, борьба с Францией в Польше и Восточной Пруссии, отказ Австрии в поддержке и союзе против Османской империи заставляли российское правительство стремиться к мирному урегулированию конфликта. Важно было не только за-

ключить мир, но и сорвать планы Наполеона по привлечению Турции в качестве военного союзника. Попытки установить дипломатические контакты были сделаны уже в самом начале войны, однако потерпели неудачу¹³.

Новый этап переговоров начался в мае 1811 г. и продолжался два месяца. Стало очевидно, что прийти к соглашению почти невозможно: российская делегация требовала установления границы по Дунаю, а турецкая – возврата всех занятых русскими войсками территорий. Начавшиеся военные действия прервали переговорный процесс, который возобновился лишь после поражения турок под Рущуком в октябре 1811 г. у крепости Журжа, а затем был перенесен в Бухарест¹⁴.

В условиях острой политической борьбы и давления на Порту европейских держав, прежде всего Франции, Великобритании и Австрии, М.И. Кутузов филигранно вел сложную дипломатическую игру, используя противоречия между возможными союзниками и настойчиво представляя Александру I свою линию на скорейшее заключение мирного договора. В начале апреля император дал согласие на уступки в условиях договора с Турцией, в частности, на установление русско-турецкой границы по р. Прут. На эту уступку он разрешал пойти при условии заключения не только мирного договора, но и союзного трактата с Портой, что М.И. Кутузов считал в данных условиях невозможным.

Достижению взаимоприемлемой договоренности способствовало не только изменение русских условий урегулирования, но и опасения Турции, что претензии наполеоновской Франции будут направлены и против нее самой. Эти опасения всячески поддерживались Кутузовым, который подчеркивал во время встреч с турецкими представителями, что западные державы используют русско-турецкую войну в своих целях¹⁵.

7 мая 1812 г. в Бухаресте были подписаны предварительные условия, а 16 мая – окончательный текст мирного договора между Россией и Турцией. Условия договора носили умеренный характер, но, тем не менее, были благоприятны для России. Русско-турецкая граница была установлена по р. Прут, а Бессарабия вошла в состав России.

Молдавия и Валахия возвращались Турции, однако М.И. Кутузову удалось обеспечить их автономию путем подтверждения всех положений Ясского мирного договора, что расширяло права внутренней автономии Дунайских княжеств и сохраняло влияние России в этом регионе. Большое значение имели постановления, касавшиеся Сербии, которой была предоставлена широкая автономия во вну-

треннем управлении. Россия получила право контролировать точное исполнение Портой постановлений в отношении Сербии. Благоприятным для России компромиссом закончились и споры об азиатской границе. Согласно VI статье договора Османской империи возвращались только завоеванные земли и крепости, а добровольно присоединившиеся оставались за Россией. К этим территориям относились не только Имеретия и Менгрелия, но и Абхазия и Гурия, то есть участок восточного берега Черного моря протяженностью более 200 км. Другие положения договора касались восстановления торговых отношений между двумя странами¹⁶.

После подписания прелиминарных условий М.И. Кутузов добился от главы турецкой делегации Галиб-эфенди согласия «сколько можно менее давать публичности всему производству, дабы на некоторое время утаить сие происшествие от недоброхотствующих». Для западных дипломатов было сделано ложное сообщение о том, что «никак мнения взаимных полномоченных не сходятся» и дело идет к возобновлению военных действий¹⁷. Поэтому французские и австрийские дипломаты восприняли известие о подписании Бухарестского мирного договора как весьма неприятную неожиданность. Неслучайно в своих воспоминаниях французский генерал граф Ф.-П. Сегюр писал: «Кто из нас во французской армии не вспоминает о своем удивлении, когда посреди русских полей стало известно о роковом договоре турок и шведов с Александром... Тогда мы не думали иного, кроме как о гибельных последствиях этого мира между нашими возможными друзьями, ставшими нашими врагами»¹⁸.

Наполеон узнал о русско-турецком мирном договоре до похода на Россию, но и для него он стал полной неожиданностью. Позднее Бонпарт признался, что, узнав о договорах, заключенных между Россией и Турцией, Россией и Швецией, он должен был бы отказаться от русского похода¹⁹.

Бухарестский мирный договор, заключенный накануне наполеоновского нашествия на Россию, был несомненной победой русской дипломатии. Его подписание создало более благоприятную для России военно-политическую обстановку. В лице Османской империи Франция лишилась союзника, которому в предстоявшей войне отводилась довольно существенная роль. Российская армия примерно в 50 тыс. чел. высвобождалась и направлялась для укрепления западных границ империи. Кроме того, условия договора в целом устраивали и Порту: ведь, несмотря на все дальнейшие усилия французской дипломатии, Турция на протяжении Отечественной войны 1812 г. сохраняла нейтралитет.

Положения Бухарестского мирного договора не только обеспечили укрепление позиций России на Балканах, но и создали достаточно благоприятные условия для развития национально-освободительного движения в этом регионе. Безусловно, заключение Бухарестского мирного договора стало важной вехой в государственной и дипломатической деятельности М.И. Кутузова, важной вехой в истории Молдавии, которая обусловила начало нового этапа политического и социально-экономического развития края.

В военно-историческом наследии Приднестровья чрезвычайно значимы имена выдающихся российских государственных и военных деятелей - Г.А. Потемкина, П.А. Румянцева, П.И. Панина, А.В. Суворова, М.И. Кутузова²⁰. Среди них особо выделяется имя А.В. Суворова, с которым связано основание Тираспольской крепости, положившей начало современной столице Приднестровской Молдавской Республики. На приднестровской земле, в с. Строенцы, родился выдающийся русский полководец П.А. Румянцев. В истории города Каменки оставил свой след герой Отечественной войны 1812 г. генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн. Как уже отмечалось, военная и дипломатическая деятельность М.И. Кутузова была непосредственно связана с наиболее яркими событиями военной истории Приднестровья конца XVIII - начала XIX в. (русско-турецкие войны 1768-1774, 1787-1791, 1806-1812 гг.).

В последние десятилетия - период становления уже приднестровской государственности - внимание к военным событиям, выдающимся историческим деятелям усиливается. В дни празднования 205-летия столицы ПМР, 11 октября 1997 г., в г. Тирасполе на Бородинской площади у Дома офицеров был установлен памятник М.И. Кутузову работы скульптора Кузнецова²¹.

Большое внимание к выдающимся российским военным деятелям было привлечено начавшимися с 2006 г. масштабными работами по восстановлению военного кладбища, Бендерской крепости, размещению на ее территории новых музейных и мемориальных объектов²². На территории крепости перед входом в цитадель началось создание Пантеона Русской Славы, посвященного видным российским военачальникам. В 2009 г. в Пантеоне был установлен первый бюст – генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова¹³.

5 мая 2009 г. президент ПМР подписал Указ «О присвоении имени Михаила Илларионовича Кутузова государственному образовательному учреждению «Тираспольский юридический институт МВД ПМР»²⁴.

Имя Кутузова востребовано и в юбилейных мероприятиях, посвященных 200-летию Отечественной войны. В сентябре 2012 г. в

ТЮИ им. М.И. Кутузова состоялась преподавательско-студенческая конференция, посвященная этому юбилею. 11 октября 2012 г. в конференц-зале гостиницы «Россия» прошла презентация репринтного издания книги В.В. Назаревского «Столетие Отечественной войны 1812 г.», выполненного ЗАО «Агропромбанк» при содействии московского музея-панорамы «Бородинская битва». В ходе презентации состоялась демонстрация фильма «Бородинская битва: 200 лет спустя», посвященного реконструкции музея-панорамы. Представитель музея, принимавший в участие в презентации, передал копию фильма, которая используется для показа в приднестровских средних и высших учебных заведениях.

Военно-историческое наследие имеет огромное значение в общей концепции общей истории Приднестровья, России, Молдовы и Украины, оно тесно связано с актуальными проблемами общественно-политической жизни.

С 2009 г. в структуре Приднестровского государственного университета начала функционировать научно-исследовательская лаборатория «Наследие», основной целью которой стало изучение военно-исторического наследия Левобережья. В рамках этой проблематики в качестве основных направлений были выделены следующие темы: памятники военной истории; законодательство ПМР в области сохранения и использования историко-культурного наследия; военная история Приднестровья в отечественном краеведении, архивоведении, музееведении; биографическая военная история Приднестровья и др.

В 2010-2011 г. коллектив лаборатории принимал активное участие в разработке и обсуждении Целевой президентской программы «Об увековечении памяти защитников Отечества» на 2009-2015 гг. 3 марта 2010 г. в ПГУ состоялось заседание «круглого стола», посвященное обсуждению основных направлений программы. Оно выявило семь «китов» сохранения и развития военно-исторического наследия. Это памятные места и памятники военной истории, музеи, архивы, библиотеки, издательская деятельность, научно-исследовательская работа, военно-патриотическая (в том числе военно-поисковая) работа²⁵.

Реализация Целевой президентской программы «Об увековечении памяти защитников Отечества» началась в 2009 г., и содержанием ее первого этапа (2009–2010 гг.) стали ремонт и восстановление памятников и памятных мест периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В результате активного обсуждения в проект программы на 2011-2015 гг. было включено проведение различных междунаро-

ных научных конференций, посвященных истории крепостных сооружений Северного Причерноморья, 220-летию Ясского мирного договора и основания Тирасполя, 70-летию начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., 100-летию начала Первой мировой войны. Также планировалось начать выпуск ежегодного издания по военно-исторической проблематике и изданий серии «Выдающиеся имена в истории Приднестровья». Программа предусматривала создание музея А.В. Суворова, открытие новых музейных экспозиций, проведение исследовательской работы и сбор документов в фондах библиотек и архивов Российской Федерации. К сожалению, в 2011 г. финансирование программы было частично свернуто, а в 2012 г. прекращено.

Безусловно, сохранение и развитие исторического наследия Приднестровья требует системного рассмотрения, которое позволило бы обеспечивать междисциплинарный подход к изучению объектов исторического наследия региона, совершенствовать законодательную базу Приднестровья для сохранения и использования историко-культурного наследия, способствовать установлению международных научных контактов.

В 2013 г. исполняется 220 лет дипломатической миссии М.И. Кузова. Реализация конкретного тематического проекта с созданием музейной экспозиции в Дубоссарском историко-краеведческом музее, с проведением реконструкции церемонии размена послов в Дубоссарах, с исследовательской работой в архивных и библиотечных фондах Москвы и Санкт-Петербурга, с научной конференцией с участием ведущих специалистов могла бы стать примером системного подхода к сохранению и развитию совместного исторического наследия, качественно нового уровня развития приднестровско-российских гуманитарных связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Айрапетов О.* Бухарестский мир 1812 года // Родина. 2012. №1. С.109-112; №2. С.68-71.

2. Бухарестский мирный договор (май 1812 г.) между Российской и Османской империями явился решающим историческим событием – Валерий Кузьмин. URL: <http://obzormd.com/2011/10/05> (дата обращения: 15.10.2012); «Зиг хайль» в «день траура». Унионисты отметили 200-летие Бухарестского мира нацистским маршем. URL: <http://www.puls.md/ru/content> (дата обращения: 15.10.2012).

3. Тексты международных документов, закрепивших территорию современного Приднестровья в составе Российской империи, см.: Восточ-

ный вопрос в конце XVIII – начале XIX в. Документы и материалы внешней политики Российской империи / Составитель И.М. Благодатских. Тирасполь, 1999.

4. *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 56; *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2003. С. 59.

5. Кутузов М.И. Документы / Под ред. Л.Г. Бескровного. Т. I. М., 1950. С.189-190. Переписку по процедуре размена послов см. там же. С. 207-213.

6. *Киселева Г.М.* Размен послов по Ясскому миру 1791 г. в Дубоссарах при участии М.И. Кутузова // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2002. № 6. С. 107-108.

7. *Шеремет В.И.* Сафьяновый портфель Кутузова // Родина. Россия и Турция: 500 лет соседства. 1998. №5-6. С. 76.

8. Там же. С. 78.

9. Из письма М.И.Кутузова Е.И. Кутузовой о приеме у султана // Кутузов М.И. Документы. С.243-244.

10. *Шеремет В.И.* Сафьяновый портфель Кутузова. С. 78.

11. Там же. С.76.

12. Из росписи наград по случаю годовщины заключения мира с Турцией 2 сентября 1793 г. // Кутузов М.И. Документы. С.227. См.: Указ Екатерины II Сенату о пожаловании М.И. Кутузову имения в Волынской губернии // Там же. С. 382-383.

13. *Шапкина А.Н.* Полководец М.И. Кутузов и Бухарестский мир // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. М., 1992. С. 122.

14. Там же. С. 128.

15. Там же. С. 132-133.

16. Текст Бухарестского мирного договора см.: Восточный вопрос в конце XVIII – начале XIX в. Документы и материалы внешней политики Российской империи / Составитель И.М. Благодатских. Тирасполь, 1999.

17. *Шапкина А.Н.* Указ. соч. С. 134.

18. Там же.

19. Там же.

20. См.: *Благодатских И.М.* Военно-историческое наследие Приднестровья: постановка проблемы // Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2010. С. 169-173.

21. *Мельниченко С.* Создатель улыбался тираспольчанам // Днестровская правда. 11 октября 1997 г. Память о М.И. Кутузове увековечена в названиях улиц приднестровских городов (г. Дубоссары).

22. Об истории восстановления военного кладбища в г. Бендеры и создания военно-исторического комплекса см.: Страницы военного некрополя старых Бендер. Тирасполь, 2008. С. 3-19.

23. *Настас Ж.* История – в граните и бронзе // Приднестровье. 26 декабря 2009 г.

24. *Кожухарь В.С.* М.И. Кутузов в истории Приднестровья // Меридиан. Курсантско-студенческий научно-популярный альманах Тираспольского

юридического института МВД ПМР им. М.И. Кутузова. 2010. № 1. С.88-92.

25. Целевая президентская программа «Увековечение памяти защитников Отечества» (2009–2015 гг.). Материалы Республиканского «круглого стола» 3 марта 2010 г. Тирасполь, 2010.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по истории Юго-Западной Руси. Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

В наличии:

- Ульянов Н. Происхождение украинского сепаратизма
- Русская Галиция и «мазепинцы»
- Сидоренко С. Украина - тоже Россия
- Чуев С. Украинский Легион
- Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси
- Аристов Ф. Литературное развитие Подкарпатской Руси
- Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси
- Международный исторический журнал «Русин»

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотеки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 903 53 44 218

Вячеслав СОДОЛЬ

1812 Г. В СУДЬБЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОЛДАВИИ

Православная церковь Молдавии в период османского господства, как в свое время Русская церковь, духовно объединяла население княжества и всячески противостояла попыткам его исламизации или окатоличивания.

С установлением в Дунайских княжествах в начале XVIII ст. греко-фанаритского режима их новая политическая элита стала последовательно проводить политику эллинизации Молдавской церкви. Ее наиболее яркими проявлениями стали подчинение Молдавской митрополии Константинопольскому патриарху, замещение высших церковных должностей преимущественно греками, преобразование местных духовных училищ с молдавским языком преподавания в школы с обучением на греческом. Это вызвало упадок церковной жизни в княжестве. В епископальных городах богослужение совершалось на греческом языке, совершенно непонятном для большинства населения. Несмотря на то, что приходские общины возглавляли священники-молдаване, они оказывали незначительное влияние на свою паству, поскольку сами были недостаточно образованными. В церковно-административном отношении почти все Пруто-Днестровское междуречье входило в состав трех епархий Молдавской митрополии (с центром в г. Яссы): Рэдэуцкой (с 1787 г. центр – Черновцы), Романской и Хушской. Их административные границы не были стабильными и на протяжении только XVIII в. неоднократно менялись. Помимо этого, время от времени христиане Бессарабии, а также левобережья Днестра попадали под окормление иерархов Проилавской епархии¹.

Накануне присоединения Бессарабии к России здесь насчитывалось 775 храмов, из которых лишь 40 были каменными, а остальные – деревянными. Большинство из них находилось в жалком состоянии, требовавшем реконструкции. В них служили 1274 священнослужителя, национальная принадлежность которых отражала этническую пестроту верующего населения Пруто-Днестровских земель (992 молдаван, 215 русских, 38 украинцев, 9 сербов, столько же поляков, 2 болгарина и 1 русин)². В связи с тем, что в одном приходе нередко служили несколько священников, уровень благосостояния

представителей низшего духовенства был крайне низким и соответствовал таковому у местных крестьян.

Монашеская жизнь также находилась в упадке. Одной из главных причин этого церковные авторы называют отсутствие в монастырях «общежития», следствием чего становилось развитие личной собственности монашествующих. Монастырские правила не соблюдались, идеалы аскетизма были забыты. Помимо этого, часть молдавских обителей была «преклонена» святым местам Афона и Иерусалима (на территории Бессарабии – 4). Такие обители управлялись присылавшимися игуменами-греками, которые бесконтрольно распоряжались богатейшими монастырями, не заботясь об их благоустройстве. По меткому замечанию епископа Арсения (Стадницкого), *«исходным и конечным пунктом их деятельности была забота о личных материальных выгодах»*³.

Если ранее, лишившись политической независимости, Молдавия все же сохраняла своего митрополита, а в его лице – связующий и объединяющий центр, то с потерей внешних символов единства и самостоятельности перед народом страны возникла прямая угроза потери национальной идентичности, превращения его в разрозненные группы, не имеющие представления ни о каком высшем органическом единстве.

В этих условиях становятся понятны те патриотические порывы местного населения, которое, стремясь избавиться от османского господства, всячески пыталось помочь русским войскам в ходе войн России и Турции, особенно в ходе войны 1806–1812 гг. Как сообщал в одном из донесений главнокомандующий русской армией И.И. Михельсон, *«... вступление наше в здешний край сопровождается очевидною радостью и удовольствием здешнего народа и духовенства...»*⁴. Эти устремления были поддержаны и высшими церковными иерархами Бессарабии. В одном из посланий на имя Александра I, написанном в августе 1807 г. и подписанном 20 боярами и епископами во главе с митрополитом Вениамином Костаке, говорилось: *«Истреби несносное правление, дышащее угнетением бедному сему народу. Соедини правление земли сей с Богохранимою державою Твоею... Да будет одно стадо и один пастырь, и тогда да наменуем – «сей есть золотой век состояния нашего». Сие есть, от всяя души, общее народа сего моление»*⁵.

По вступлении в Молдавию русских войск назначенный Портой господарь А. Мурузи бежал в Константинополь, а управление княжеством было поручено русской администрации. Вслед за этим княжества были подчинены Русской церкви, а 27 марта 1808 г. экзархом Святого Синода в Молдавии, Валахии и Бессарабии был назначен митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони⁶.

Таким образом, на территорию Пруто-Днестровского междуречья была распространена юрисдикция Русской православной церкви. Однако это не стало полным подчинением местного православного населения воле российского Синода. Напротив, уже титулование Гавриила Бэнулеску-Бодони экзархом Молдо-Влахийским подразумевало приобретение особого правового статуса церковной организации края в составе Русской церкви. В дальнейшем на сравнительно длительный срок (вплоть до 1830-х гг.) Кишиневско-Хотинская епархия пользовалась значительной степенью самостоятельности. Более того, после подписания Бухарестского мира экономическое положение институтов православной церкви в крае улучшилось.

По окончании войны, на основании Бухарестского мира, за духовенством была сохранена земельная собственность. Более того, по указу 1817 г. *«...имения, состоящие во владении заграничных монастырей, не подлежат никакому изъятию и на основании [Бухарестского] трактата пользуются такою же свободой, какая дарована прочим частным владельцам»*⁷. За местными монастырями и церквями также сохранились все права и льготы, которые они имели до 1812 г. В «Уставе образования Бессарабской области» (1818 г.) также подтверждалось, что *«духовенство господствующей греко-восточной религии будет пользоваться всеми теми привилегиями и фундушами, достоянию церковному посвященными, какие приобрело оно по грамотам молдавского правительства..., и что всякое имущество, принадлежащее собственно церквям и монастырям Бессарабской области всех вообще вероисповеданий, как-то села, деревни, хутора, рыбные ловли и другого рода пожертвования, грамотами или записями утвержденные, остаются вечно их собственностью и охраняемы будут на правах казенного имущества»*⁸. Таким образом, религиозные учреждения края получили благоприятную возможность для своего социально-экономического развития, чем не преминули воспользоваться. Если экономическая сила русских монастырей была подорвана секуляризацией земель, то в Бессарабии духовенство не только сохранило свои земли, но и значительно их расширило. В течение первой половины XIX в. землевладения местных монастырей возросли с 30 тыс. до 66,5 тыс. десятин⁹. К 70-м гг. XIX ст. монастырское землевладение в крае составляло свыше 311 тыс. десятин земли¹⁰.

Как известно, с 40-х гг. XIX в. в Запрутской Молдове начались ограничения в отношении монастырской собственности, а в 1863 г. по реформе А. Кузы духовные вотчины были секуляризованы. Эта политика нашла свое отражение и в Бессарабии, где цар-

ское правительство ограничило хозяйственную деятельность заграничных монастырей, доходы имений должны были вкладываться в русские кредитные учреждения. Позже, в 1873 г. все имения заграничных и местных монастырей были переданы в управление Министерства государственных имуществ, но права и привилегии их сохранились¹¹. В дальнейшем благосостояние церковных учреждений края еще более возросло. В 1917 г. в Бессарабской губернии насчитывалось 25 монастырей, в которых подвизалось 1020 чел. Во владении обитателей находилось 182 268 десятин земли¹². Более того, бессарабский архиерейский дом владел 154,6 тыс. десятин земли и занимал таким образом первое место по размеру земельных владений среди всех церковных организаций Российской империи того времени.

Знаковым событием в духовной жизни Бессарабии стало введение в местных монастырях с начала 1820-х гг. общежительного устава, разработанного поначалу для Нямецкой обители Запрутской Молдавии видным церковным деятелем Паисием Величковским. Этот шаг позволил оздоровить моральную обстановку в бессарабских монастырях и повысить авторитет этих учреждений среди верующих епархии.

Важным направлением развития местных церковных учреждений было постоянное снабжение их религиозными реликвиями. Так, уже в 1817 г. было удовлетворено обращение митрополита Гавриила в Священный Синод с просьбой прислать святые мученические мощи в храмы епархии. В 1866 г. недавно основанный Ново-Няецкий монастырь приобрел у патриарха Константинопольского Кирилла II серебряный с позолотой крест с частицей Креста Господня и кусочками камня от Гроба Господня, а также с частицами мощей св. Модеста, иерусалимского патриарха, и св. мученика Харлампия. Подобные реликвии приобрели Жабский, Каларашский, Добрушский монастыри и др.¹³

После присоединения Бессарабии к России для культурной миссии последней открылось новое поприще. Дело в том, что на всей территории края не было ни одной школы. Еще на стадии подготовки проекта создания новой «Заднепровской епархии» Гавриил Бэнулеску-Бодони, объезжая бессарабские приходы, обратил внимание на крайне низкий образовательный уровень местного духовенства и паствы. К его огромному сожалению, почти все места священнослужителей были заняты безграмотными либо малограмотными лицами, которые не имели никакого воспитательного влияния на прихожан. Даже местная знать, бояре «не могли приобрести ни нужных сведений, ни составить себе нравственных правил, дол-

женствующих руководствовать истинно благородного человека»¹⁴. Первоначально для решения этой проблемы были организованы популярные в то время ланкастерские школы при Курковском, Добрушском, Гиржавском монастырях, а затем и в уездных центрах – Кишиневе, Бендерах, Аккермане¹⁵.

Однако их деятельность не могла удовлетворить потребности руководства епархии в грамотных кадрах, поэтому Г. Бэнулеску-Бодони считал крайне необходимым основание в ней семинарии, где будущие священники получали бы столь необходимое им образование. Слушателей новой семинарии, открытой в 1813 г., собирали по всей Бессарабской области, при наборе отдавая предпочтение детям священнослужителей, «...для которых наипаче сии школы учреждаются». Однако призыв митрополита Гавриила на первых порах не нашел должного отклика в среде духовенства, о чем свидетельствует состав семинаристов – в 1813 г. из 53 учащихся лишь 7 были детьми священников. В связи с этим Бэнулеску-Бодони пожелал, чтобы в семинарии учились преимущественно дети духовных лиц, для чего был направлен ряд специальных распоряжений, например указ 1815 г., грозивший наказанием тем священнослужителям, которые не отправят своих детей на учебу в Кишинев. Это возымело действие, и уже в 1817 г. из 152 семинаристов 69 были детьми священников.

Поскольку основанная Гавриилом Бэнулеску-Бодони Кишиневская семинария долгое время была единственным учебным заведением в крае, то она стала источником образования для детей всех сословий. По просьбе губернатора Стурдзы и с высочайшего соизволения в 1816 г. при семинарии был учрежден Благородный пансион. В нем обучались дети бессарабских дворян, которые после пятилетнего обучения выпускались в чине 12-го класса и могли вести делопроизводство как на молдавском, так и на русском языках. Никакой платы за обучение детей светских лиц не взималось. В качестве среднего духовно-учебного заведения Кишиневская семинария сослужила службу не только самой Бессарабии, но и значительной части Херсонской губернии, часть уездов которой (Тираспольский, Ананьевский и Одесский) вплоть до 1837 г. в церковном отношении входили в состав Кишиневской епархии¹⁶.

Уже через год после своего открытия Кишиневская духовная семинария наладила связь с Комиссией духовных училищ и стала осуществлять контроль над всеми частными учителями и воспитателями. Это также содействовало повышению уровня образованности населения. В 1837 – 1844 гг. в Бессарабии благодаря деятельности епископа Кишиневского Дмитрия Сулимы были открыты 326 приходских школ, в которых обучались более 5 тыс. учащихся¹⁷.

Важным направлением деятельности митрополита Гавриила стало создание типографии во вверенной ему епархии. Обосновывая ее необходимость, он отмечал в своем прошении Святейшему Синоду: «... обращая внимание на вверенную мне паству, усмотрел я, что как приходские здешние церкви, так монастыри и скиты не только не имеют духовных книг, служащих к наставлению священников и христиан, но даже нуждаются в необходимо-потребных к исправлению богослужения, потому что... здешнее молдавское духовенство принуждено было покупать церковные книги, большей частью напечатанные в австрийских владениях. А как книги тамошние – печати униатской, кроме замеченных погрешностей в языке, содержат учения и наставления, с положением православной церкви несходные... Я покорнейше испрашиваю благословения на открытие... в здешнем краю типографии и позволение печатать в ней потребные для служения, а равно для поучения и наставления как духовенства, так и прочего православного народа духовные книги на славянском и на молдавском языках»¹⁸. Торжественное открытие новой типографии состоялось 31 мая 1814 г. Первыми изданиями, отпечатанными в ней, стали буквари на молдавском и славянском языках, потом сотрудники типографии приступили к выпуску богослужебной литературы. В 1815 г. был издан «Служебник», затем «Часослов», в 1820 г. – «Молебник и чин освящения церквей», после чего последовательно выпущены «Псалтирь», «Общая Минея» и др.¹⁹ Только за первые четыре года существования Кишиневская типография издала около 20 тыс. книг на церковнославянском и других языках, в том числе молдавском. После длительного перерыва (с 1820 по 1853 г.), вызванного отсутствием спроса на новые богослужебные издания, работа типографии возобновилась. С 1854 по 1882 г. здесь были изданы «Анфологион», «Евангелие», «Церковный устав», «Октоих» и др.²⁰ Примечателен факт, что типография удовлетворяла не только богослужебные нужды бессарабской паствы, но и выполнила миссию общерумынского духовного издательства после осуществления реформы секуляризации церковных имуществ при А. Кузе.

Таким образом, за несколько десятилетий, прошедших после заключения Бухарестского мира, православная церковь Бессарабии, ставшая органической частью Русской церкви, сделала качественный скачок в своем развитии. Она значительно укрепила свою материальную опору, расширив земельные владения и включившись во всероссийский рынок. Значительно возрос образовательный уровень местного духовенства, которое сыграло роль своеобразного «локомотива» в деле становления народного образования в крае. Более того, будучи включенным в состав многонационального государства – Российской империи, население Бессарабии избежа-

ло опасности быть подверженным шовинистической пропаганде превосходства румынского этноса, что происходило в Запрутской Молдове. Немаловажную роль в создании атмосферы межнационального мира и гражданского согласия сыграло духовенство Кишиневской епархии. Ориентацию на русское православие сохраняет подавляющее большинство православных верующих и современной Молдовы, несмотря на непрекращающиеся попытки расколоть церковную организацию края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Popovschi N. Istoria Bisericii din Basarabia în veacul al XIX-lea sub ruși. Chișinău, 1931. P. 2.*
2. *Ibidem. P. 5.*
3. *Арсений (Стадницкий). Исследования и монографии по истории Молдавской церкви. СПб., 1904. С. 345.*
4. Там же. С. 363.
5. Там же. С. 364.
6. Там же. С. 368.
7. Цит. по: *Сымботяну К.И. Социально-экономическое развитие монастырских вотчин Бессарабии в 1812 – 1873 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кишинев, 1969. С. 19.*
8. Там же. С. 20.
9. Там же. С. 22.
10. Там же. С. 35.
11. Там же. С. 21.
12. *Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 556.*
13. *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г. Курс лекций по истории Молдавии. Лекция VI. Бессарабия в составе России. Тирасполь, 2007. С. 120.*
14. *Халиппа И. Очерк истории народного образования в Бессарабии в первой половине XIX в. // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1902. С. 119.*
15. *Пархомович А. Преосвященные викарии Кишиневской епархии // Кишиневские епархиальные ведомости. № 40. Кишинев, 1908. С. 1448, 1449.*
16. *Халиппа И. Очерк истории... С. 122.*
17. Там же. С. 180.
18. *Матеевич А. Молдавское церковно-богослужебное книгопечатание в основных моментах его истории. В кн.: Mateevici A. Opere. În 2 volume. Vol. 2. Chișinău, 1993. P. 337, 338.*
19. *Ibidem. P. 340.*
20. *Ibidem. P. 347.*

Александр МАЙОРОВ

МОНГОЛО-ТАТАРЫ В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ

Восстанавливаемый по Ипатьевской летописи (далее – Ил), а также Софийской Первой (далее – С1л), второй подборке Новгородской Карамзинской (далее – НК2) и Новгородской Четвертой (далее – Н4л) летописям первоначальный текст Повести о нашествии Батыя включает эпизоды о взятии татарами Переяславля и Чернигова, приходе Менгу-хана к Киеву, бегстве Михаила Всеволодовича в Венгрию, занятии киевского стола смоленским князем Ростиславом Мстиславичем, захвате последнего Даниилом Романовичем и передаче Киева тысяцкому Дмитру¹.

Правда, в Ипатьевском списке часть рассказа, начиная с эпизода бегства Михаила в Венгрию, выделена в особую годовую статью: «В лето 6746 Михаилъ бежа по сыноу своемь передь татары Оугры...». Однако в Хлебниковском списке, также как и в летописях новгородско-софийской группы, рассказ представлен как единое повествование, а сообщение о бегстве Михаила и последующие известия соединены с ним при помощи вводных выражений: «потом же», «потомь»².

Захват Ярославом жены и бояр Михаила в Каменце

Далее в первоначальный текст Повести о нашествии Батыя составителем Ил сделаны три вставки, две из которых имеют значительный объем. Первая вставка, как заметил еще А. А. Шахматов, сделана после слов: «и вдасть Киевъ в роуце Дмитрови обьдержати противоу иноплемьныхъ языкъ безбожьныхъ татаровъ»³. В ней речь идет о судьбе бежавшего из Киева Михаила Всеволодовича и его семьи: о захвате князем Ярославом в Каменце жены Михаила и о ее последующем возвращении из плена благодаря хлопотам Даниила Романовича, об отказе венгерского короля выдать свою дочь за сына Михаила Ростислава, о скитаниях Михаила и Ростислава в Польше и их последующем примирении с Даниилом и Васильком Романовичами, об уступке Михаилу Киева, а Ростиславу - Луцка, о новом бегстве Михаила и Ростислава в Мазовию и Силезию после захвата татарами Киева, об ограблении Михаила немцами в Силезии и его возвращении в Мазовию.

Вставной характер этих известий демонстрируют весьма характерные речевые обороты, при помощи которых они включены в текст первоначального рассказа о нашествии Батыя. С предыдущим повествованием вставка соединяется фразой, повторяющей сообщение о бегстве Михаила в Венгрию: «Яко бежалъ есть Михайиль ис Кыева в Оугры...». Заканчивается же она стандартным переходным оборотом, отсылающим к предшествующему изложению: «Мы же на преднее возвратимся»⁴.

Вставка о судьбе Михаила и Ростислава является отрывком из какого-то более полного и связного повествования, начало которого при включении в летопись было опущено. В результате сообщение о захвате жены Михаила и его бояр в городе Каменце утратило первоначальный смысл и выглядит как искусственная конструкция, составленная из разрозненных фраз: «Яко бежалъ есть Михайиль ис Кыева в Оугры, ехавъ я княгиню его, и бояръ его поима, и город Каменецъ взя».

О том, кто был обидчиком Михаила, захватившим его жену и бояр, узнаем только из дальнейшего изложения. Даниил Романович, на чьей сестре был женат Михаил, стал просить освободить ее из плена, обратившись с этим к похитителю. И тогда только выясняется имя последнего: «Ярославъ оуслыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилоу и Василкоу»⁵.

Известие о захвате Ярославом в Каменце жены Михаила Всеволодовича попало в летописание Северо-Восточной Руси, под 6747 (1239) г. оно читается в Лаврентьевской летописи (далее – Лл): «Тогож лета Ярославъ иде г Каменьцю, град взя Каменецъ, а княгиню Михайилу со множеством полона приведе в своя си»⁶. О заимствовании этого известия из южнорусского источника могут свидетельствовать не только передаваемые в нем сведения о событиях на юге, но и имя князя Ярослава, оставленное без отчества и указания на местопребывание княжеского стола.

Это имя, появившееся в сообщении Ил без всякой связи с предыдущим изложением, породило среди историков дискуссию в отношении идентификации его обладателя, иногда приобретающую курьезный характер. Некоторые считают, что речь здесь должна идти о владимиристо-суздальском князе Ярославе Всеволодовиче, имевшем личные счеты с Михаилом⁷. В то же время есть основания считать, что упомянутым Ярославом мог быть кто-то из южнорусских князей, послушных Даниилу, например Ярослав Ингваревич, княживший в Луцке, а затем в Межибожье и Перемысле⁸.

К последней точке зрения в свое время присоединились и мы⁹, чем вызвали острую реакцию некоторых новейших критиков. По

мнению А.А. Горского, действия малозначительного волынского князя Ярослава Ингваревича «вряд ли вообще были бы упомянуты в летописании Северо-Восточной Руси», упоминание о таком князе среди известий 1239 г., посвященных великому князю Ярославу Всеволодовичу, «представляется абсолютно невероятным»¹⁰. Еще дальше зашел Д.Г. Хрусталеv, по мнению которого «А.В. Майоров измышляет (ссылаясь на М.С. Грушевского) нового фигуранта русской истории “Ярослава Ингваревича”, о котором якобы говорится в Ипатьевской летописи. Этот князь никому более не известен и служить основанием для пересмотра абсолютно прозрачной интерпретации летописного известия не может»¹¹.

Разоблачительный пафос нашего критика превосходит доказательную силу его аргументов. Известие о захвате Ярославом жены и бояр Михаила в Каменце имеет, несомненно, южнорусское происхождение. В летописании Владимиро-Суздальской Руси оно попало из источника, близкого к Ил, наряду с сообщениями о захвате татарами Переяславля и Чернигова, взятии Киева и походе на Венгрию¹².

Именно перед сообщениями о захвате татарами Переяславля и взятии Ярославом Каменца в Лл завершается текст Повести о Батыевом нашествии, составленный в Северо-Восточной Руси. Затем характер записей заметно меняется: на смену связному и цельному повествованию приходят отдельные краткие известия, часть которых является сжатым пересказом более пространных сообщений, представленных в Ил, сокращается число точных и полных дат, смешиваются стили летосчисления¹³.

Как устанавливает Г.М. Прохоров, составитель Лл при описании событий монголо-татарского нашествия был знаком с текстом Ил: в описании взятия татарам Владимира-на-Клязьме версия Лл имеет такие смысловые отличия от рассказа Ил, которые могут свидетельствовать о стремлении составителя Лл оппонировать последнему, обходя и смягчая нелицеприятные для владимирских князей подробности¹⁴.

Следовательно, вопрос идентификации Ярослава должен решаться, прежде всего, исходя из анализа сообщения Ил.

В таком ключе строил свои рассуждения еще Н. М. Карамзин, считавший, что, хотя в Суздальской летописи (Лл) речь идет, несомненно, о великом князе Ярославе Всеволодовиче, Волынская летопись (Ил) могла иметь в виду другого князя, поскольку трудно понять, «как мог великий князь в такое бурное время идти из Владимира Суздальского в нынешнюю Подольскую губернию». Карамзин первым из историков предположил, что в известии о захвате Каменца

мог быть упомянут волынский князь Ярослав Ингваревич¹⁵. Более определенно высказывался С.М. Соловьев: «В рассказе волынского летописца ясно видно, что Ярослав был ближайший местный князь, который перехватил на дороге жену и бояр Михаиловых»; по всей вероятности, таковым был Ярослав Ингваревич¹⁶.

Доводы Карамзина и Соловьева были поддержаны другими исследователями¹⁷. Действительно, из далекого Владимира-Суздальского Ярославу Всеволодовичу трудно было бы успеть перехватить в Каменце жену и обоз бежавшего из Киева Михаила. На наш взгляд, можно согласиться с общим выводом М. С. Грушевского, поддержанным затем А.А. Шахматовым: в известии Ил речь идет о Ярославе Ингваревиче, и оно «попало в северные своды, так как Ярослав Ингваревич по недоразумению был принят за Ярослава Всеволодовича»¹⁸. По мнению Шахматова, сообщение «о взятии Ярославом Ингваревичем Каменца и о пленении жены Михаила Всеволодовича» происходит из черниговского источника Галицко-Волынской летописи (далее – ГВл)¹⁹.

Доводы Д. Домбровского о том, что Ярослав Ингваревич не мог напасть на Михаила Всеволодовича в 1239 г., так как скончался еще в 1231 г.²⁰, не могут быть приняты из-за слишком шаткого их основания. Исследователь ссылается на сообщение Родословия витебских князей, помещенного в виде приписки к Хронике Быховца. Однако в этом источнике говорится о смерти в 1231 г. другого князя – Ярослава Изяславича²¹. Доказать его тождество с Ярославом Ингваревичем, на наш взгляд, не представляется возможным.

В Лл поход Ярослава к Каменцу предшествует взятию татарами Чернигова и, следовательно, бегству из Киева Михаила. Он поставлен даже ранее освящения церкви Святых Бориса и Глеба в Кидекше, состоявшегося в день празднования их памяти (24 июля 1239 г.)²². Такую последовательность принимают историки, отдающие приоритет известию северорусского источника. Это дает им основание для пересмотра общей хронологии событий 1239 г. в Южной Руси, выстраиваемой по известиям Ил²³. Однако сообщение Лл о захвате Каменца Ярославом вторично по отношению к известию Ил. Последняя же определенно указывает, что захват жены и бояр Михаила произошел после бегства его из Киева вследствие неудачных переговоров с татарами, ранее захватившими Чернигов (поздняя осень или начало зимы 1239 г.).

Взяв известие о захвате Каменца из южнорусского источника и приняв фигурирующего в нем Ярослава за Ярослава Всеволодовича, составитель Суздальской летописи должен был найти среди событий 1239 г. подходящее время для похода владимирского велико-

го князя к столь отдаленному городу, располагавшемуся на границе Киевской и Волынской земель. Отнести поход к Каменцу на осень, ко времени после захвата татарами Чернигова (как следует из Ил), суздальский летописец не мог, так как в это время Ярослав Всеволодович участвовал в другом походе – на Смоленск и на Литву²⁴. В середине лета он был занят устройением и освящением разрушенной татарами церкви Святых Бориса и Глеба в загородной великокняжеской резиденции в Кидекше. Оставалось одно – передвинуть поход к Каменцу на более раннее время – весну или начало лета 1239 г.

Взятие татарами Колодяжина и Каменца, неудача под Кременцом

Заключительная часть южнорусской версии Повести о нашествии Батая сообщает о разорении татарами земель Юго-Западной Руси и дальнейшем походе завоевателей в Венгрию.

Следующим после Киева был взят город Колодяжин: татары обманули его жителей, уговорив сдаться. После слов «они же послушавше злого света его, передашася, и сами избити быша»²⁵ в текстах Ил и летописей новгородско-софийской группы начинаются расхождения:

Ил	С1л
И приде Каменцю Изяславлю, взять я. Видивъ же Кремянецъ и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти емоу, и отиде от нихъ, и приде к Володимероу.	Оттоле же прииде к Каменцю, граду Изяславлю, и взя его. Видев же Кремянецъ, град Даниловъ, и не възможе взяти его, бе бо крепокъ велми, и отиде от него, и прииде къ Володимерю.

Сколько русских городов, лежавших на пути от Киева к Владимиру-Волынскому, подверглись нападению войск Батая? Большинство новейших исследователей, ссылаясь на приведенный текст Ил, говорят о пяти таких городах – Колодяжине, Каменце, Изяславле, Кременце и Данилове. Три из них были захвачены и разрушены, а двум последним удалось отбиться²⁶. Приведенное сообщение Ил является основанием и при определении возраста древнейших городов Волынской земли: Н.Ф. Котляр нашел в нем доказательство

возникновение города Данилова еще в домонгольское время, полемизуя по этому поводу с В.Т. Пашуто²⁷; аналогичный вывод Котляр сделал и в отношении времени возникновения Изяславля²⁸.

Однако, как видно из приведенной сопоставительной таблицы, вместо названных в Ил пяти городов летописи новгородско-софийской группы указывают только три – Колодяжин, Каменец Изяславов и Кременец Данилов²⁹. Эти же три города фигурируют в описании татарского похода на Волынь в летописях, отразивших Белорусско-Литовский свод 1446 г. (Никифоровская и Супрасльская)³⁰ и московское великокняжеское летописание 1470-х гг. («Оттоле же приде х Каменцю, граду Изяславлю, и взя его. И видев же Кременець, град Данилов, и не возможе взяти его, бе бо крепок вельми, и отъиде от него...») ³¹.

По-видимому, в первоначальном тексте Повести о нашествии Батыя значились только три города, встретившиеся войскам хана на пути от Киева к Владимиру: Колодяжин, Каменец и Кременец. Названия Изяславль и Данилов, читающиеся в сообщении Ил как самостоятельные топонимы, нельзя считать таковыми, поскольку они, очевидно, являются атрибутами составных названий – Каменец Изяславль и Кременец Данилов, указывающими на принадлежность городов князьям - Изяславу и Даниилу соответственно.

К такому же выводу недавно пришел Е.И. Осадчий³². Исследователь указал на трудности, возникающие при локализации Каменца и Изяславля как двух отдельных городов, которые, однако, преодолеваются, если видеть в них составные части названия одного города. По мнению Осадчего, древнерусский Каменец Изяславль располагался на месте современного города Изяслава, районного центра Хмельницкой области Украины, где обнаружены остатки городища XII – XIII вв., уничтоженного сильным пожаром³³.

Можно согласиться и с другим выводом Е.И. Осадчего: по древнерусским письменным источникам XIII – XIV вв. топоним Данилов известен только в составных названиях – Данилов Стожек (ГВл, под 1261 г.) и Данилов Закамень (польско-литовские дипломатические акты 1366 г.), а упомянутый в «Истории монгалов» Плано Карпини населенный пункт *Danilone* должен был находиться не на Волыни, а в районе Киева.

Таким образом, при реконструкции обстоятельств похода Батыя на Волынь в начале 1241 г. следует отдать предпочтение сообщению летописей новгородско-софийской группы и позднейших общерусских сводов, в котором фигурируют только три русских города, встретившиеся на пути завоевателей. Примечательно, что этот вывод был сделан еще историками XIX в. Н.М. Карамзин и С.М. Со-

ловьев писали о взятии Батыем Каменца, города Изяслава, и невозможности взять Кременец, города Даниила³⁴. Такую же трактовку летописных известий о походе татар на Воынь встречаем у Н.И. Костомарова и Н.П. Дашкевича³⁵. Изяславль и Данилов как особые города не упоминаются в историко-географических исследованиях М. П. Погодина и М.П. Барсова³⁶.

Только в работах Д.Я. Самоквасова и В.Б. Антоновича было высказано предположение о возможной связи между населенными пунктами Изяслав (на Горыни) и Даниловка (близ Кременца) и древнерусскими городами, названными в статье 1240 г. Ил³⁷. Это предположение было поддержано М.С. Грушевским³⁸, отметившим в своих комментариях к исторической карте Воынской земли, что «донуны обозначение этого города (*Данилова. – А.М.*) не было принято в науке»³⁹. Утверждению представлений о древнерусских городах Данилов и Изяславль способствовали открытие П.А. Раппопортом на горе Троица в окрестностях села Даниловка (Шумского района Тернопольской области) остатков древнерусского городища XIII в.⁴⁰, а также обнаружение следов нескольких древнерусских городищ по течению Горыни и ее притоков, связываемых с Изяславлем⁴¹.

Где находилась летописная Володава?

Последними эпизодами южнорусской повести о побоище Батыевом были сообщения о победе татар над венгерским королем Белой и его братом Коломаном в битве на реке Солоной (Шайо), бегстве венгров и погоне за ними татар до Дуная, где войска Батыева затем «стояша по победе три лета»⁴².

В самом конце первоначального рассказа о нашествии Батыева (после слов «стояша по победе три лета») составителем Ил сделана еще одна – третья – вставка. По объему текста она значительно превышает все другие вставки.

Вставной текст начинается со слов: «Преже того ехаль бе Данило князь ко королеви Оугры»⁴³. Завершается он словами: «Даниль же, затворивъ Холмъ, еха ко братоу си Василкови, поима с собою Коурила митрополита»⁴⁴.

Как и две предыдущие, эта вставка включает известия о судьбе Даниила Романовича и черниговских князей, его главных соперников на юге Руси, и представляет собой, несомненно, отрывок из летописания Даниила Галицкого. Текст ее в Ипатьевском списке разделен на три части и помещен в разных годовых статьях – 6748, 6749 и 6751 (статья 6750 оставлена без текста). В Хлебниковском списке этот текст не имеет разделения, вместо заголовков годовых статей

здесь употреблены словосочетания: «Потом же» и «В то же время»⁴⁵.

Первоначальный текст (без вставки) сохранился в летописях новгородско-софийской группы, где вся «южнорусская» часть Повести о Нашествии Батыя помещена под 6748 г.⁴⁶ Сличение летописей показывает, что при изъятии вставного текста из Ил восстанавливается первоначальный текст сообщения о «стоянии» татар на Дунае и «воевании» до Володавы, который читается ныне в летописях новгородско-софийской группы:

Ил	С1л
<p><i>под 6748 (1240) годом:</i></p> <p>...и гнаша е татаре до реке Дуоная. Стояша по победе три лета.</p> <p><i>под 6751 (1243) годом:</i></p> <p>А татарове воеваша до Володавы и по озерамъ, много зла створше.</p>	<p><i>под 6748 (1240) годом:</i></p> <p>...татарове же гнашася по них до Дуная реки. И стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы, и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ.</p>

Таким образом, в первоначальном виде текст Повести о Нашествии Батыя южнорусской версии заканчивался словами: «И стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы, и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ». Примерно в таком же виде окончание повести читается в большинстве общерусских летописей второй половины XV – XVI в.⁴⁷

Завершающая фраза повести о возвращении татар в землю свою, «многа зла створиша крестияномъ», по своей смысловой направленности и стилистике вполне соответствует ее начальным словам: «Придоша безбожнии измалтяне, преже бивъшеся со князи роускими на Калкохъ...». Сообщениями о приходе «безбожных измаилтян» на Русь и о возвращении «в землю свою» врагов христиан после учиненного погрома автор повести начинает и завершает свой печальный рассказ.

Современные исследователи не обращают внимания на отмеченную нами особенность заключительной части текста Повести о

нашествии Батыя в составе Ил. По общему мнению, текст повести завершается словами о стоянии татар на Дунае («стояша по победе три лета»)⁴⁸. Возможно, свою роль сыграла невнимательность при сличении текстов Ил и летописей новгородско-софийской группы. Впрочем, даже проделавший его Г.М. Прохоров, верно указавший, что текст статьи 6748 г. С1л составлен из фрагментов текстов Ил, помещенных под 6746 и 6747 гг., заключительную фразу – «и воеваша до Володавы и по озером» – счел заимствованной из неизвестного источника⁴⁹.

Между тем, еще в 1900 г. А.А. Шахматов прямо указывал, что фраза о «воевании» татар «до Володавы и по озерамъ» взята из окончания Повести о нашествии Батыя, которое в Ил отделено от основного текста позднейшей вставкой: «Последняя фраза повести “а татарове воеваше до Володавы и по озерамъ и воротитася много зла сотвориша христианомъ” (Ипат. и Хлебн.) отделена обширной вставкой, начинающеюся словами “стояша по победе три лета” и обнимающею (по Ипат. списку) события 1240 – 1243 гг.»⁵⁰

Различия в текстах Ил и С1л в эпизоде «стояния» татар на Дунае и «воевания» до Володавы недавно пытался объяснить Е.И. Осадчий. Поскольку Ипатьевский список переписывался с оригинала, где были перепутаны листы, возникла путаница в некоторых местах текста летописи. В результате фраза «и стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы и по озеромъ» оказалась разорванной на две части: начало ее помещено в статье 1240 г., а окончание – в статье 1243 г. На «своем надлежащем месте», по мнению Осадчего, эта фраза читается в Хлебниковском списке и «тождественно» – в С1л и Московском летописном своде 1479 г.: «И стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ»⁵¹.

Утверждения исследователя не соответствуют действительности. В Хлебниковском списке, так же как и в Ипатьевском, интересующая нас фраза разделена на две части. После слов «стояша по победе 3 лета» в Хлебниковском списке начинается текст вставки: «Преже того ехаль бе Данило князь къ королеви въ Оугры»⁵²; окончание фразы о татарах – «и татарове воеваша Доволодавы, и по озеромъ...» – читается здесь только после заключительных слов вставки: «и поима со собою митрополита Курила»⁵³. Тексты Ипатьевского и Хлебниковского списков в указанных местах совпадают.

Вместе с тем, в Хлебниковском списке концовка фразы представлена в более полном виде, нежели в Ипатьевском списке, и соответствует тексту, читающемуся в С1л:

Ипатьевский список	Хлебниковский список	С1л
А татарове воеваша до Володавы и по озерамъ, много зла створше.	И татарове воеваша Доволодавы, и по озеромъ, и вортишася, много зла сотвориша христианомъ.	и воеваша до Володавы, и по озеромъ, и възвратишася в землю свою, многа зла створиша крестияномъ.

Из приведенного сопоставления следует, что в оригинале Ил – общем протографе Ипатьевского и Хлебниковского списков – концовка сообщения о победе войск Батыя над венграми выглядела иначе, чем в Ипатьевском списке: в упомянутом протографе читался текст, практически идентичный тексту С1л.

Данное наблюдение подтверждает наш общий вывод о том, что первоначальный текст южнорусской версии Повести о нашествии Батыя в наиболее полном виде представлен в летописях новгородско-софийской группы. Ее заключительными эпизодами были известия о победе татар над венграми в битве на реке Солоной, преследовании венгерских войск до Дуная, трехлетнем стоянии здесь татар, разорении ими земель «до Володавы» и последовавшем затем возвращении «в землю свою».

Последние два известия – о разорении земель до Володавы и уходе татар восвосяи – в Ил оказались отделены от основного текста повести обширной позднейшей вставкой. Вопреки мнению А.А. Шахматова, текст вставки начинается словами: «Преже того ехаль бе Данило князь ко королеви Оугры». Эта фраза читается только в Ил, между тем как предлагаемая Шахматовым как начальная фраза «стояша по победе три лета», помимо Ил, читается также в летописях новгородско-софийской группы и в позднейших общерусских сводах и, следовательно, восходит к первоначальному тексту Повести о нашествии Батыя.

Текст вставки содержит сообщения о поездке Даниила Романовича в Венгрию и отказе короля Белы от союза с ним; о попытке Даниила вернуться на Русь и бегстве его в Венгрию и Польшу из-за страха перед татарами; о возвращении после ухода татар Даниила в Холм, а Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава – в Киев и Чернигов; о своеволии галицких бояр, вышедших из повиновения

Даниилу; о поездке Якова, стольника Даниила, в Понизье и его переговоров с Доброславом Судычем; об аресте по приказу Даниила Доброслава Судыча и Григория Васильевича – незаконных правителей Понизья и «горной страны Перемышльской» (статья 6748 в Ипатьевском списке); о попытке Ростислава Михайловича вместе с болоховскими князьями захватить Бакоту, предотвращенной Кириллом, печатником Даниила; о разорении Даниилом Болоховской земли; о захвате Ростиславом Галича и изгнании его Даниилом; о походе Андрея, дворского Даниила, на Перемышль, захваченный Константином Рязанским, сторонником Ростислава Михайловича, бегстве Константина и расправе Андрея со слугами перемышльского епископа и певцом Митусой (статья 6749 в Ипатьевском списке); о преследовании татарами Ростислава Михайловича до Борка, его бегстве в Венгрию и женитьбе на дочери короля Бела; о направлении к Даниилу Батыем, вернувшимся из похода в Венгрию, двух богатырей – Манмана и Балая; об отъезде Даниила из Холма вместе с митрополитом Кириллом к князю Васильку (статья 6751 в Ипатьевском списке).

После такой обширной вставки концовка Повести о нашествии Батыя утратила первоначальный смысл. Известия о «воевании» татарами земель «до Володавы и по озерамъ», а также пропущенное в Ипатьевском списке сообщение о возвращении татар «в землю свою», будучи помещенными в новом контексте известий Ил о посылке вернувшимся из Венгрии Батыем двух «богатырей» к Даниилу, приобрели новый смысл, весьма далекий от первоначального.

Большинство историков полагают, что сообщение о разорении татарами земель «до Володавы и по озерамъ» является продолжением известия о посылке Батыем к Даниилу Манмана и Балая. Упомянутую здесь Володаву отождествляют с современным городом Влодава (*Włodawa*, поветовый центр Люблинского воеводства Польши), на территории которого, при впадении речки Влодавки в Западный Буг, обнаружены следы древнерусского городища⁵⁴.

В итоге отмечается факт еще одного нападения татар на Воынь, состоявшегося в 1242 или 1243 г. и закончившегося разорением земель вокруг Холма и Люблина до Володавы⁵⁵. В некоторых новейших работах даже сделаны уточнения недостающих в сообщении Ил деталей, – указаны названия озер, по берегам которых воевали татары: «Весной 1242 г. татары опустошили земли “до [города] Володавы и по озерам [Святязь, Пулемецкое, Луки; на восток от города Влодавы], и вернулись, много зла совершив”»⁵⁶.

Между тем в Ил, в статье 6748 (1240) г., встречаем упоминание еще одного населенного пункта со схожим названием – Водава.

Здесь соединился со своим отцом Даниилом его сын Лев, вернувшийся из Венгрии: «Вышедшоу же Львови изъ Оугоръ с бояры галичкыми, и приеха во Водавоу ко отцю си, и радъ бысть емоу отецъ»⁵⁷.

Как соотносятся между собой летописные топонимы Водава и Володава? В литературе на этот счет нет единого мнения. Большинство исследователей считают, что Ил в статьях 6748 и 6751 г. говорит о разных географических объектах: Водава – город в Галицком княжестве, а Володава – город в Волынском княжестве⁵⁸, или Водава и Володава – два города в Галицкой земле⁵⁹.

Н.Ф. Котляр и Л.Е. Махновец высказали предположение, что упомянутые названия имеют отношение к одному объекту – городу Володаве на Западной Волыни, близ Холма и Люблина (современный город Влодава в Польше)⁶⁰. По-видимому, такого же мнения придерживался М.С. Грушевский, датировавший встречу Льва с Даниилом «в Володаве» второй половиной марта 1241 г., а татарское воевание «до Володавы» – весной 1242 г.⁶¹

В пользу локализации летописной Водавы близ Холма свидетельствует сообщение Ил, помещенное непосредственно перед известием о встрече Даниила со Львом. Накануне Даниил находился в Холме, где принимал своего союзника Ростислава Владимировича: «Ростислав же Володимеричъ приде к Данилоу во Холмъ, одержаль бо беаше Богъ от безбожных татаръ»⁶². Поскольку другого населенного пункта с похожим названием в районе Холма в историческое время не известно⁶³, приходится признать, что в известии о встрече Даниила со Львом в Водаве речь идет о древнерусском городе Володаве, располагавшемся на территории современной Влодавы.

Употребление разных названий в известиях, относящихся к одному географическому объекту и хронологически разделенных событиями одного года, указывает, что сообщения о встрече Даниила и Льва в Водаве и воевании татар до Володавы происходят из различных источников, механически соединенных позднейшим сведчиком.

Однако дело не только в этом.

Возвращенное в свой первоначальный контекст и представленное в полном виде известие о стоянии татар на Дунае и воевании до Володавы («татарове же гнашася по них до Дуная реки; и стояша по победе 3 лета, и воеваша до Володавы, и по озеромъ»), очевидно, подразумевает вовсе не нападение татар на Западную Волынь, а какие-то другие события, связанные с пребыванием завоевателей в Дунайском регионе.

Поскольку о Володаве и прилегающих озерах составитель Повести о нашествии Батяя вспоминает в самом конце своего произведе-

дения, в связи с завершением великого Западного похода монголов, можно полагать, что в данном случае речь идет о географическом объекте, ставшем последним достигнутым завоевателями рубежом на западе.

Употребляемое в Ил и позднейших общерусских летописях название Володава - скорее всего, гидронимом, так как фигурирует в общем ряду с другими водными объектами - Дунаем и еще какими-то озерами, названия которых не приводятся.

Возможно, под Володавой составитель Повести о нашествии Батыя имел в виду Влтаву, которая наряду с Дунаем считается одной из наиболее крупных и полноводных рек Центральной Европы. Протекающая по территории Чехии, Влтава в своем верхнем и среднем течении действительно связана с большим количеством озер и других водоемов. Бассейны Влтавы и Дуная географически соединены между собой.

Известно, что во время Западного похода монголо-татарские войска достигли чешских земель. После взятия Кракова и победы в битве под Легницей 9 апреля 1241 г. над объединенным польско-немецким войском краковского князя Генриха II Благочестивого монголы под командованием Байдара и Орду повернули на юг, чтобы соединиться с основными силами Батыя, находившимися в Венгрии, пройдя через земли Богемии и Моравии⁶⁴.

В источниках сохранились сведения о военных действиях в районе Опавы, Градишева и Оломоуца (Восточная Чехия)⁶⁵. Хронистами засвидетельствован также факт разорения татарами моравских земель на глубину четырехдневного перехода⁶⁶. Впрочем, некоторые известия о пребывании татар в Чехии носят характер легенд или являются позднейшими фальсификациями, как, например, содержащийся в так называемой Краледворской рукописи рассказ о победе над татарами в битве при Оломоуце чешского войска под предводительством Ярослава из Штернберка⁶⁷.

Название Влтава в различных европейских языках имеет несколько форм: чеш. *Vltava*, польск. *Włtawa*, нем. *Moldau*, которые восходят к ст.-герм. *wilt ahwa («дикая вода»). В передаче русского летописца это название могло приобрести форму Вльдава (Володава) – чередование корневого *-d* и *-t* зафиксировано в средневековых западноевропейских источниках, например: *Fuldaha* и *Wultha* (*Annales Fuldenses*, 872 и 1113 гг.)⁶⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Майоров А. В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть первая // *Rossica antiqua*. 2012. № 1. С. 33-94.

2. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1998. Т. II. Стб. 781-782; М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 300-301; СПб., 2002. Т. 42. С. 116; М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 226.

3. *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 332. № 11. Ноябрь. С. 160-161.

4. ПСРЛ. Т. II. Стб. 782-784.

5. Там же. Стб. 782-783.

6. Там же. М., 1997. Т. I. Стб. 469.

7. *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 186-187; *Dąbrowski D.* Genealogia Mścistawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 343; *Карпов А. Ю.* Батый. М., 2011. С. 306, прим. 18.

8. *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 28; *Котляр Н. Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 252.

9. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 602.

10. *Горский А. А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. С. 186-187, прим. 27.

11. *Хрусталев Д. Г.* Русь: От нашествия до «ига» (30-40 гг. XIII века). СПб., 2004. С. 161, прим. 1.

12. См.: *Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 172, 173.

13. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 110.

14. См.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 88-89.

15. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1992. Т. IV. С. 182-183, прим. 20.

16. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. III // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1988. Кн. II. С. 322-323, прим. 277.

17. См.: *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1855. Т. VI. С. 360; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I. С. 17, прим. 36; *Грушевський М. С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до середини XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 423. Подробнее о дискуссии по поводу идентификации Ярослава см.: *Dimnik M.* Russian Princes and their

Identities in the First Half of the Thirteenth Century // *Mediaeval Studies*. Toronto, 1978. Vol. 40. P. 180-184.

18. *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі... С. 423, прим. 4.
19. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков. С. 160-161.
20. *Dąbrowski D.* Genealogia Mściławowiczów... S. 343-344.
21. ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 173, прим. b.
22. Там же. Т. I. Стб. 469.
23. *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224 – 1246. Toronto, 1981. P. 83; *Хрусталеv Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига»... С. 179-180, прим. 2.
24. ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.
25. Там же. Т. II. Стб. 786.
26. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 125-126; *Хрусталеv Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига»... С. 199; *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007. С. 134-135; *Карпов А.Ю.* Батый. С. 104.
27. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 152.
28. Там же. С. 154.
29. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 302; Т. 42. С. 117; Т. IV. Ч. 1. С. 227.
30. Там же. М., 1980. Т. 35. С. 27, 44.
31. Там же. М., 2004. Т. 25. С. 131; М., 2006. Т. 26. С. 77.
32. См.: *Осадчий Є.* Ще раз про проблему історичних назв волинських міст, згаданих у статті 1240 р. Іпатіївського літопису // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X. С. 78-90.
33. См.: *Никитенко М.М., Осадчий Е.И., Полегайлов А.Г.* Древнерусское жилище в г. Изяслав, Хмельницкой обл. // *Советская археология*. 1985. № 1. С. 270-274.
34. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. IV. С. 12; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. III. С. 140-141.
35. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1988. Т. I. С. 192; *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 72.
36. См.: *Погодин М.П.* Разыскания о городах и приделах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г. СПб., 1848; *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. Географический словарь Русской земли (IX – XIV ст.). Вильна, 1865.
37. *Самоковасов Д.Я.* Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния. СПб., 1888. С. 40; *Антонович В.Б.* Археологическая карта Волынской губернии. М., 1900. С. 88, 103.
38. *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 252.
39. Там же. С. 608.
40. См.: *Раппопорт П.А.* Данилов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1971. Вып. 125. С. 82-86.

41. См.: Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996. С. 161, № 868–869.
42. ПСРЛ. Т. II. Стб. 786–787.
43. Там же. Стб. 787.
44. Там же. Стб. 794.
45. Там же. Стб. 791, 794.
46. Там же. Т. VI. Вып. 1. Стб. 303; Т. 42. С. 117; Т. IV. Ч. 1. С. 227.
47. См. там же. М., 2000. Т. VII. С. 145; М., 2000. Т. X. С. 118; М., 2000. Т. XV. Стб. 375; М., 2007. Т. XVIII. С. 61; М., 2005. Т. XXI. С. 159; М., 2004. Т. 23. С. 78; М., 2000. Т. 24. С. 95; Т. 25. С. 131; Т. 26. С. 77; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 54, 212; Л., 1977. Т. 33. С. 68; М., 1978. Т. 34. С. 89; М., 2004. Т. 43. С. 94.
48. *Грушевський М.С.* Історія української літератури. Київ, 1993. Т. III. С. 187; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 86; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. С. 112.
49. *Прохоров Г.М.* Материалы по статейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы... СПб., 1999. Т. 51. С. 171.
50. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков. С. 161.
51. *Осадчий Є.* Ще раз про проблему історичних назв... С. 79.
52. См. факсимильное издание рукописи: *The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Chetvertynskyj (Pogodin) Codices.* Cambridge, 1990 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature: Texts. Vol. VIII). P. 334. Col. 674.
53. *Ibid.* P. 337. Col. 680.
54. См.: *Барсов Н.П.* Материалы для историко-географического словаря России. С. 38; *Раннопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель X – XIV вв. М., 1967 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 140). С. 180; *Куза А.В.* Древнерусские городища X–XIII вв. С. 154, № 808.
55. См.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 230; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 187; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 158; *Івакін Г.Ю.* Монгольська навала на Русь // Давня історія України: У 3-х томах / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ, 2000. Т. III. С. 583; *Хрусталеv Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига»... С. 236; *Головко О.Б.* Держава Романовичів та Золота Орда (40–50-ті рр. XIII ст.) // Український історичний журнал. 2004. № 6. С. 6; *Почекаев Р.Ю.* Батый... С. 198; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem Halickiej i Wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264. Kraków, 2011. S. 231; *Войтович Л.В.* Галицко-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 271, 303–304; *Карпов А.Ю.* Батый. С. 142.
56. *Кучинко М.М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X–XIV століттях. Луцьк, 2009. С. 405.
57. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.
58. См.: *Труворов А.Н.* Географический указатель // Летопись по Ипатскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1871. С. 4; Указа-

тель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел второй: Указатель географический / Сост. С. А. Андрианов. СПб., 1907. С. 34, 39; Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи / Сост. Л. Л. Муравьева, Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов // ПСРЛ. М., 1998. Т. II. С. XXXVI.

59. См.: *Лихачева О.П.* Галицко-Волынская летопись [Комментарии] // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. V. С. 502, 503..

60. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 158; Літопис Руський. За Іпатським списком переказав Леонід Махновець / Відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1989. С. 398, 400, 544. См. также: *Масенко Л. Т.* Водава // Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Відп. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985. С. 32.

61. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 30, 31.

62. ПСРЛ. Т. II. Стб. 788-789.

63. См.: *Wawryniuk A.* Wielki leksykon lubelsko-wotyńskiego Pobuża: historia, geografia, gospodarka, polityka. Chełm, 2010. Т. I: Gmina Żmudź. Powiat Chełmski; Chełm; Włodawa, 2010. Т. II. Gmina Włodawa. Powiat Włodawski.

64. См.: *Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Göckenjan und J. R. Sweeney.* Graz; Wien; Köln, 1985. S. 167

65. См.: *Králík O.* Historická skutečnost a postupná mýtizace mongolského vpádu na Moravu roku 1241, Olomouc, 1969. См. также: *Bachfeld G.* Die Mongolen in Polen: Schlesien, Böhmen und Mähren. Ein Beitrag zur Geschichte des großen Mongolensturmes im Jahre 1241, Innsbruck, 1889; *Strakosch-Grassmann G.* Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck, 1893.

66. См.: *Annales Sancti Pantaleonis Coloniensis, 1238–1250 / Ed. H. Cardaens // MGH. SS. Hannoverae, 1872. Т. XXII. P. 535.*

67. См.: *Лантева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы // Рукописи, которых не было. Подделка в области славянского фольклора. М., 2002. С. 19-20.

68. См.: *Damroth K.* Die älteren Ortsnamen Schlesiens: ihre Entstehung und Bedeutung. Beuten, 1896. S. 34; *Schwarz E.* Zur Namenforschung und Siedlungsgeschichte in den Sudetenländern. 1975. S. 58. См. также: *Zaranski S.* Geograficzne imiona słowiańskie: zestawione alfabetycznie według nazw ich niemieckich, włoskich, rumuńskich, węgierskich i tureckich, z dodaniem niektórych łotyskich i innych zagranicznych spolszczonych. Kraków, 1878.

Илья ПАРШИН

КОРОЛЬ ЮРИЙ ЛЬВОВИЧ НА СТРАНИЦАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ХРОНИК

Время правления короля Руси Юрия (Георгия*) Львовича (1252/1257–1308) является, пожалуй, одним из самых таинственных периодов в истории Галицко-Волынского княжества. Сведения местных летописцев об этом правителе до наших дней не сохранились, так что помочь пролить свет на тот темный период могут только западноевропейские источники, сведения которых хоть и достаточно надежны, но, тем не менее, отрывочны и требуют дополнительного анализа.

Попытки реконструировать портрет короля Юрия достаточно широко представлены в историографии. Лучшие работы, посвященные данной теме, как нам кажется, принадлежат Дмитрию Исаевичу¹ и Леонтию Войтовичу². Однако немало важных вопросов до сих пор остается без ответа, что, конечно же, связано с нехваткой исторических источников.

Отметим, что известные нам западные хроники, в которых содержатся известия о деятельности Юрия Львовича, упоминают об этом правителе в начале XIV в., когда тот, собственно говоря, уже был сюзереном объединенного Галицко-Волынского княжества и, вероятно, владел титулом «короля Руси и князя Володимирии (Волыни)», известным по его печати³. Попытки идентифицировать Юрия западными источниками ранее этого периода носят весьма условный характер. Например, сомнительным представляется тождество известного из актовых документов закарпатского наместника Григория и тогда еще белзского князя Юрия-Георгия⁴, основанное, видимо, только на поверхностном сходстве имен⁵.

Впервые как самостоятельный правитель Юрий Львович упоминается на страницах польских источников «Рочника Траски»⁶, «Анналов Сендзивоя»⁷ и «Малопольских анналов»⁸. В историографии они известны уже длительное время, однако важность их показаний трудно переоценить, ведь при отсутствии известий галицко-волыньских летописей (а что таковые в то время существовали, исследователи не сомневаются⁹) здесь зафиксированы первые шаги короля Руси на международной арене.

---

* Юрий – русская версия греческого имени Георгий.

Стоит отметить, что дипломатическая активность короля Руси из-за недостатка источников представляется несколько спорной. В исторической литературе сложились определенные стереотипы, которые не всегда совпадают с информацией западных хроник. Принято считать, что под 1300 г. упоминаются войска Юрия Львовича, отправленные на помощь его свояку Владиславу Локетку (1260/1261–1333), который вел войну с чешским королем Вацлавом II, также коронованным польской короной:

«В год тот [1300] король Богемии* ворвался в Польшу и завладел ей. И русичи в землю Сандомирскую ворвались и новый город** грабили и уничтожали, и много зла по всей земле совершили, ибо воины в то время были на войне с королем Богемии»¹⁰.

Известие это неоднозначно. Хотя Сандомирская земля находилась под контролем Вацлава II, фраза *«грабили и уничтожали, и много зла по всей земле совершили»* не позволяет однозначно трактовать участие русских войск на стороне Владислава Локетка. Чехи не держали постоянного войска в Сандомирии, и местные нобили и бюргеры - давние вассалы Владислава Локетка - могли перекинуться на сторону своего сюзерена, и тогда поход Юрия мог быть помощью, направленной чешскому королю. Это объясняет и фраза *«ибо воины в то время были на войне с королем Богемии»*. Если русское войско помогало полякам, то обе фразы в данном контексте лишены смысла.

Тем не менее, по мнению многих исследователей, упомянутая акция разорвала крепкий русско-чешский союз, тщательно выстроенный в последней трети XIII в. князем Львом Даниловичем (1225/1228–1299/1301)¹¹. Правда, в момент похода Юрия его отец, скорее всего, еще оставался сюзереном королевства Руси, а отношение к Владиславу Локетку и к Вацлаву II было далеко неоднозначным. Лев Данилович, возможно, стремился к компромиссу в этом противостоянии¹².

Сохранившиеся источники, увы, в целом не позволяют полностью реставрировать русско-польские отношения того времени, оставляя много вопросов дискуссионными.

Став королем Руси, Юрий Львович поддержал своего польского родственника, о чем свидетельствует совместный поход в ту же Сандомирскую землю в 1302 г.: *«Князь Владислав с русичами и татарами Сандомирию опустошил»¹³.*

Поход закончился поражением, а вскоре чешский и польский король Вацлав II отобрал у короля Юрия Львовича Люблинскую

---

* Речь идет о Вацлаве II (1271–1305).

** Имеется в виду городок Новый Корчин, ныне Буского повета Свентокшиского воеводства Польши.

землю, о чем сообщают указанные источники: *«В тот год атаковали войска краковские и Сандомирская Русь, а именно вновь Люблин, который русичи оккупировали много лет, взяли штурмом, после чего в малочисленности со многими русичами и литовцами, а также татарами бились, и, с Божьей помощью, все победили»*¹⁴.

Обстоятельства потери Люблинской земли королем Юрием Львовичем остаются неизвестными. Польские источники зафиксировали еще один факт - воевода Петр Галька (Галка) с воинами покинул город¹⁵.

Все-таки помощь, оказанная королем Руси, привела к тому, что Владислав Локеток сумел отвоевать Сандомирскую землю, а затем и занять краковский престол¹⁶. Произошло это, очевидно, после смерти чешского короля Вацлава II в 1305 г., на что указывает хроника Яна Неплаха (1322–1371)¹⁷ - весомый источник по истории чешских земель:

*«Действительно, после смерти той королевство Венгерское, Польша, Краковия, Померания, большая часть Руси, земля^{17*} Серазская, Мейсенская, все территории от королевства (Чешского – И.П.) вернули и различные части Богемии и Моравии начали опустошать»*¹⁸.

Произведение чешского хрониста незаслуженно обошли вниманием многие исследователи, считая его хронику беспорядочной компиляцией, литературная и историческая ценность которой не слишком велика¹⁹. Как нам кажется, свидетельств об истории Галицко-Волынского княжества начала XIV в. сохранилось настолько мало, что следует серьезно рассматривать любую дополнительную запись, способную пролить хоть немного света на темную эпоху.

Ян Неплах родился в 1322 г. в городке Гориневе у Градца-Кралового, с 1332 г. он учился в школе при местном монастыре бенедиктинцев, позднее штудировал римское право в Болонье. В 1347 г. он работал в папском суде в Авиньоне, однако вынужден был вернуться в Чехию, где, заслужив доверие короля Карла IV (1316–1378), участвовал в работе многочисленных дипломатических посольств. При написании собственной хроники Неплах прежде всего опирался на показания чешских источников. Умер хронист в 1371 г.²⁰ К сожалению, из рассматриваемой записи неизвестно, какие именно земли удалось вернуть Юрию Львовичу (то, что под «большей частью Руси» следует понимать Галицко-Волынское княжество, сомневаться, пожалуй, не приходится) и является ли этот факт истинным. Возможно, речь шла о повторном и кратковременном отвоевании Люблина – в одном из

---

* «Земля» в значении «княжество».

поздних польских источников XVI в. указывается: «*В году же после 1306 замок Люблинский от русичей упорством поляков возвращен*»²¹.

Больше сведений об этой кампании мы не имеем. Детали возможного продолжения борьбы за Люблинскую землю после 1302 г., таким образом, скрыты от глаз историков. Не исключено также, что сообщение поздней хроники под 1306 г. является реминисценцией событий 1302 г.

Другим не менее важным направлением политики Юрия было участие в борьбе за венгерское наследство. В 1301 г., когда оборвалась династия Арпадов, за вакантный титул повели борьбу сицилийский принц Карл Роберт (1288–1342), чешский король Вацлав III (1289–1306) и герцог Баварии Отто III (1261–1312); король Руси Юрий Львович, хотя и имел права на венгерские владения наравне с остальными претендентами²², повел себя, как это выглядит со стороны, несколько пассивно. Возможно, имеющиеся источники просто не сохранили достаточно свидетельств о его действиях на «венгерском» направлении, а то, что такие действия велись, не вызывает сомнений.

Вот уже длительное время ученые ведут дискуссию относительно возможного брака Карла Роберта и галицкой принцессы Марии Львовны. Выдвинул и развил эту гипотезу, приведя веские аргументы, известный венгерский специалист Дюла Криштов²³. Несмотря на все сомнения относительно возможности подобного династического альянса, на что указал в своем исследовании Станислав Срока²⁴, этот брачный союз мог быть чрезвычайно выгодным для сицилийского претендента на венгерскую корону. Однако историчность княжны Марии Львовны и возможность ее теоретического брака с Карлом Робертом по-прежнему остаются дискуссионными²⁵.

В данном контексте также обращает на себя внимание интересное сообщение известного хрониста Иоанна из Виктринга (1270/1280–1345/1347)²⁶, который, отмечая гибель чешского короля Вацлава III, упомянул о его супруге – овдовевшей дочери короля Руси: «*Король Богемии юный... как говорят, похоронен был, оставив молодую вдову, дочь короля Руси ...*»²⁷.

В комментариях к тексту ошибочно указано, что речь идет о Виоле, дочери чешинского князя Казимира II²⁸, который княжил на рубеже XV–XVI вв. Вдову Вацлава III действительно звали Виола (ок.1291–1317), но она была дочерью ленника чешского короля, чешинского князя Мешка I (1252/1256–1314/1315) от неизвестной жены²⁹. Таким образом, Виола, конечно, не может называться дочерью «короля Руси», однако авторитет известного хрониста, правдивость показаний которого заслужила высокую оценку в историографии³⁰, заставляет

нас оставить этот вопрос открытым. Не исключено, что неизвестной женой Мешка I и матерью Виолы была княжна из рода Романовичей. В таком случае женой Вацлава III могла бы быть не «дочка», а «внучка короля Руси», возможно, Льва Даниловича, а сам брак, который был заключен в 1305 г., выглядел бы вполне мотивированным: чешский король, породнившись с галицко-волынскими Романовичами, мог рассчитывать на быстрый мир с Владиславом Локетком и, возможно, на помощь в борьбе с Карлом Робертом. При этом следует учесть, что младший брат Мешка I битомский князь Казимир II около 1275–1278 гг. женился на Елене Львовне³¹. Возможно, что этот брак был двойным, знаменуя, таким образом, заключение галицко-чешского союза. Правда, при отсутствии других доказательств такое построение выглядит сугубо гипотетическим.

Больше сведений в источниках сохранилось об альянсе между Юрием Львовичем и баварским герцогом Отто III, боровшимся с Карлом Робертом за венгерский престол. Об этом эпизоде упоминают сразу несколько важных западных хроник, которые не прошли мимо внимания ученых³²: анналы баварского монастыря Остерховен³³, рифмованная хроника Оттокара Штирийского³⁴, анналы немецких монастырей Цветтль³⁵ и Хейлинггрекройц³⁶. Рассмотрим эти свидетельства подробнее.

Вполне вероятно, первое упоминание о пребывании герцога Отто III у Юрия Львовича было оставлено монахами баварского монастыря, которые описали визит венгерского короля-изгнанника на Русь: *«Правитель Отто, король Венгрии и князь Баварии жалкий, из плена венгерского освобожден, через Пруссию и Русь к землям своим возвращаясь, на этом пути с дочерью князя Глоговии по имени Элизабет* обручается и чуть позже на ней женится»*³⁷.

Эта работа была написана неизвестным летописцем или несколькими анонимными авторами. Анналы охватывают период с 43 по 1313 г. и содержат более позднюю вставку о событиях 1365 и 1414–1433 гг. Как отмечают исследователи, текст до 1300 г. является компиляцией из более ранних источников, в частности «Анналов Германа из Альтаха»³⁸. Однако описание событий начала XIV в., изложенное подробно и развернуто, очевидно, принадлежало перу современника, которым был аббат монастыря Ульрих (1288–1313)³⁹. Заслуживают доверия и записи известного австрийского хрониста Оттокара Штирийского (Оттокара из Гаала, ум. в 1318). Его немецкоязычная рифмованная хроника отмечает теплую встречу баварского герцога и короля Руси, которого автор

---

* Супругу Отто III звали Агнессой (1293–1361).

произведения называет по имени – Георгий («kunic Georin von Riuzen», «kunic Geörg»)⁴⁰. Сомнения в том, что хронист больше интересовался поэтической стороной своего произведения, чем достоверностью исторической информации⁴¹, видимо, беспочвенны. Увлечение рифмой, приведшее к произвольному и бессистемному сокращению немецких слов, затрудняет чтение и перевод хроники, но не влияет на ее достоверность. По крайней мере, это замечание точно не касается факта встречи правителей Руси и Баварии, подтвержденного и другими независимыми источниками.

Известие об освобождении Отто из плена Юрием также предоставляют анналисты из монастыря Хейлингрекройц: *«В 1308 году упомянутый Отто, князь Баварии, освобожден королем Руси, еще ранее князем Трансильвании выпущен был, покинул королевство Венгерское, не без стыда в страну свою вернувшись; почти все венгры молитвой и единением вышеупомянутого Карла поддержали»*⁴².

Этот источник содержит описание событий за 1302–1310 гг., а его показания вполне заслуживают доверия⁴³. Список этих анналов сегодня хранится в Австрийской национальной библиотеке в Вене.

Обращает на себя внимание и запись, сделанная в монастыре Цветтль: *«Князь Баварии Отто в Венгрии правлением не утвердился, домой был возвращен, на этом пути венграми захвачен удачно, еще и к тому же на Русь был доставлен пленником, с Божьей милостью освобожден»*⁴⁴.

Это произведение представляет собой достаточно обширный пересказ событий 1241–1329 гг. К сожалению, оригинальный список был утрачен в XVII в. Источник был реконструирован известным исследователем Вильгельмом Ваттенбахом в XIX в. из нескольких частей⁴⁵.

Кроме вышеприведенных источников, введенных в научный оборот еще в начале XX в., и в других хрониках существуют упоминания о визите герцога Отто III в Галицко-Волынское княжество. Так, уже знакомый нам чешский хронист Ян Неплах под 1308 г. записал следующее: *«В году Божьем 1308 умер король в Оломоуце*, король Венгрии Стефан со своими венграми, обманутый и преданный, за части Руси продан»*⁴⁶.

Эта короткая заметка является достаточно интересной. Первое, что привлекает внимание, – фигура баварского герцога Стефана I (1271–1310). Этот правитель, упомянутый в источнике, до самой своей смерти был одним из соправителей Баварии. Как и его брат Отто

---

* Хронист ошибочно записал смерть Вацлава III под 1308 г. На самом деле последний представитель династии Пшемислов ушел из жизни в 1306 г.

III, он мог претендовать на наследство Арпадов, однако в Венгрии он не правил и тем более не короновался королевской короной. Таким образом, в данном случае мы имеем ложное утверждение – претендентом на вакантный титул все-таки был Отто III, что отмечено другими имеющимися источниками, в том числе и вышеназванными.

Второй не менее интересный момент – «продажа» баварского герцога за «части Руси». Пожалуй, не стоит понимать слова хрониста буквально. Вполне возможно, речь идет о потере определенных территорий из-за союзного соглашения между Юрием и баварским герцогом. По мнению исследователей, этими «частями» могли быть закарпатские владения короля Руси⁴⁷, отвоеванные Карлом Робертом после длительной борьбы в 1320-х гг. Возможно, в коротком сообщении Яна Неплаха отразились именно эти события.

Ценным источником является «Хроника князей Баварии»⁴⁸, в которой также сообщается о побеге Отто III через русские владения: *«И далекими краями или землями, а именно Русией и Пруссией, привычкой негодая или балагура быстро проходя, прибыл во Вроцлав»*⁴⁹.

Идентифицировать личность автора трудно. Редактор издания 1918 г. Георг Лейдингер не сомневался, что хронистом является неизвестный выходец из Баварии, малоопытный в написании исторических сочинений, построивший «Хронику о князьях Баварии» практически исключительно на легендах и преданиях, привлекая минимум письменных источников⁵⁰. Ориентировочная дата написания произведения – 70-е гг. XIV в. Отметим, что до нашего времени аутентичная редакция не сохранилась. «Хроника о князьях Баварии» была восстановлена на основе списка 1420-х гг. Андреаса из Регенсбурга (1380–1442/1447), который, возможно, и дал ей такое название⁵¹. По этой причине, как нам представляется, существует необходимость подробнее остановиться на фигуре этого хрониста.

Андреас родился около 1380 г. в Рейхенбаге, учился в начальной школе при монастыре бенедиктинцев, в 1405 г. принял сан священника и присоединился к ордену августинцев. Долгое время он занимал должность архивариуса в монастыре немецкого городка Штадтамхоф, что возле Регенсбурга, а в 1435–1438 гг. был его настоятелем. По разным данным, умер хронист между 1442⁵² и 1447⁵³ гг.

За написание исторических произведений Андреас взялся по просьбе герцога Баварии-Ингольштадт Людвига VII (1368–1447), для которого и была составлена немецкоязычная история баварских правителей⁵⁴.

Среди источников XIV в. обращает на себя внимание также «Кельнская всемирная хроника 1273/1278–1376»⁵⁵, на страницах которой мы находим следующее описание бегства баварского князя

и его визита на Русь: «...[Отто] на пир был призван... задержан был в этом замке и впоследствии через различные чуждые и неизвестные земли, через королевства Руси и Болгарии изгнанию поддан»⁵⁶.

Сведения об этой хронике достаточно ограничены. Считается, что она была составлена в последнюю четверть XIV в. в Кельне. Имя самого хрониста неизвестно, однако не вызывает сомнений тот факт, что он принадлежал к церковным кругам. Анонимный автор воспользовался большим количеством источников, основным из которых является продолжение хроники Мартина из Троппау (*lat. – Martinus Polonus*)⁵⁷. Позже это произведение было дополнено и доведено до середины XV в. монахом Альбертом (ум. в 1456/1458)⁵⁸. Будучи продолжателем давней хроники, автор принял сведения о передвижении баварского властителя без оговорок: «... [Отто] на пир был приглашен, в этом замке схвачен и различными местностями через Болгарское и Русское королевства был выведен»⁵⁹.

Автором этой хроники, писавшейся на протяжении 1426–1454 гг., считают нотариуса Альберта Штутена, о котором сохранилось минимум информации. Некоторое время он изучал римское право в Кельнском университете. Позже, возможно, получив богословское образование, он принял постриг цистерцианского монаха в монастыре в Здар-над-Сазавой, что в современной Чехии. Как отмечено в кельнских поминальных книгах, умер Альберт в 1456 г.⁶⁰, хотя в монастыре сохранилась запись, согласно которой «брат Альберт» покинул этот мир в 1458 г.⁶¹

База источников этой хроники достаточно основательна⁶². Однако ни в одном из использованных автором источников не содержится свидетельств о маршруте баварского герцога – упоминание о Руси и именно Болгарии не подтверждено другими хрониками и, возможно, опирается на не совсем точные устные предания.

Среди источников XV в. обращает на себя внимание «Хроника Австрии» Томаса Эбendorфера (1388–1464)⁶³, который также отмечает встречу Юрия Львовича с венгерским королем-изгнанником: «Однако вскоре Владислав, воевода Трансильванский, его задерживает и с требованием его короны жалкой в замке в тюрьму бросает и позднее королю Руси представляет, которым тот в конце концов освобожден был и в родную землю со стыдом вынужден был вернуться в году Божьем 1308»⁶⁴.

Томас Эбendorфер родился 10 августа 1388 г. в Хассельбахе. Детство и юные годы будущего хрониста мало исследованы, однако известно, что в 1408 г. он поступил в Венский университет, где после четырех лет обучения получил научную степень магистра свободных искусств, после чего остался на преподавательской должности, читая

лекции по философии и латыни. Параллельно с преподаванием в 1419 г. Томас Эбендорфер был зачислен на богословский факультет. Через два года учебы он принял сан священника, а через семь получил степень доктора теологии, вскоре заняв должность профессора богословского факультета. Во время своей университетской карьеры он избирался ректором, а также представлял свое учебное заведение на церковном соборе в Базеле (1432–1435). Гражданская карьера Эбендорфера вначале также была весьма успешной: в качестве парламентария императора Фридриха III (1415–1493) он побывал в составе многочисленных посольств. Однако через некоторое время он утратил благосклонность монарха и попал в опалу⁶⁵.

Работа Томаса Эбендорфера высоко оценена в научной литературе⁶⁶, так как хронист, имея большой доступ к архивным и библиотечным материалам, несомненно, воспользовался немалым количеством источников. Его сообщение о встрече баварского герцога и короля Руси также является заимствованным из хроник более ранних времен. Так, для написания «Хроники Австрии» были использованы произведения Оттокара Штирийского, а также сообщения анналистов из монастырей Хейлинггрекройц и Цветтль⁶⁷. Очевидно, эпизод 1308 г. был взят из этих источников.

Союз с баварским герцогом, как справедливо замечает Л. Войтович, был скреплен династическим браком между Львом Юрьевичем (ум. до 25.05.1323 г.) и неизвестной по имени сестрой Агнессы, жены Отто III⁶⁸. К сожалению, этот альянс был прерван смертью Юрия Львовича, которая, вполне вероятно, наступила 21 апреля 1308 г., хотя эта дата и остается дискуссионной⁶⁹. Последующие «бои» за венгерское наследство и закарпатские владения Романовичей развернулись уже при преемниках Юрия Львовича⁷⁰.

Таким образом, использованные исторические источники не позволяют нам полностью воссоздать политический портрет короля Руси Юрия Львовича, хотя и по сохранившимся данным заметна деятельная натура галицко-волынского князя. Дальнейшее исследование этой проблемы с привлечением дополнительных источников, несомненно, поможет пересмотреть сложившиеся стереотипы относительно этого правителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Исаевич Д.* Галицко-Волинское княжество в конце XIII–начале IV в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 г. М., 1989. С. 71–77.

2. *Войтович Л.* Галицько-волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 319–325.
3. *Лаппо-Данилевский А. С.* Печати последних галицко-владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 241.
4. *Федака С.* Галицько-Волинська держава і Закарпаття // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 71.
5. *Войтович Л. В.* Штрихи до портрета князя Лева Даниловича // Україна в Центрально-Східній Європі. 2005. Вип.5. С. 150; *Його ж.* Галицько-волинські етюди. С. 297.
6. *Rocznik Traski / A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica* (далі – МРН). Lwów, 1872. Т. II. P. 826–861.
7. *Rocznik Sędziwoja / A. Bielowski // Ibid.* P. 871–880; *Annales Sandivogii / M. Perlbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Sectio* (далее – MGH. SS.). Hannoverae, 1925. Т. 29. P. 424–430.
8. *Rocznik Malopolski / A. Bielowski // МРН.* Lwów, 1878. Т. III. P. 135–202; *Annales Polonorum / Ed. R. Röpel // MGH. SS. Hannoverae, 1925. Т. 19. P. 614–656.*
9. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 55–57; *Исаевич Д.* Галицко-Волынское княжество. С. 76–77.
10. «Anno ipso [1300] rex Bohemie intrat Poloniam et obtinet totam. Et Rutheni terram Sandomiriensem intrant et Novam civitatem spoliant et comburunt, et multa mala in tota terra fecerunt, militibus existentibus in bello cum rege Bohemie» (*Rocznik Traski.* P. 853; *Rocznik Sędziwoja.* P. 879; *Annales Sandivogii.* P. 429; *Rocznik Malopolski.* P. 186; *Annales Polonorum.* P. 653–654).
11. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 111; *Włodarski B.* Polska i Rus 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 229; *Исаевич Д.* Галицко-Волынское княжество. С. 72; *Войтович Л.* Галицько-волинські етюди. С. 322.
12. *Войтович Л.* Князь Лев Данилович. Львів, 2012. С. 155–156.
13. «Dux Wladislaus cum Ruthenis et Tartaris Sandomiriam vastavit» (*Rocznik Malopolski.* P. 186; *Annales Polonorum.* P. 654).
14. «Eodem anno inierunt milites Cracovienses et Sandomirienses Russiam, videlicet Lublin novum, quod Rutheni occupaverunt pluribus annis, expugnaverunt, deinde in paucis cum multitudo Ruthenorum et Lithwanorum ac Tartarorum pugnaverunt, et Domino cooperante de omnibus triumphaverunt» (*Rocznik Traski.* P. 853; *Rocznik Sędziwoja.* P. 879; *Rocznik Malopolski.* P. 188–189; *Annales Polonorum.* P. 655; *Annales Sandivogii.* P. 429).
15. *Rocznik Traski.* P. 853.
16. *Войтович Л.* Галицько-волинські етюди. С. 322.
17. *Kronika Neplachova / J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum* (далее – FRB). Praha, 1882. Т. III. P. 445–484.
18. «Nam post mortem ipsorum regnum Ungarie, Polonie, Cracovie, Pomoranie, maxima pars Russye, terra Syrasye, Misnensis, omnes hee terre a regno recesserunt et a diversis partibus Bohemiam vastare ceperunt et Mouraviam» (*Ibid.* P. 478).
19. *Лантева Л. П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М., 1985. С. 65.

20. См.: *Emler J. Úvod* // FRB. T. III. P. 445–450; *Лантева Л. П.* Хроника Козьмы Пражского и ее использование в чешской историографии позднего средневековья // *Средневековый город*. 2007. Вып. 17. С. 137.

21. «Anno vero deinde post 1306 castrum Lublinense a Ruthenis per studium Polonorum recuperatum est» (*Zdarzenia godne pamieci / A. Lorkiewicz* // МРН. Т. III. P. 309).

22. *Войтович Л.* Галицько-волинські етґуди. С. 322–323.

23. Аргументацию исследователя см.: *Kristó Gy. Károly Róbert első felesége* // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica*. 1988. № 86. 27–30 old.

24. *Срока С.* Чи існувала руська дружина угорського короля Карла Роберта на початку XIV століття? // *Княжа доба: історія і культура / Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. Відп. ред. Л. Войтович*. 2010. Вип. 3. С. 268–277.

25. См.: *Войтович Л.* Галицько-волинські етґуди. С. 337–341.

26. *Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum / F. Schnider* // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae et Lipsiae*, 1909. T. I. Libri I – III.

27. «Rex Bohemie iuvenis ... sicut dicitur, perfossus est, relinquens iuvenem viduam, Ruthenorum regis filiam...» (*Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum*. P. 373).

28. *Ibid.* P. 373.

29. *Biermann G.* Geschichte des Herzogthums Teschen. Cieszyn, 1894. S. 124–131; *Jasiński K.* Rodowód Piastów śląskich. Wrocław 1977. T. III. S. 33–35.

30. См.: *Schneider F.* Studiren zu Johannes von Viktring // *Neues Archiv*. 1903. № 28; *Lhotsky A.* Johann von Viktring // *Europäisches Mittelalter: Aufsätze und Vorträge / H. Wagner, H. Koller*. Munich, 1970; *Bassi U., Kamptner M.* Studien zur Geschichtsschreibung Johanns von Viktring. – *Klagenfurt*, 1997; *Mliner J.* Janez Vetrinjski in njegovo poznavanje Kranjske v Knjigi resničnih zgodb (*Liber certarum historiarum*) // *Zgodovinski Časopis. Letnik 58*. 2004. № 3–4.

31. *Войтович Л.* Князь Лев Данилович. С. 133, 166.

32. См.: *Грушевський М.* Історія України-Руси. С. 118.

33. *Annales Osterhovenses / Ed. W. Wattenbach* // *MGH. SS. Hannoverae*, 1925. T. 17. P. 537–558.

34. *Ottokars Österreichische Reimchronik / Hrsg. J. Seemüller* // *Monumenta Germaniae Historica. Deutsche Chroniken. T. V. Bd. 2. Hannoverae*, 1890.

35. *Continuato Zwetlensis Tertia / Ed. W. Wattenbach* // *MGH. SS. Hannoverae*, 1925. T. IX. P. 654–669.

36. *Continuatio Sancrucensis Tertia / Ed. W. Wattenbach* // *Ibid.* P. 732–735.

37. «Domnus Otto rex Ungarie et dux Bavarie mirabiliter a captivate Ungarica liberatus, per Prusciam et Rusciam ad terram suam rediens, in ipsa via filiam ducis Gloavie nomine Elyzabet desponsat, quam postea breviter ducit uxorem» (*Annales Osterhovenses*. P. 555).

38. См.: *Boehmer J. F. Vorrede* // *Fontes Rerum Germanicarum. Geschichtsquellen Deutschlands / Hrsg. J. F. Boehmer*. Stuttgart, 1845. S. 54–56; *Wattenbach W.* *Annales Osterhovenses* // *MGH. SS. T. 17. P. 537–538*.

39. Ibid. P. 537.
40. Ottokars Österreichische Reimchronik. P. 1154–1155. Также см.: Грушевський М. Історія України-Руси. С. 118; Исаевич Д. Галицко-Волынское княжество. С. 75; Войтович Л. Галицько-волинські етюди. С. 323.
41. Huber A. Die Steirische Reimchronik und das Österreichische Interregnum // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1883. T. IV. S. 41–74.
42. «1308 prefatus Otto dux Babarie dimissus a rege Ruscie, cui antea a duci Transilvano commissus fuerat, relicto regno Ungarie solum proprium remeavit, non sine rubore; cunctis pene tunc Ungaris voto et assensu in prefatum Karolum concurrentibus» (Continuatio Sancti Crucensis Tertia. P. 734).
43. Wattenbach W. Continuatio Sancti Crucensis Tertia // Ibid. P. 732; Klebel E. Die Fassungen und Handschriften der österreichischen Annalistik // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich (далее – Jahrb. Landesk. Niederösterreich.). Wien, 1928. T. 21. P. 112–114.
44. «Dux Bawarie Otto in Ungaria cum in regnum non proficeret, domum revertitur, hac sola apud Ungaros potitus felicitate, quod eorum ac Ruthenorum in quas traditus fuerat captivitates, Deo miserante evasit» (Continuatio Zwetlensis Tertia. P. 662).
45. Wattenbach W. Continuatio Zwetlensis Tertia // MGH. SS. T. IX. P. 654–655.
46. «Anno Domini MCCCVIII occiso rege in Olomucz rex Ungarie Stephanus a suis Ungaris defraudatur et infidelibus ultra partes Russye venditur» (Kronika Neplachova. P. 478).
47. Войтович Л. Галицько-волинські етюди. С. 323.
48. Cronica de ducibus Bavarie / Hrsg. G. Leidinger // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. Bayerische Chroniken des XIV Jahrhunderts. Hannover, 1918.
49. «Et remocioribus partibus sive terris, videlicet Ruscia et Brucia, more ribaldi sive lusoris transcuris venit in Preslah» (Ibid. P. 151).
50. См.: Leidinger G. Cronica de ducibus Bavarie. Einleitung // Ibid. P. 139–145.
51. Dicker S. Landesbewusstsein und Zeitgeschehen. Studien zur bayerischen Chronistik des 15 Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 2009. P. 41–52.
52. Märkl C. Andreas von Regensburg. Augustinerchorherr und Geschichtsschreiber (ca. 1380–ca. 1442) // Berühmte Regensburger. Lebensbilder aus zwei Jahrtausenden. Regensburg, 1997. S. 99–103.
53. Dicker S. Landesbewusstsein und Zeitgeschehen. S. 30.
54. Ibid. S. 41.
55. Die Kölner Weltchronik 1273/1278–1376 / Hrsg. R. Sprandel // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series (дали – MGH. SS rer. Germ. N.S.). T. 15. München, 1991.
56. «... ad convivium fuisset vocatus ... detentus fuit in eodem castro et inde ad diversa extranea et incognita loca per regna Ruthenorum atque Bulgarie exilio relegatus» (Ibid. P. 65).
57. Sprandel R. Einleitung // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XV. München, 1991. P. 12–19.

58. Die Weltchronik des Mönchs Albert 1273/1277 – 1454/56 / Hrsg. R. Sprandel // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XVII. München, 1994.

59. «...ad convivium fuisset invitatus, in quodam castro capitur et ad diversa loca per Bulgarorum et Ruthenorum regna fuit deductus» (Ibid. P. 211).

60. *Engels O.* Albert von Siegburg oder Albert Stuten? Beobachtungen zu einer Weltchronik des 15 Jahrhunderts // Studien zum 15. Jahrhundert: Festschrift für Erich Meuten / hrsg. von J. Helmrath und H. Müller in Zusammenarbeit mit H. Wolff. München, 1994. Bd. 1. S. 763–780.

61. *Sprandel R.* Einleitung // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XVII. P. 13.

62. Ibid. P. 18–24.

63. *Ebendorfer Thomas.* Chronica Austriae / Hrsg. A. Lhotsky // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XIII. Berlin; Zürich, 1967.

64. «Sed haud longius Ladislaus vayvoda Transilvanus ipsum detinuit et extorta ab eo corona miserabiliter suo in castro in vincula coniecit et postea regi Ruscie presentavit, a quo tandem libertati donatus ad natale solum cum rubore cogitur remeare Anno Domini MCCCVIII» (Ibid. P. 205).

65. *Lhotsky A.* Leben und werke // Ibid. P. 1–23.

66. *Grossman K.* Die Frühzeit des Humanismus in Wien bis zu Celtis' Berufung 1497 // Jahrb. Landesk. Niederöster. Wien, 1929. T. 22. P. 169–173; *Lhotsky A.* Thomas Ebendorfer und die österreichischen Freiheitsbriefe // Ibid. Wien, 1944–48. T. 29. P. 131–143.

67. *Lhotsky A.* Die quellen der «Chronica Austriae» // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XIII. P. 35, 140.

68. *Войтович Л.* Галицько-волинські етюди. С. 323.

69. См.: *Исаевич Д.* Галицко-Волынское княжество. С. 73; *Войтович Л.* Галицько-волинські етюди. С. 324–325.

70. *Грушевський М.* Історія України-Руси. С. 118–119; *Войтович Л.* Галицько-волинські етюди. С. 323.

Михаил НЕСИН

ГАЛИЦКОЕ ВЕЧЕ В 1235-1240-х гг.

Борьба князя Даниила Романовича за галицкий стол является одной из ярчайших и ключевых страниц биографии этого знаменитого князя, да и галицкой истории первой половины XIII ст. в целом. Весьма большое значение имели в ней взаимоотношения Даниила с галицким вечем, которые во многом и определяли эту борьбу и ее исход. Не являлись исключением и события второй половины 1230-х гг., которые мы рассмотрим в данной работе.

После того как в январе 1234 г. Даниил вновь вокняжился в Галиче, в течение целого года у него были мирные отношения с вечем. Несмотря на то, что он был проводником волынского влияния, большинство галицких вечников считали его сильным князем, надежным защитником от внешних врагов и лучшей альтернативой правлению венгерских интервентов¹. Еще осенью 1233 г. за Даниила встала «большая половина града»² (прочие галичане стойко сносили тяготы осады, но после смерти сидевшего в Галиче королевича Андраша, не дождавшись венгерской подмоги, признали власть Даниила)³. И в течение целого года, вплоть до досадного для вечников бегства князя с поля боя под Торческом, в галицкой вечевой среде никто против него не шел.

Зато, как выяснилось в дальнейшем, среди дружинной элиты были лица, которые не смирились с возвращением князя и вредили ему. Это проявилось уже год спустя, в 1235 г.⁴, во время войны с Михаилом Черниговским и его союзником Изяславом Мстиславичем с половецким отрядом. Правда, по гипотезе А. В. Майорова, с галичанам у Даниила тоже изначально были натянутые отношения - даже на войну он, дескать, пошел для того, чтобы задобрить военной добычей галицкую общину⁵. Таким образом, по мнению ученого, перед нами первое, косвенное, упоминание галицкого веча после повторного вокняжения Даниила в Галиче в январе 1234 г. Но скорее всего князь хотел утвердить свое влияние на юге Руси, в том числе и над своим союзником Владимиром Киевским, изначально стремясь занять ведущую роль в их альянсе. Недаром он еще до начала военных сборов учинил небывалую доселе на Руси акцию - заранее оставил в Киеве при Владимире своих верных видных дружинников Мирослава, Глеба Зеремеевича и «иные бояры многы»⁶, которые потом всю войну шли именно в киевском отряде при князе. Их враг Михаил Черниговский

тоже хотел господствовать в южнорусских землях. Скоро он, воспользовавшись вынужденным уходом Даниила из Галича, сам сядет на галицкое княжение.

Таким образом, у нас нет никаких данных о связи галицких вечников с княжеским решением пойти войной против влиятельного черниговского соперника. Но если эти вечники до Торческого боя были верны Даниилу, то видные галицкие дружинники стали мешать ему, помогая его противнику. Так, если верить уникальному известию В.Н. Татищева, еще в самом начале войны в ходе боев под Черниговом некие бояре вступили в сговор с Михаилом Черниговским и за мзду заманили Даниила в ловушку, в результате чего тот потерпел сокрушительное поражение, а его союзник Владимир Киевский поскорее отступил, чтобы не оказаться в таком же положении⁷. В новгородском и тверском памятниках существует лишь лаконичное указание на то, что Михаил сотворил над Даниилом *«прелесть»*, т. е. обман, одержав тем самым победу⁸. Густынская летопись добавляет, что Даниил едва спасся, а его союзник Владимир Рюрикович заблаговременно отступил⁹. Как верно указал А. В. Майоров, татищевское известие очень напоминает аналогичный текст этой летописи¹⁰. Видимо, В. Н. Татищев пользовался протографом Густынской летописи, так что его сообщение о саботаже особо интересно.

Во всяком случае, достоверно известно, что галицкие дружинники саботажем не брезговали. Согласно Ипатьевской летописи, вскоре, в бою под Торческом, из-за предательства галицких старших дружинников Григория Васильевича и Молибоговичей в плен к врагам попали сам киевский князь Владимир Рюрикович и ряд бывших с ним верных Данииловых дружинников, в их числе Мирослав и Глеб Зеремеевич¹¹. В.Н. Татищев также писал, что Владимир был пленен по вине *«советников»*¹², но, в отличие от Ипатьевской летописи, не называет их имен. Важно добавить, что само его известие о пленении Владимира явно копирует аналогичное известие новгородского летописца¹³, а значит, опирается на новгородский свод. Если новгородцев не особо занимали конкретные лица в галицком войске, то для княжеского галицко-волынского сводчика имена изменников были, конечно, куда важнее. Примечательно, что врагами Даниила оказались видные галицкие дружинники, включая знаменитых мятежников Молибоговичей. Впрочем, как мы видели на примере событий 1230-1231 гг.¹⁴, с ним враждовали именно члены старшей дружины, включая тех же Молибоговичей, не желавших уступать чины и влияние пришедшим с Даниилом волынцам. Что касается Григория Васильевича, с ним источники нас знакомят впервые, но известно, что в 1240 г. он был оставлен Даниилом в Галиче, где в его отсутствие стал реальным заправкой и разорителем земли¹⁵.

Кроме того, в сражении под Торческом Даниил потерял коня и бежал с поля боя, что настроило против него галицких вечников и принудило оставить галицкое княжение. Согласно Ипатьевскому списку, *«сретевшимъ же ся многимъ воємъ половецкимъ у Торцького, бысть сеча люта. Данилови же гоняшу по половцем, донележе конь его был застрелень гнедыи. Прежде бо иныии половцы наворотиле на бегъ. Даниль же видевъ бежащии конь свой стрелянь наворотил на бегъ»*¹⁶. Исходя из этого, исследователи обычно полагают, что еще прежде половцы обратили всех прочих воинов в бегство¹⁷.

Ныне А.В. Майоров, не ссылаясь на взгляды предшественников, высказал альтернативное мнение, что в бегство, наоборот, обратились сами половцы от Даниила. Отступление князя в этой связи становилось особо досадным¹⁸. Действительно, в Хлебниковском и Погодинском списках читаем: *«прежде бо иныии половцы наворотилися бяху на бегъ»*¹⁹.

Можно было бы говорить о том, что в Ипатьевском списке просто допущено опечатка, переписчик забыл записать суффикс «ся» и слово «бяху», невольно в корне изменив смысл фразы. Или же составители более поздних Хлебниковского и Погодинского списков слишком произвольно трактовали Ипатьевский вариант. Однако окончание «е» (*«наворотиле»*) в древнерусской грамматике в таких случаях не ставилось перед суффиксом «ся», значит, ипатьевский летописец так написал сознательно, сообщая, что побежали не половцы, а воины Даниила и отряд Владимира Рюриковича. Куда они скрылись, видно из продолжения летописного рассказа, боевые действия теперь развернулись *«в Торцькомъ»*²⁰, то есть в пределах городских укреплений. Торческ, если его верно отождествляют с известным городищем к востоку от Белой Церкви, между селами Ольшанница и Шарки, имел надежный укрепленный детинец, представлявший собой своеобразный русский квартал в берендеевском городе, а также мощные внешние укрепления²¹. Но все-таки укрепления не спасли, и по вине галицких дружинников Молибоговичей и Григория Васильевича в половецкий плен попали киевский князь Владимир Рюрикович, Мирослав и много иных бояр²². Что касается вышеуказанного разночтения Ипатьевского с Хлебниковским и Погодинским списками, то, вероятно, они не противоречат друг другу, освещая разные моменты боя. Раз Даниил *«гонишася»* за половцами, то, естественно, некоторые из них *«наворотилися»*, однако далее мы узнаем, что когда конь князя был ранен, тот сам *«наворотил на бег»* и *«прибегшу к Галичю»*²³, в то время, как все его воины оказываются внутри Торческа. А Даниил скрылся в степи, а не побежал за всеми в надежное укрытие. Видимо, правда есть и в известии Ипатьевского списка — всех прочих воинов *«наворотиле»*

раньше, чем Даниила²⁴, они побежали в Торческ, а тот оказался один перед половецкой ратью, а когда увидел, что конь его ранен, побежал прочь, чтобы не попасть в плен. Таким образом, половцы применили распространенный в мировой практике маневр, изобразив притворное отступление, заманив военачальника в ловушку, и при этом неожиданно развернулись, обратив в бегство прочих ратников.

Что касается Даниила, то он был смелым и решительным человеком. Известно его бесстрашное поведение в 1229-1230-х гг., когда он не испугался боярских заговоров, ловко воспользовался случаем и эффектно приструнил самых ярых мятежников, а затем, фактически не найдя поддержки среди своего окружения, все равно пошел на войну²⁵. Был князь смел и на поле брани. Известна его удаля во время битвы при Калке, когда он первым кинулся в бой и храбро бился с монголами, невзирая на полученные им серьезные раны²⁶. Но он был расчетлив и не участвовал в том, что считал заведомо проигрышным. Например, еще юношей, в 1215 г., уже став одним из сильнейших русских князей, он отказался от неравного боя за Галич²⁷. В начале 1230-х гг., во время венгерского нашествия, он не бросился в битву, а дождался в укромном месте волынского подкрепления, а потом, после отступничества галичан, целых два с половиной года методично копил силы для взятия Галича²⁸. Естественно, что теперь, оказавшись один на раненом коне среди сильной половецкой рати, Даниил не пошел в плен, а убежал. Если дружинники к этому отнеслись спокойно, то вечники не могли смириться с тем, что их князь сбежал, бросив всех в Торческе, да еще и опозорил их перед Киевом, ведь киевский князь бился до конца, пока не угодил в плен. Если бы Даниил бежал в Торческ вместе со всеми, то вечники бы его поняли.

Примечательно, что Даниил смог сбежать на раненом коне от отменной половецкой конницы. Однако стояла зима. Если бы половцы послали за ним несколько человек в погоню, то маленький отряд всадников рисковал попасть в сильную степную метель. На территории, враждебной Киевской волости, это было для половецких захватчиков вдвойне опасно. А посылать ради поимки одного князя большое войско было излишним, так как надо было мобилизовать силы для борьбы со всем галицко-киевским войском, скрывшимся в надежных торческих укреплениях. Поэтому Даниила, видимо, особо и не ловили, и современников это при названных обстоятельствах не удивляло.

Правда, если верить Ипатьевской летописи, торческий бой произошел не ранее мая - под одним Черниговом якобы «Даниль бо и вои его бе иструдилас воеваль... бо бе от Крещения до Вознесения»²⁹. Историки обычно принимают это на веру³⁰. Между тем, в историогра-

фии уже указывали на тенденциозность официозного галицко-волынського сводчика, стремившегося чрезмерно возвеличить галицкого князя в бою под Черниговом, приукрасить его заслуги и преуменьшить его фиаско. Достаточно сказать, что летописец вовсе обходит факт его поражения, все сводя к некому договору его с черниговским князем, и при этом торжественно сообщает о пленении Даниилом всех Черниговских земель³¹. Даже если допустить, что Даниилу удалось много награть на всей территории Черниговской волости (хотя, согласно иным, менее пристрастным источникам, все ограничивалось поджогом посада и грабежами «около» города)³², необходимо признать, что летописный рассказ получается передернутым: вместо сообщения о разгроме войск Даниила и его отступлении летопись рассказывает лишь о победах, полностью подменяя тем самым смысл случившегося.

К этому же разряду относятся и сознательно приукрашенные сроки военных мытарств: «Даниль бо и вои его бе иструдилас», провоевав аж 4 месяца подряд, пока не пленили всю Черниговщину. Вместе с тем, как убедительно показал А.В. Шабага, версия о затянувшейся черниговской эпопее выглядит достаточно нелогично. *(Да и вообще, если бы Даниил грабил «около» города квартал к ряду, Густынская, Новгородская и Тверская летописи, конечно, сообщили бы о столь затянувшемся осадном сидении. — М.Н.)* Из контекста источников скорее следует, что Даниил достаточно быстро потерпел поражение под Черниговом, соответственно и Торчешский бой состоялся вскоре после начала войны, в холодный сезон³³. Следует добавить, что мнение исследователя наглядно подтверждает свидетельство новгородской летописи. Даже вокняжение Михаила Черниговского в Галиче она помещает в пределах 6743 г., то есть до 1 марта. А достаточно быстрый приход Ярослава Всеволодовича с новгородской ратью в Киев, чтоб скорее свергнуть севшего там Изяслава, уже относит к новому 6744 г.³⁴ Значит, и Торчешский бой тем более должен был произойти зимой, до 1 марта. Конечно, новгородский летописец, возможно, чуть сместил сроки в иную сторону - при отсутствии развитых СМИ в пределах огромной страны этак на декаду-две ошибиться было не трудно, но никак не на месяцы! Даже если учесть время перехода русских войск к Торчешку и подхода туда половецкой рати, Торчешский бой произошел в самом конце февраля 1235 г., и все равно бегство Даниила в степь приходилось на самый снежный и холодный период в году (недаром в сохранившемся на Украине старом славянском календаре февраль назван «лютым»). Поэтому неудивительно, что Даниила толком не преследовали в снежной степи на чужой враждебной земле.

Когда Даниил добрался до Галича, там его встретил брат Василий с воынским полком, замещавший старшего брата на галицком княже-

нии. Но тут за дело принимается часть мятежных галицких бояр, которая пускает ложный слух о нападении половцев на Волынь, склонив к лжесвидетельству некоего Бориса из приграничного с Волынью галицкого пригорода. *«Данилу же прибегшу к Галичю, Василкови же бывшу в Галичи с полкомъ, и срете брата си. Борисъ же Межибожьскый светомъ Доброславльимъ и Збыславимъ посла к Данилови, рекый: «Изяславъ и половци идуць к Володимеру». Лестъ бо бе се»*³⁵. В итоге Василько с волынянами по ложной тревоге спешат на Волынь и покидают Галич. Воспользовавшись отсутствием волынского отряда, часть земских галицких бояр учиняет против князя «крамолу»: *«Даниль же посла ко брату си: «Стерези Володимера». Узревше же бояре галичъстии Василка отшедша с полономъ, воздвигоша крамолу»*³⁶. Даниилу дают понять, что ему лучше уйти из города, покуда он жив, мотивируя это тем, что и галичане в целом его не терпят. Последнее обстоятельство принудило Даниила уйти из Галича, фактически передав его Михаилу Черниговскому: *«Судиславу же Ильючю рекшу: «Княже, льстивъ глаголь имеют галичане, не погуби се, поиди прочь!» Данилови уведавшу крамолу ихъ, изииде Угры»*³⁷.

Недавно мы подробно разбирали данный сюжет³⁸. В этой связи хотелось бы выделить лишь несколько ключевых моментов:

1) крамола галицких бояр против князя носила узкий характер. Летописец четко отделяет их крамолу от общего недовольства галичан, разделяя эти социальные категории. Да и само слово «крамола» обозначало несанкционированное действие меньшинства³⁹. При том в ней участвовали даже не все галицкие земские бояре (как мы уже отмечали, когда они действуют все, летописец специально это подчеркивает, порой даже прямо противопоставляя понятия «вси бояре галичские» «боярам галичским») ⁴⁰;

2) в то же время князь ушел из Галича лишь тогда, когда узнал, что его не любят все «галичане». Вече как и прежде считалось сильным властным органом, способным влиять на судьбы княжения;

3) после того как Даниил бежал с поля боя, неудивительно, что недовольны им были все «галичане» в целом. Поэтому радикальные действия части галицкого боярства проходили на фоне общего недовольства галицких вечников⁴¹ Даниилом, и «крамольники» не боялись их возмущения. Именно потому князь ушел из Галича, пока цел (хотя, как показывают события четырехлетней давности, при случае он умел стойко переносить разные боярские заговоры и, не растерявшись, ловко дать отпор кучке недругов). Но теперь князь оказался в конфронтации со всем вечем и разумно решил удалиться, чтоб избежать бессмысленной гибели. Поэтому впоследствии Михаил Черниговский имел определенные основания сказать Даниилу и

Василию Романовичам: *«Многократно согрешихо вам и многократно пакости творях ти. Что ти обещахъ и того не створих. Аще коли хотяхъ любовь имети с тобою, невернии галичане не вдадяхут ми. Ныне же клятвою клену ти ся, яко николи же вражды с тобою не имамъ имети»*⁴². В этой заведомо льстивой речи подразумевается та общая ненависть галичан к Даниилу, из-за которой Михаилу достался Галич. Не отдельных мятежных представителей боярского слоя, а именно неверных галичан вообще. В прочих случаях они никак не могли участвовать в соперничестве Михаила с Даниилом. Михаил же в ту пору всерьез хотел заключить союз с последним, поэтому мог заискивать, тем более что обычаи того времени предполагали торжественные заверения князей в большой братской любви друг к другу. Но при этом Михаил не мог скатываться до заведомых глупостей и ссылаться на галичан совершенно без оснований.

Уйдя из Галича, Даниил по сути дела прямо уступил его своему сопернику Михаилу Всеволодовичу Черниговскому. Неслучайно галицко-волынский сводчик даже не упоминает о вокняжении Михаила⁴³. Видимо, неспроста галицкая крамола имела такой узкий характер. Прочие вечники, включая часть бояр, были так злы на Даниила, что не мешали ей, однако не спешили и помогать. Ведь последующее закономерное вокняжение Михаила сулило попадание Галичины в зависимость от Чернигова. Михаилу нужны были галицкие земли лишь для расширения черниговского влияния на юге Руси. Год спустя он уйдет из Галича, посадив в него сына Ростислава, который осуществлял в городе черниговское наместничество, не выходя из-под воли отца⁴⁴.

Неудивительно, что, когда весной 6743 (1238)⁴⁵ г. Даниил в отсутствие Ростислава подъехал к Галичу, жители города сразу перешли на его сторону: *«Богу же поспевшу, приде вестъ Данилу, во Хольме будущю ему, яко Ростиславъ сошель есть на литву со всеми бояры и снужники. Сему же прилучившуся, изииде Даниль со вои со Хольма и бывшую ему третий день у Галичи. Любяхуть же и гражане. Подъехавшу же ему подъ городъ и рече имъ: «О мужи градъстии, доколе хочете терпети иноплемьныхъ князий державу?» Они же воскликнувшѣ реша, яко: «Се есть держатель нашъ Богомъ даный!». И пустишася, яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажющи воды ко источнику. Пискупу же Артемью и дворьскому Григорью възбраняющю ему, узевшима же има, яко не можета удеръжати града, яко малодушна блюдящася о преданьи града, изиидоста слезнами очима и ослабленомъ лицемъ, и лижюща уста своя, яко не имеюща власти княженья своего, реста же с нужею: «Прииди, княже Данило, прими градъ!» Данило же вниде во градъ свой и прииде ко пречисте святей Богородици, и прия столь отца своего, и обличи победу, и постави на Немечьскихъ вратехъ хоругвь свою»*.⁴⁶

Как видно из данного летописного сообщения, Ростислав ушел в поход на Литву со всеми княжескими боярами и конницей. Из видных княжых людей в Галиче остался лишь дворский Григорий, чтобы вести княжеское хозяйство. Правда, летопись сообщает, что князь Ростислав Михайлович ушел со всеми боярами и «сноузники» (конники), но здесь явно подразумевались именно дружинные, княжьи бояре, хотя в историографии оставшихся в городе людей градских нередко отождествляют с небоярскими торгово-ремесленными слоями⁴⁷. Для летописца, бывшего сыном своего времени, и так было ясно, что здесь речь может идти лишь о дружинниках, поскольку вся совокупность земских бояр никогда не составляла отдельной рати, в то время как князья могли уйти с дружиной, не взяв земского ополчения. Пример тому - князь Святослав Игоревич, в отсутствие которого киевляне оказались вынуждены противостоять печенегам⁴⁸, в то время как он с дружиной был на войне. Более того, летопись ясно указывает, что среди оставшихся в городе галицких вечников были бояре. Уже на другой день после вокняжения Даниила эти бояре попросят у него прощения⁴⁹. Да и сам факт, что в летописи галицкие вечники названы «гражданами», «людьми градскими», а не меньшими и простыми людьми, говорит о том, что речь идет о всех вечевых категориях в целом, а не какой-либо их страты. Поэтому из бояр ушли лишь все старшие дружинники и конники, которые, следовательно, составляли специальную конную рать младшей дружины. Опустевший княжий двор остался беречь дворский Григорий.

Любопытно также, что конники противопоставляются княжьим боярам, то есть служат отдельным видом войск младшей дружины. К этому времени по мере распада дружинных связей и усиления социальной дифференциации между княжьим боярством и зависимой от князя младшей дружиной также усложняется структура последней, появляются и активно действуют в бою новые военные подразделения вроде конников и оружников⁵⁰. Это впоследствии приведет ко все большему усилению военной роли княжьего двора и ослаблению военной и политической роли городских ополченцев - вечников. Историки, признающие в домонгольской Руси наличие повсеместного сильного вечевого уклада, не пытаются увидеть в пределах этого времени конкретных предпосылок к его дальнейшему затуханию. На это справедливо обратил внимание А. В. Журавель. По его мнению, до Батыева нашествия он был довольно силен, однако со второй половины XII в. общество стало более инертным, переключившаяся многое на князей, часть из которых цинично сдала страну монгольским захватчикам на глазах апатичного социума. В качестве примера ученый приводит историю Киевской земли, где вече со

второй половины XII в. реально перестает влиять на судьбы княжества⁵¹. Однако это было сугубо региональной спецификой. Как уже отмечалось в историографии, Киев, и без того разоренный Андреем Боголюбским, к тому времени, в ходе удельной раздробленности, в глазах современников окончательно утратил подлинное значение Матери городов русских, но сохранил статус престижного княжеского стола, которого то и дело добивались разные русские князья, не больно при этом считаясь с мнением самих «людей киевских». Киевлянам фактически ничего уже не оставалось, как покорно принимать очередного пришельца⁵². При этом, как мы уже отмечали, князья и раньше традиционно осуществляли текущее управление землей, а вече и в XIII в. было способно распорядиться княжеским столом⁵³, притом вечники по-прежнему играли неотъемлемую роль в военных действиях. Достаточно вспомнить, что недавнее отступление галичан в Голых Горах автоматически привело Даниила к поражению и воцарению в Галичине венгерских оккупантов⁵⁴. Так что в домонгольское время непосредственных примет затухания вечевого уклада не видно, однако уже в то время повышающаяся боевая роль новых специализированных полков княжеской младшей дружины порождала безусловные предпосылки к дальнейшему созданию служилого войска и постепенному ослаблению роли вечников в войне, да и вообще в политике. В условиях традиционного общества корни новых явлений росли постепенно, долгое время не ломая старых основ. Резкая ломка начиналась, когда уже новое качественно преобладало над старым. А пока вечники еще играли неотъемлемую роль в войнах, и их не брали туда лишь в редких случаях. Поэтому немудрено, что, как только Даниил услышал о том, что Ростислав отбыл с дружиной, оставив дома галицких вечников, он тотчас спешно поскакал из своего нового волынского города Холма и уже через три дня оказался за 250 км, под стенами Галича, где был восторженно принят галичанами.

Это известие ученые обычно рассматривают как яркую хрестоматийную иллюстрацию массовой популярности среди галичан Даниила Романовича. Масса горожан всегда рада своему князю, противопоставят ему лишь отдельные корыстные олигархи вроде дворского и епископа, да и то под давлением людей градских. Те с горечью вынуждены были открыть князю ворота в город и встретить его со лъстивым приветствием⁵⁵.

Однако недавно против господствующей концепции выступил А.В. Майоров. По его мнению, никакой массовой радости при встрече с князем галичане не испытали, все это инсинуации официального летописца. Иначе бы епископ с дворским не смогли вдвоем органи-

зовать сопротивление. При этом ученый выявляет косвенное сведение о том, что защитники Галича сдали его князю вовсе не сразу, а протомившись в голодной осаде⁵⁶.

Ныне мнение А.В. Майорова с традиционных позиций оспорил П.В. Лукин. По его мнению, оснований говорить об осаде нет. А выражение «ослабленные» он переводит как опечаленные, поскольку дворский и епископ вынуждены были с горечью подчиниться вечевому решению⁵⁷. Конечно, прямых упоминаний об осаде нет. Но, как показал А.В. Майоров, в источниках нет ни единого употребления слово «ослабленный» в каком-то ином значении. И в данном контексте тоже нет оснований изобретать ему новый смысл⁵⁸. А кроме того, епископ и дворский вышли, облизывая уста⁵⁹, что, по верному замечанию исследователя, иначе как сильной жаждой не объяснить⁶⁰. Ослабленные лица и облизывание рта характерны для людей, измученных жаждой в осаде.

Другое дело, что мнение А.В. Майорова, что за епископом и дворским пошли большинство галичан, в источнике не находит опоры. Ученый обращался к событиям 1229 и 1233/1234 гг⁶¹. Но тогда Даниила как раз поддержало большинство вечников: в первом случае - все, за исключением Семьюнки, а во втором - большая половина града⁶². В этот раз у галицких вечников были на то не меньшие основания, ведь недавно Михаил лишил Галич столичного статуса, превратив его в черниговскую провинцию, управляемую наместником. А Даниил, хоть и был проводником волынского влияния и опирался на волынских дружинников, все же статус города пока еще до такой степени не снижал. Поэтому на этот раз у него среди градских вечников вовсе не нашлось ни одного принципиального противника. А у дворского с епископом не было никаких союзников среди вечников. Неслучайно, призывая тех принять его, Даниил не заискивал перед ними, не давал никаких заманчивых посулов, а просто спросил, сколько они еще хотят терпеть власть иноземных князей (*«О мужи градъстии! Доколе хочете терпети иноплемьныхъ князии державу?»*)⁶³. Трудно в этой связи согласиться с М.С. Грушевским, писавшим, что этот князь «вообще не имел никаких демагогических симпатий и способностей, не умел наладить близких отношений с общиной, увлечь ее»⁶⁴. Данный случай демонстрирует нам обратное. Общаться с галичанами он умел. И имел среди них прочную репутацию.

Так что епископ с дворским держали оборону без какой-либо помощи галицких вечников. Хотя, конечно, они могли использовать силовую поддержку людей, входивших в их подчинение, вроде слуг. В той же Галицко-Волынской летописи прямо упоминается отряд богато вооруженных слуг и у епископа Перемышля⁶⁵. Едва ли епи-

скоп стольного Галича был в этом отношении беднее природного архиерея. Запереться они могли не во всем Галиче, а в нагорном детинце (который тоже на Руси нередко носил название «города»), где располагался княжий «двор» и епископия. И в этом нет ничего фантастического. Галицкая летопись сохранила историю, как, ожидая прихода Мстислава Удалого, галичане подняли восстание против очередного венгерского владычества, и сравнительно небольшая кучка венгерских интервентов отчаянно отстреливалась от напавших галичан на сводах собора до прихода Мстислава, а потом сдалась князю, обессилев от жажды⁶⁶. Зная расчетливость Даниила, можно вполне резонно предполагать, что князь особенно не спешил выбивать их оттуда, чтобы дожидаться, когда они, отчаявшись ждать прихода Ростислава, *«яко не имеюща власти княженья своего»*, сами сдадутся ему, послужив наглядным назиданием всем его галицким недоброжелателям. К этому склоняет семантика летописного сообщения, подчеркивающая жалкие попытки противиться Даниилу Романовичу и не передавать ему галицкого княжения: *«пископоу же Артемью и дворьскомуу Григорью возбраняющоу ему [Даниилу] узревшима же има, яко не можета оудержати града, яко малодушна блюдящая о преданьи града, изиидоста слезныма очима и ослабленомь лицемь, и лижуща оуста своя, яко не имеюща власти княженья своего, реста же с ноужою: «Прииди, княже Данило, приими градъ!»*⁶⁷. Ни про какой другой эпизод борьбы Даниила за галицкое княжение летопись так не пишет, поскольку раньше речь все-таки шла о серьезных противниках, а не двух жалких упрямец, томивших себя жаждой в осаде в тщетном ожидании подхода Ростислава. Если дружинник дворский мог, как до этого многие галицкие дружинники, отчаянно бороться с Даниилом, чтобы занять лучшее место в окружении нового правителя, не деля власть с волынскими выходцами, то подобные интересы мог преследовать и епископ. Вообще, упоминая периоды галицкого правления Даниила, официальный галицко-волынский летописец не упоминал каких-либо местных архиереев. Подчиняя Галич волынскому влиянию, Даниил и его волынские дружинники меньше всего искали опору в местной епархии, куда больше заботясь о престиже волынской церкви. Совсем иную политику проводили черниговские князья, за добривавшие местных архиереев богатыми подарками. Примечательна история поддержавшего Ростислава перемышльского епископа. Захвативший его дружинник Даниила Галицкого поиздевался над ним, содрал с его слуг вооружение и богатое облачение из дорогих мехов, явно пародируя библейскую притчу о наказанном тщеславии: *«буесть дому твоего сокрушиться, бобр и волк и язвецъ (барсук. - М.Н.) снedayться. Си же притчею речена быша»*⁶⁸. Если Ро-

стислав столь щедро подкупал пригородного епископа, то и епископа Галицкого Артемия он тем более богато задаривал, и тот имел все основания мнить себя видным союзником нового князя. Естественно, возвращения Даниила, при котором он потеряет свое влияние, он не желал. Но теперь, когда Ростислав все не возвращался, дворскому и епископу пришлось сдать город. С ослабленными лицами, облизывая пересохшие рты, вышли они торжественно встречать князя. Войдя в городской детинец, Даниил торжественно утвердился на галицкое княжение в тамошнем кафедральном Успенском соборе, служившем, наряду с окрестной древней Галицкой могилой, традиционным местом княжеской интронизации⁶⁹.

На другой день после вокняжения Даниила в городе стало известно, что в Галичину вторгся Ростислав. Но, узнав, что город уже взят Даниилом, он изменил намерения и резко развернул прочь войска: *«Наутрея же приде к нему вестъ, яко Ростиславъ пошелъ бе к Галичю, слышавъ же прятые градъское, бежа во Угры путем, имже идяше на Борьсуков Дель, и прииде к Бани, рекомей Родна, и оттуда иде Угры»*⁷⁰. Это испугало часть галицких бояр (видимо, тех, кто радикальнее действовал против князя, тех самых крамольных бояр, два года назад особо яро стремившихся его выгнать). Поскольку из летописи известно, что все княжеские бояре ушли в Литву с Ростиславом, то тут речь идет только о земской знати. Поняв, что теперь у Даниила не осталось соперников среди прочих князей, они кинулись скорее просить у него прощения: *«Бояре же пришедше падше на ногу его просяще милости, яко: «Согрешихом ти, иного князя держахомъ». Онъ же отвещавъ рче имъ: «Милость получисте, пакы же сего не створисте, да не во горьшая впадете», но затем, узнав об их уходе, «посла на не вое свое, и гнаша по нихъ до Горы и возвратишася»*⁷¹. Видимо, в данном контексте «милостью» было то, что он, изгнав их из края, все-таки оставил им жизнь. А «горьшая» участь, которую он им сулил за повторное отступничество, была смерть. Интересно, однако, что бояре назвали свой поступок грехом: *«Согрешихом ти, иного князя держахомъ»*⁷². Это при том, что в домонгольской Руси князей вечники часто призывали и изгоняли, но нелояльность к кому-то из них со стороны земской знати никогда не называлась грехом. Однако тема греховности в данном случае вполне перекликается с приветствием Даниила галицкими вечниками: *«Се есть держатель нашъ Богомъ даный!»*⁷³ Коль скоро князь признается всеми вечниками Богом данным правителем, то и изменять ему - грех. Тем самым Даниил признавался летописцем непрерываемым галицким властелином, поставленным Богом. Так он снова сел на галицкое княжение с согласия галицких вечников, а на другой день после бегства своего врага Ростислава, почувствовав себя

сильнейшим южнорусским князем, весьма эффектно наказал самых неверных земских бояр внезапным изгнанием из округи.

Однако Даниилу пришлось еще не раз побороться за свое галицкое княжение. Все началось с того, что через два года, во второй половине 1240 г., перед подходом монголов к Киеву, Даниил Галицкий отбыл вместе с сыном Львом в Венгрию к новому венгерскому королю Беле IV. Там он преследовал две цели - выгодно женить сына на дочери короля и заручиться союзом с ним⁷⁴. Правда, поскольку в его отсутствие монголы разорили Киев, а затем и Юго-Западную Русь с Галичем, некоторые исследователи обвиняют его в преднамеренном трусливом бегстве. Слишком уж благополучно князь, по их мнению, успел уйти за границу и пересидеть там многонедельную осаду Киева и погром городов Воьлини и Галичины⁷⁵. Но, во-первых, сам конный путь из Галича в столицу Венгрии занимал определенно не меньше декады, а во-вторых, в Венгрии Даниил еще занимался дипломатией. Ведь венгры издавна воевали с Галичиной, пытаясь взять ее под контроль, а родство с венгерской династией могло бы укрепить мирные отношения. Во время страшного монгольского нашествия Даниилу нужны были не очередные враги, а потенциальные сильные союзники. Не добившись успеха, Даниил поехал на Русь, но, переночевав в галицком приграничном Синеводском монастыре, с утра увидел в окрестностях много монгольских воинов и вовремя отступил, так как не имел с собой достаточного числа воинов⁷⁶. Это, кстати, ставит под сомнение версию о том, что Даниил намеренно побегал в Венгрию прятаться от врагов. Такой расчетливый князь, как он, безусловно, смог бы заранее узнать о присутствии сильной рати в Галичине в прямой видимости от венгерской границы, да еще в районе значимого монастыря. Значит, бегство от монгольских отрядов никак не входило в основные планы его поездки. Что-то о произошедшем в его отсутствие монгольском погроме он, очевидно, знал. Но пересидеть его не входило в приоритеты князя. А значит, в Венгрию он поехал именно заключать мир и сватать сына. Другое дело, что галицкие вечники могли негодовать на князя, который их невольнo бросил на разграбление монгольским ратям. Повествуя о разорении Галича, летописец ставит его в один ряд с разорением Владимира Воьлинского: *«Приде к Володимеру, и взя и копьемь, и изби и не щадя. Тако же и град Галичь, инии грады многы, имже несть числа»*⁷⁷. Это порой переводится следующим образом: *«И пришел к Владимиру, и взял его приступом, и перебил всех, не щадя. И так же Галич и многие другие города, которым и числа нет»*⁷⁸, - хотя в действительности речь идет лишь о нещадном избиении некой части горожан, не обязательно всех. Дальнейшие события показывают, что в том же

Галиче и полгода спустя после погрома сохранялись и «галичане», и земские «галицкие бояре», и видные галицкие дружинники. Так что Владимир с Галичем вовсе не разделили участь, скажем, Козельска или Старой Рязани. Тем не менее, Галичу пришлось худо, и галичане вполне могли, как в 1230-1231 гг., начать негодовать на Даниила, бросившего Галичину во время вражеского наступления. Как показывает та история, к таким делам они относились очень ревностно и не принимали в расчет, что князь выехал по необходимым делам (в том случае — подождать волынской подмоги)⁷⁹. В этой связи Даниил тем более мог ждать подобной реакции. Возможно, потому, отступив назад, в горы, Даниил оставил сына в Венгрии, боясь везти его галичанам: *«И оставив сына своего Угрехъ и выдать и ву руце галичаномъ, ведаа неверствие ихъ, про то его не поя с собою»*⁸⁰.

Позднее со своим относительно небольшим отрядом Даниил поехал в Польшу искать свою семью — жену и брата, а затем увез их к Кондрату Мазовецкому, где намеренно оставался до тех пор, пока весной 1241 г. монголы не ушли на запад из южнорусских земель. Заметим, что, прямо поставив себе цель переждать за границей отход монголов, он, конечно, смог его отследить и уже не оказался в такой непредвиденной ситуации, как на галицко-венгерском рубеже у Синеводской обители.

Вскоре к Даниилу вернулся и его сын Лев, приехавший в приграничный с Волынью галицкий город Водаву с *«земские бояры галицские»*⁸¹. Так представители галицкой вечевой знати оказали Даниилу почтение, встретив и торжественно доставив к нему его сына. Обычно этим занимались княжьи люди. Но тогда была особая ситуация — земской галицкой знати явно хотелось демонстративно заверить князя в своей преданности. Ей было что от него таить. В отсутствие Даниила в Галичине произошли досадные для него перемены. По-прежнему признавая на словах его власть, местная элита стала сама распоряжаться землей. Как сразу же продолжает летописец, после рассказа о прибытии Льва с галицкими боярами в Водову, *«бояре же галичестии Данила князем себе называху, а сами всю землю держаху»*⁸².

Однако реальную власть в Галичине захватили видные княжеские бояре — Доброслав Судыч и Григорий Васильевич, которые вдобавок, собирая дань по области, фактически прибирали к рукам обширные богатые области Галичины. При этом они грубо обирали местное население, чиня по волости натуральный грабеж: *«Доброслав же вокняжилъся бе и Судычъ, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, и въшед во Бакоту, все Понизье прия, безъ княжа повеления. Григоръ же Васильевичъ собе горную страну Перемышльскую мышляше одержати. И бысть мятежъ великъ в земле и грабежъ от ни»*⁸³.

Правда, историки в данном случае обычно не делят бояр на земских и княжеских, воспринимая фразу о боярах *«галичтих»* лишь как предисловие к повествованию о грехах конкретных их представителей. Дескать, «летописец говорит, что галицкие бояре князя "Даниила князем себе называху, а сами всю землю держаху". Он перечисляет этих бояр, державших землю»⁸⁴. Но, как мы уже указывали, в Галицко-Волынском своде подобное выражение четко обозначает именно вечевую элиту⁸⁵. В данном случае не стоит делать исключений. Летописец сперва отмечает неповиновение земской элиты, а уже потом переходит к описанию самоуправства виднейших дружинников.

Говоря о разорявших землю княжых боярах, летописец злобно подчеркивает худородное происхождение некоторых из них (в ту пору, по мере усиления социального расслоения общества, в верхушку дружины уже в основном принимали выходцев из знати). Летописец тем самым дает понять, что люди, обязанные своим восхождением княжеской власти, начали сами всем беззаконно распоряжаться, *«вокняжаться»* при живом властителе. По отношению к галицким вечникам они вели себя достаточно бесцеремонно. Как явствует из дальнейшего повествования, Доброслав держал их у «стремени», что символизировало в средние века вассальную зависимость. Почему они терпели этого заправилу? Несмотря на все перипетии первой трети XIII ст., когда город то и дело оказывался в руках захватчиков, галицкое вече вовсе не ослабло, как вече в Киеве, что со второй половины XII в. фактически перестало участвовать в судьбах собственного княжения. Наоборот, вече в Галиче по-прежнему считалось значимой силой, способной смещать должностных лиц. Однако необходимо учитывать, что город явно не оправился от бывшего всего год назад монгольского разорения. А в отличие от вольного тогда Новгорода, в Галиче XIII в. при любых князьях и в периоды бескняжия сохранялся постоянный состав местной дружины. Поскольку дружинники на Руси, и в Галиче в частности, участвовали наряду с князем в текущем управлении и распоряжении «черными землями», неудивительно, что не оправившиеся от Батыева погрома галичане доверились решительному видному дружиннику, который реально активно стремился вывести край из-под волынского влияния, пусть даже для того, чтоб заправлять им самому и разорять своими поборами - «грабежами», вызывая по области *«мятежь великъ»*. При этом, правда, галицким земским боярством власть Даниила на словах признавалась: *«Бояре же галичстии Данила князем себе называху»*⁸⁶. Да и сам Доброслав Судьич в борьбе за власть с Григорием Васильевичем будет апеллировать к княжескому суду. Другое дело, что реально с князем на местах никто не считался.

От Даниила не укрылось истинное положение дел в крае, он *«уведавъ, послал к Доброславу Судьичу своего стольника Якова. Яков передал Судьичу такие слова Даниила: «Князь ваш азъ есмь. Повеления моего не творите, землю грабите. Черниговских боярь не велех ти, Доброславе, приимати, нъ дати волости галичкимъ. А Коломыйскую соль отлучите на мя»*⁸⁷. Не ясно, кто назван черниговскими боярами. Едва ли они были бывшими черниговскими дружинниками, переходящими на службу в Галич. В Древней Руси дружина набиралась из самых разных мест и стран при условии верности князю. Было бы странно, чтобы при этом кому-то не давали волости только из-за иногороднего происхождения, тем более «боярам» - старшим дружинникам. В старшую дружину приняли, но волости не доверили?! Очевидно, речь идет не о реальных черниговцах, а о тех земских галицких боярах, которых несколько лет назад Даниил изгнал из земли. А Доброслав их вновь пригрел, показав галичанам, что он добр к Данииловым недругам. Вот Даниил и передал, чтоб он не давал им ничего, а давал волости боярам *«галицскимъ»*, то есть прочим вечевым боярам, которые не были изгнаны за неверность князю.

Кроме того, он просил передать, чтоб Доброслав Судьич не трогал Коломыи и отписал ее на князя. Доброслав согласился, но тут явились другие видные галицкие дружинники (Ивор Молибогович), которые стали кланяться. Как выяснил княжеский стольник Яков, Доброслав им уже передал Коломыю. Когда Яков укоризненно заметил, что доход с соли князь использовал для жалования оружникам, Доброслав цинично усмехнулся: дескать, могу сказать. Данное известие интересно еще и тем, что важным доходом древнерусской знати были разного рода земельные кормления. Более того, именно кормление в ту пору было основой ее материального благосостояния, а вовсе не феодальные вотчины⁸⁸. К слову сказать, данных о вотчинах в Юго-Западной Руси в домонгольский период нет. А актовый материал XIII в. позволяет предположить, что даже к концу XIII ст. они были невелики даже у князя⁸⁹. Это вполне соответствует ситуации в других регионах Руси, например богатому новгородскому материалу, согласно которому крупное частное землевладение возобладало в Новгородской земле не ранее второй половины XIV в.⁹⁰ Потому-то многие галицкие дружинники первой половины XIII в. так стремились заполучить обширные и лучшие земли в Галичине в кормление, делая их, как Судислав, основой военной мощи или, как Доброслав Судьич, Григорий Васильевич, Ивор Молибогович и Лазарь Доможирович, фактически прибирая к рукам и разоряя поборами. Поэтому считать экономической основой древнерусского классового общества крупное землевладение (и, соответственно, удревять его или, наоборот, архаизировать обще-

ственный строй, как школа И.Я. Фроянова)⁹¹ едва ли правильно. Ведь даже в «классической» модели западноевропейского феодализма, на которую ориентируются данные авторы, исторический процесс шел не столь прямолинейно. Общественный строй франков при Карле Великом и первых Каролингах, включая вовсе распустившего «таги» Людовика Благочестивого, был уже далек от общинного, но частное землевладение тогда еще не стало основой хозяйства господствующего класса. Таковым оно будет только ко временам крестовых походов, которые в значительной степени решали проблему канализации возникшего обилия воинственных безземельных младших членов знатных семей. Поэтому и древнерусская знать, включая галицкого боярина Доброслава Судыча, в домонгольский период в основном жила кормлениями, вовсе не будучи при этом доклассовой по своей социальной сути. Когда стольник Яков вернулся к Даниилу и передал ему разговор с Доброславом, князь очень скорбел, что Галичина вынуждена терпеть разорение. Но предпринять он ничего не мог. Видимо, этот Доброслав Судыч имел слишком прочное положение в городском обществе. Это показывает и развитие дальнейших событий, когда Даниил смог неожиданно для себя легко его арестовать, уличив пред всеми в неверности. Повод дал он сам, донеся Даниилу на другого видного галицкого дружинника Григория Васильевича, с которым не хотел делить власти: *«И малу же времени минувшу присла Доброславъ на Григоря, река, яко: "Неверень ти есть". Противляшеся ему, а самъ хотяше всю землю одержати»*⁹².

Как мы видим, власть Даниила Доброслав формально признавал и, чтоб известить своего соперника в борьбе за власть, прибегнул к доносу, обвиняя его в «неверности» князю. Для летописца нет ничего особенного в том, что истец с ответчиком лично прибыли на суд князя (который был в Волыни). Хотя Доброслав снова держался нагло, приехав с надменно поднятой головой, в затрапезном виде, важно ведя у стремени галицких вечников: *«свадивьшеся сами и приехаша с великою гордынею. Едучю Доброславу во одной сорочьце, гордящу, ни на землю смотрящю, галичаном же текущимъ у стремени его»*⁹³. Даниил и бывший с ним его брат очень разозлились на зарвавшегося спесивца. А когда Доброслав и Григорий стали обличать друг друга в неверности князю, не гнушаясь явной ложью и наглядно выказывая личное корыстное стремление к самовластию, Даниил, посоветовавшись с братом, арестовал обоих. Как сообщает летопись, *«Данилови же видящу и Василкови гордость его, болшую вражду на нь воздвигнуста. Доброславу же и Григорю обоимъ ловающимъ на ся. Слышав же Даниль речи ихъ, яко полны суть льсти, и не хотять по воли его ходити, и власть его иному предати, сомыслив же се братомъ, понужу же, видя*

*безаконие ихъ, и повеле его изоимати»*⁹⁴. Теперь он мог это сделать. Ведь оба дружинника сами пришли к нему на суд, прося судить друг друга за неверность ему, и он был вправе арестовать обоих, так как они сами наглядно показали себя неверными, лживыми честолюбцами. Важно и то, что вся сцена произошла на глазах прибывших с Доброславом галицких вечников.

Любопытно и замечание летописца, что Доброслав с Григорием хотели передать власть Даниила кому-то *«иному»*. Но не исключено, что это была просто гипотеза князя или самого книжника. Все же никто еще не сталкивался с ситуацией, когда Галицкая область обширного Даниилова княжения, на словах признавая княжеское владычество, на деле живет автономной жизнью. Не иначе как хочет, мол, предаться другому князю. Хотя на самом деле галицких заправил могла тешить такая двойная жизнь. Ведь так у них в Галичине было гораздо больше свободы, чем если бы в их городе лично сидел и правил какой-нибудь князь со своим пришлым окружением. Но после того как Даниил пленил Доброслава с Григорием, вся автономия Галичины сразу рухнула. В Галиче больше не было своих лидеров, способных взять власть на местах и ее удерживать. Вдобавок Даниил взялся за Галичину всерьез и послал туда своего надежного человека, Кирилла-печатника, проверить все злоупотребления плененных галицких управителей и навести после них порядок в управлении волостью. С ним шла сильная рать, способная противостоять даже вражескому нашествию. Когда вскоре в Галичину вновь вторгся князь Ростислав, Кирилл-печатник не пропустил его. Галичина стала волынкой провинцией. Неформальным заправилам, вроде Доброслава, отныне не оставалось места.

Галичанам, чтобы получить независимость от Даниила, теперь оставалось только посадить у себя нового князя. Этим воспользовался Ростислав, который после ухода Кирилла-печатника, примерно в начале 1242 г., вновь вторгся в Галицкую область. С ним был некий *«изменник Володислав»*⁹⁵, видимо, галичанин. Кто это был, сказать сложно, хотя определенно не Владислав Кормильчич, который, согласно летописи, давно умер⁹⁶. Но для современников, безусловно, он был личностью знаковой и среди галичан популярной. Видимо, это был представитель все тех же изгнанных Даниилом в свое время мятежных земских бояр. Правда, их вновь против воли князя привадил Доброслав Судыч, но Кирилл-печатник их, надо думать, снова всего лишил. Вот теперь один из них вернулся с Ростиславом и стал помогать ему принять Галич. Сперва он уговорил сдать жителей галицкого пригорода Доморжировой Печоры, а подъехав к Галичу, просто сказал: *«Твой есть Галичь»*. А сама *прия тысячу от него»*⁹⁷. Как

мы видим, галичане сдались Ростиславу автоматически, летопись даже прямо об этом не упоминает. Видимо, галицкие вечники и дружинники хотели сдать город любому князю, лишь бы избавиться от волынской власти. Но Даниил вскоре выгнал Ростислава из Галича. С ним сбежали его самые ярые городские приспешники - епископ Артемий «и иные галичане»⁹⁸ неясного статуса (поскольку в числе «галичан» назван епископ, здесь это слово означает не только вечников, но и жителей города вообще). Далее Даниил пленил волостных сторонников Ростислава. Среди них был упомянутый нами выше перемышльский епископ, а также его певец Митуса⁹⁹. Но сам Ростислав ушел. Даниилу стало не до него. В сторону Руси из Европы шли монголы, ехавшие в начале 1242 г. утверждать нового хана.

Кроме того, Густынская летопись добавляет, что в те годы Даниил учинил в отношении галицких бояр суровые репрессии: «*Многихъ бояръ галицкихъ неприязненныхъ Данилу, тамо побиха, а иныхъ живыхъ яша, но единаче и тыхъ всехъ повеле Данил побити. Яша же ту и великаго боярина галицкого, и непрестанного колотника...*»¹⁰⁰. Исходя из описываемых в данной статье событий, историки обычно привязывают это известие о боярах к битве под Ярославом 1245 г.¹⁰¹ Недавно и мы, честно говоря, также привязали его к времени той битвы¹⁰². На самом деле тут упомянуты ее основные силы – Ростислав и его иноземные союзники, а также яркий персонаж – венгерский воевода Филя¹⁰³. Вместе с тем, однако, имеются и некоторые незамеченные до этого никем важные моменты: согласно летописи, Ростислав изначально «сидя в Галичу», откуда и призвал себе союзников для того, чтоб отбить притязания Даниила. И галицких земских бояр, которые воевали среди прочих галичан на стороне Ростислава, Даниил захватил в бою, после чего продолжал сражаться, в частности, пленил венгерского воеводу Филю¹⁰⁴. Все это (кроме захвата Фили) как раз не соответствует событиям Ярославской битвы, ведь Ростислав в ту пору не был в Галиче - наоборот, он сам вторгся в Юго-Западную Русь с западными союзниками. И галичане на стороне Ростислава тогда не воевали¹⁰⁵. Видимо, в сообщении Густынской летописи смешаны два события - Ярославская битва и более раннее военное столкновение, связанное вышеописанным кратким периодом княжения Ростислава. Тогда, еще в 1242 г., Даниил и пленил галицких бояр, выступавших против него с Ростиславом.

После этого галицкие вечники больше в источниках не упомянуты, несмотря на то, что после смерти Даниила Галич опять становился центром самостоятельного княжения. Видимо, галицкое вече ослабло еще при жизни этого князя, отвыкнув от реального участия в государственном управлении. Надо иметь в виду, что со времен своего

возвращения на Русь после нашествия Батыя и до смерти Даниил преимущественно управлял Галичем из Волыни, фактически превратив Галичину в провинцию. Это не могло не сломить государственной мощи галицкого веча и лишить его привычки деятельно участвовать в политике.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2011. № 2 (24); *Он же.* Галицкое вече в 1229-1234 гг.// Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2011. № 3 (25).

2. ПСРЛ. Т. II. М., 2000. Стб. 772.

3. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.

4. *Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41 С. 26, 44.; *Шаблага А.В.* Опыт моделирования социальных процессов: причины военных конфликтов в Галицко-Волынской Руси. М., 2003. С. 172.

5. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 567.

6. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773-774.

7. *Татищев В.Н.* История Российская. М., 2003. Т. III. С. 230.

8. Новгородская летопись, старшего и младшего изводов (*далее - НИЛ*). ПСРЛ Т. III. М., 2000. С. 74, 284-285; ПСРЛ. Т. 40. М., 2000. С. 120.

9. ПСРЛ. Т. II. Спб., 1843. С. 338.

10. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 567.

11. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773-774.

12. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 230.

13. НИЛ. С. 74, 284-285.

14. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг.

15. ПСРЛ. Т. II. Стб. 780.

16. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

17. См., напр.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1992. С. 15.; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 120.; Галицко-Волынская летопись (Подг. текста, перевод и комм. О. П. Лихачевой) // Памятники древнерусской литературы XIII века. М., 1981. С. 391.

18. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 567.

19. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773. Примеч. 31.

20. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

21. *Рыбаков Б. А.* Торческ - город черных клобуков // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 243-245.

22. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.

23. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773-774.
24. ПСРЛ. Т. II. Стб. 773.
25. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 52-62.
26. ПСРЛ. Т. II. Стб. 743.
27. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. С.16.
28. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 520; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг.
29. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
30. См., напр.: Галицко-Волынская летопись. (Перевод О. П. Лихачевой). Примеч. №226. С. 515.
31. *Пашуто В.Т.* Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 216-217; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 564-566.
32. ПСРЛ. Т. II. Спб., 1843. С. 338; НЛ. С. 74, 284-285; ПСРЛ. Т. 40; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 564-566.
33. *Шабага А.В.* Опыт моделирования... С. 175.
34. НЛ. С. 74, 285.
35. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
36. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
37. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774;
38. Подробнее об этом см.: *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 55-56.
39. ПСРЛ. Т. II. Стб. 729,755, 765.; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг.; *Он же.* Галицкое вече в 1229-1234 гг.
40. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 54-57.
41. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 568.
42. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.
43. ПСРЛ. Т. II. Стб. 774.
44. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.
45. *Грушевський М.С.* Хронологія подій... С. 27, 45.; *Шабага А.В.* Опыт моделирования... С. 175.
46. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.
47. См., напр.: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Київ, 1993. Т. III. С. 476; *Пашуто В.Т.* Очерки истории... С. 217.; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях... С. 119; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 год. М., 1997. С. 109; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 572.
48. ПСРЛ. Т. I. Стб. 67.
49. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.
50. См., напр.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 762, 765, 777 и др.
51. *Журавель А.В.* «Аки молния в день дождя». Т. I. С. 274-384.
52. *Фрояов И.Я.* *Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 76-80.
53. *Пресняков А.Е.* Княжье право в Древней Руси. М., 1993.; *Несин М.А.* Галицкое вече в событиях 1187-1188 гг. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2009. №3 (17). *Он же.* Галицкое

вече при Ярославле Осмомысле // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2010. № 1 (19); *Он же*. Галицкое вече в 1204-1229 гг.; *Он же*. Галицкое вече в 1229-1234 гг.

54. ПСРЛ. Т. II. Стб. 762.; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 520; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 64-65.

55. См., напр.: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси.С. 476; *Пашуто В.Т.* Очерки истории... С. 217; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях... С. 119; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись. С. 109; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. СПб., 2003.

56. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 572; *Он же*. Даниил Романович в Галиче накануне татаро-монгольского нашествия // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В. Пузанов. СПб.; Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2001.

57. *Лукин П.В.* Вече: социальный состав // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 105-107.

58. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 572; *Он же*. Даниил Романович в Галиче...

59. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

60. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 572; *Он же*. Даниил Романович в Галиче...

61. Там же.

62. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг.; *Он же*. Галицкое вече в 1229-1234 гг.

63. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

64. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси... Т. II. С. 477.

65. ПРСР. Т. II. Стб. 718.

66. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.

67. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

68. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

69. ПСРЛ. Т. II. Стб. 722, 730.; *Несин М.А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 10-11.

70. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

71. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

72. ПСРЛ. Т. II. Стб. 778.

73. ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

74. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784.

75. См., напр.: *Журавель А. В.* «Аки молния в день дождя». С. 284 и сл.

76. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784

77. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784

78. Галицко-Волынская летопись.... (Перевод О. П. Лихачевой) С. 490.

79. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 520.; *Несин М. А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 64-65.

80. ПСРЛ. Т. II. Стб. 784.

81. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.

82. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
84. Цит. по: *Сергеевич В.И.* Древности русского права. В трех томах. М., 2006. Т. I. Территория и население. С. 95.
85. *Соловьев. С.М.* Даниил Романович, король Галицкий // Современник. 1847. Т. I. Отд. 2. СПб., 1847. С. 110-111.; *Софроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1955; *Несин М. А.* Галицкое вече в 1204-1229 гг. С. 8-9.
86. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
87. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
88. *Пашин С.С.* Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной) Руси XI-XV вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1986; *Фроянов И.Я.* *Дворниченко А.Ю.* Города-государства...
89. *Линниченко А.И.* Критический обзор современной литературы по истории Галицкой Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 5.
90. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.
91. Историографию данной проблемы см.: *Алексеев Ю.Г.* За Отечество свое стоятель // *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001.
92. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
93. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
94. ПСРЛ. Т. II. Стб. 787.
95. ПСРЛ. Т. II. Стб. 788.
96. ПСРЛ. Т. II. Стб. 754.
97. ПСРЛ. Т. II. Стб. 788.
98. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.
99. ПСРЛ. Т. II. Стб. 789.
100. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 340.
101. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. С. 462.
102. *Несин М.А.* Галицкое вече в 1229-1234 гг. С. 59.
103. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 340.
104. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843. С. 340.
105. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 2000. Стб. 801.

Василь МІЩАНИН

ПРОМИСЛОВИЙ РОЗВИТОК ЗАКАРПАТТЯ 1944-1950 рр.: ПЕРЕХІД НА СОЦІАЛІСТИЧНУ ЕКОНОМІКУ

Тема соціалістичних перетворень на Закарпатті в перші роки радянської влади викликала і викликатиме інтерес у дослідників. Радянські історики охоче бралися за дослідження цієї теми, описуючи «успіхи й досягнення» радянської влади у промисловому розвитку краю під керівною і спрямовуючою роллю КППС, допомогу братніх народів СРСР тощо. Про індустріальні здобутки області в пізніший період писали й партійні функціонери¹. Якщо відкинути ідеологічне забарвлення цих робіт, то їхніми авторами зібрано, проаналізовано і введено в науковий обіг значний масив джерельного матеріалу із досліджуваної проблеми. Серед дослідників, які безпосередньо займалися вивченням цієї теми, слід назвати М. Арсентьева², І. Гранчака³, К. Куценка⁴, І. Шершуна та В. Мельника⁵. Тема соціалістичних перетворень у промисловості займала належне місце і у колективних монографіях із історії Закарпаття радянського періоду⁶.

Серед сучасних істориків, які по-новому підійшли до висвітлення проблеми, вказуючи на позитивні і негативні моменти повоєнної індустріалізації, можна виділити І. Гранчака⁷, М. Макару⁸, Р. Офіцинського⁹. Щоправда роботи І. Гранчака та Р. Офіцинського охоплюють індустріальний розвиток краю всього радянського періоду в історії Закарпаття, а тому повоєнний період ними використовується переважно для порівняння динаміки розвитку з більш пізніми роками.

Після визволення Закарпаття Червоною армією в жовтні 1944 р. влада на території краю перейшла до рук трудящих, і возз'єднання з Радянською Україною 29 червня 1945 р. створили необхідні передумови для розв'язання соціально-економічних завдань Народним комітетом Закарпатської України. Замість старої системи управління утворились нові органи влади – народні комітети. Протягом жовтня-листопада 1944 р. народні комітети були обрані в усіх містах і селах. Перед новими органами влади стояли важливі соціально-економічні завдання:

- допомога населенню, яке потерпіло від нацистів у роки Другої світової війни;
- націоналізація великих промислових підприємств і банків;
- конфіскація поміщицьких і церковних земель;
- здійснення возз'єднання Закарпатської України з Радянською Україною.

Народні комітети проводили велику роботу в галузі економіки життя. Вони розпочали відбудову зруйнованого окупантами народного господарства. Відбувалася реконструкція кустарних підприємств, розширювався їх обсяг виробництва, створювалися нові підприємства і цілі галузі промисловості.

Народній владі в Закарпатській Україні дісталася сумна спадщина, демонтовані, виведені чи висаджені в повітря промислові підприємства, був вигнаний за межі області рухомий склад залізниць – паровози й вагони, зірвані всі тунелі й залізничні мости, станційне господарство, вокзали, доценту спалені або вивезені запаси ділової деревини, виведені з ладу пилорами та інші деревообробні об'єкти. Збитки заподіяні відступаючими окупаційними військами становили 3 млрд 756 млн 113 тис. довоєнних радянських карбованців¹⁰. За даними надзвичайної комісії, створеної у лютому 1945 р., по обліку шкоди розслідуванню і встановленню злочинів заподіяних німецько-мадярськими окупантами за час окупації Закарпатської України, окупантами було вирубано 30 664 га лісових насаджень, вирито окопів на площі 70 020 га, знищено 857 252 куб. м ділової деревини, вивезено 1 081 100 куб. м дров, відступаючи окупанти повністю демонтували і вивезли устаткування фабрики гнutoї меблі в Ужгороді, депо в Чопі, сірникову фабрику в с. Чинадієві і т.д. Тільки в лісовій промисловості було зруйновано 260 будівель і споруд, спалено і зруйновано 24 лісопильні і деревообробні заводи, частково і повністю зруйновано або демонтовано 86 промислово-виробничих об'єктів, конфісковано 82 дзвони; особливо великої шкоди завдано транспорту, вивезено 90 паровозів, 16 мотовозів, 320 пасажирських і 2800 товарних вагонів, зруйновано 232 км залізничного полотна, 103 мости протяжністю 5872 погонних метрів, 84 вокзали і станційних споруд, 12 водонапірних башт, 13 тунелів, понад 200 лісопильних рам, 14 вузькоколіїних паровозів, 16 км лісових залізниць, 13 тяжелів протяжністю 1140 погонних метрів і т.д.¹¹

Тому народні комітети на місцях з перших днів визволення зосередили свою увагу на відродженні зруйнованого окупантами народного господарства. Вони одночасно почали здійснювали перебудову економіки на соціалістичних засадах. Розвивалися перспективи у збуті промислової продукції, яка «знайшла збут

на радянському ринку». Всі зусилля були направлені на відбудову промислових об'єктів, заводів, фабрик і транспорту і всіх засобів зв'язку торгових підприємств, і відновлені банківської системи. В 1944-1945 рр. органами народної влади було розпочато ліквідацію приватної власності провідних галузей промисловості і проведення націоналізації хімічних, лісохімічних, деревообробних, металообробних та інших підприємств.

Початком націоналізації можна вважати декрет Народної ради від 5 грудня 1944 р. про перехід прав власності на державне майно Чехословацької республіки та Угорського королівства до Закарпатської України. В ньому зазначалося, що на основі рішення 1-го з'їзду Народного комітету Закарпатської України все рухоме і нерухоме майно, установи, угіддя, помісття, підприємства, ліси, заводи, фабрики і копальні на території Закарпатської України¹², які належали вказаним державам, «переходять у власність Закарпатської України». В грудні 1944 р. НРЗУ було прийнято й інші декрети стосовно націоналізації – «Декрет чис. 11. Про націоналізацію спиртних заводів, палінчарень і всіх підприємств по виробництву алкогольних напоїв» від 5 грудня 1944 р., «Декрет чис. 12. Про націоналізацію пивоварного заводу графа Шенборн-Бухгейма, акційної спілки в Підгорянах» від 5 грудня 1944 р., «Декрет чис. 21. Про націоналізацію публичних електростанцій на території Закарпатської України» від 9 грудня 1944 р.¹³, «Декрет чис. 25. Про націоналізацію всіх акційних банків та філій та заложення «Народного банку Закарпатської України»» від 21 грудня 1944 р.¹⁴ В 1945 р. було націоналізовано лісопромислову фірму «Латориця», акційну спілку в Мукачеві¹⁵, конфісковано хімічні заводи в Перечині, Сваляві, Великім Бичкові¹⁶, заводи Південно-Карпатської нафтоочисної і торгівельної акційної спілки в Мукачеві¹⁷. Та багато інших промислових підприємств. Тобто вся промисловість була націоналізована. Таким чином, суспільна власність на засоби виробництва створювала базу для дії економічних законів соціалізму. Всього в Закарпатській області було націоналізовано 253 промислових підприємства¹⁸, але як стверджують дослідники І. Шершун та В. Мельник – до кінця 1945 р. було націоналізовано 276 промислових підприємств, а також залізничний транспорт¹⁹.

Таким чином, в період НРЗУ в промисловості була ліквідована капіталістична власність на засоби виробництва – всі підприємства були націоналізовані. До керівництва ними залучались робітники.

Завдяки наполегливій праці трудящих та адміністративному впливу виробництво промислової продукції на кінець 1945 р. досягало довоєнного рівня, і 174 підприємства були пущені в хід і випустили

майже на 20 млн крб. продукції – лісоматеріалів, меблів, хімікатів, металовиробів, продукції харчової промисловості і т. ін. А за перше півріччя 1946 р. промисловість Закарпатської області випустила продукції на 30,9 млн крб. в незмінних цінах²⁰. На кінець 1945 р. промислову продукцію почали давати 14 лісопильних і деревообробних заводів, 3 лісохімічних заводи, 4 ливарні і металообробні заводи, 6 електростанцій, 5 промислових артілей, 13 промкомбінатів, 7 харчокомбінатів, вугільні шахти, Солотвинський солерудник та багато інших підприємств області²¹. Загалом промисловість Закарпатської України станом на 20 жовтня 1945 р. об'єднувала 135 підприємства з кількістю працюючих і службовців 4 839 чоловік²².

Для забезпечення промислового розвитку Закарпаття сюди з усіх кінців Радянського Союзу прямували цілі ешелони з обладнанням, машинами та іншою технікою для заводів і фабрик. Комуністи прагнули, якнайшвидше ліквідувати промислову відсталість Закарпаття.

Допомога трудящим Закарпаття у будівництві соціалістичної економіки з перших днів після возз'єднання набула форми послідовного й всебічного курсу загальносоюзної господарської політики. Так, уже в першому післявоєнному п'ятирічному плані відбудови і розвитку народного господарства СРСР на 1946-1950 рр. зазначалося: «...забезпечити якнайшвидшу відбудову і розвиток усіх галузей народного господарства Закарпатської області України. Передбачити першочергову відбудову і розвиток деревообробної, лісохімічної та харчової промисловості, а також сільського господарства. Організувати промисловість по виробництву бурого вугілля і збудувати нові підприємства легкої промисловості. Подати державну допомогу селянським господарствам Закарпатської області сільськогосподарськими машинами, добривами, кредитом...»²³.

Плануючи надати якнайбільшу допомогу Закарпаттю в розвитку економіки, комуністична партія з 1946 р. приступала до виконання 4-го п'ятирічного плану відбудови і розвитку народного господарства СРСР. Однак порівняно зі східними областями УРСР тут були свої особливості і труднощі, зумовлені економічною відсталістю краю і відсутністю кваліфікованих господарських та інженерно-технічних кадрів. Тому комуністична партія і радянський уряд приділяли особливу увагу економічному розвитку наймолодшої радянської області. Лише за роки четвертої п'ятирічки (1946-1950 рр.) про розвиток Закарпаття було прийнято чотири постанови ЦК ВКП(б) і дев'ятнадцять – ЦК КП(б)У²⁴. ЦК КП(б)У і Рада Міністрів УРСР забезпечували промислове будівництво області кваліфікованими спеціалістами – інженерами, техніками, будівельниками. Лише в 1946 р. за рішенням

ЦК КП(б)У і Ради Міністрів УРСР на Закарпаття було послано 100 спеціалістів різних галузей промисловості²⁵. Але зважаючи на те, що на Закарпаття прибув великий загін спеціалістів, як партійних, радянських, профспілкових і комсомольських працівників, так і лікарів, інженерів, вчителів, архітекторів, залізничників та зв'язківців, включалися в трудові колективи, ставили організаторами і керівниками підприємств. Так протягом першої післявоєнної п'ятирічки сюди прибуло близько 3 тис. спеціалістів²⁶. Керівні органи області наполегливо займалися питанням забезпеченням промислових підприємств, будов, транспорту, необхідною кількістю спеціалістів, тобто кількість інженерно-технічного персоналу в 1946 р. складала 1,4 тис. чол.²⁷ Це була комуністична програма з промислового відродження краю, область цілковито включалася в загальнодержавне народногосподарське планування і розвивалася як складова, невід'ємна частина СРСР.

Соціалістичні перетворення в промисловості області опиралися переважно на індустріальну могутність Радянського Союзу. Всі соціально-економічні процеси перехідного періоду проходили тут прискореними темпами, що визначало своєрідність перших кроків соціалізму. Розвиток народного господарства Закарпаття, зростання проявлялось в постійному збільшенні капіталовкладень в економіку області. Про обсяг державних асигнувань у економіку народного господарства свідчить динаміка. Так, за першу післявоєнну п'ятирічку 1946-1950 рр. капітальні вкладення в господарство області становили 60 млн крб., а за другу – 105 млн крб.²⁸ У результаті проведення Народною радою Закарпатської України націоналізації промисловості, банків основа капіталістичної системи господарювання така, як приватна власність на засоби виробництва була підірвана. Зосередивши в руках держави головні економічні важелі влада створила необхідні умови для розгортання виробництва. Внаслідок всіх вжитих заходів значно зросла кількість діючих промислових підприємств. З 1946-1950 рр. на Закарпатті стали до ладу 118 старих промислових підприємств і побудовано 198 нових підприємств, оснащених найновішим на той час устаткуванням, в основному деревообробної, харчової промисловості. Завдяки цьому кількість діючих підприємств зросла у 7 разів, а валова продукція промисловості області за роки 4-ої п'ятирічки зросла у 3,6 рази²⁹.

У загальній структурі промисловості Закарпаття найбільшу питому вагу становили лісова і деревообробна галузі промисловості – 52,2 % у 1946 р. Це пояснювалося наявністю сировинних ресурсів для їх розвитку (ліси займали 47 % території області, загальна площа лісів складала 562,2 тис. га, з якої бук займає 58 % лісового покриву,

смерека – 29 %, дуб – 7%, пихта – 4 %, інші листяні – 2 %)³⁰.

П'ятирічний план передбачав великі капіталовкладення в лісову промисловість для виробництва достатньої кількості лісоматеріалів. «Кінець п'ятирічки збільшити вивіз ділової деревини проти довоєнного рівня на 39 %, а виробництво пиломатеріалів на 14 % тільки потрібно було поліпшити роботу по заготівлі, вивозі і як слід використати лісоматеріали», – говорили на нараді обласного партійного активу секретарем обкому КП(б)У та голови облвиконкому І.І. Туряниці³¹. У процесі концентрації і спеціалізації виробництва підприємства лісопереробної промисловості були об'єднані в «Закарпатліс», а лісозаготівельні – в трест «Закарпатліспром». Поступово змінювалася і внутрішня структура лісопильної і деревообробної промисловості³². За роки першої післявоєнної п'ятирічки було здійснено механізацію лісозаготівель. Замість сокири і пили – колись єдиного знаряддя праці закарпатського лісоруба широко почали впроваджуватися електропили, трепловальні лебідки, трактори, автомашини – лісовози, автокрани й інші машини і механізми³³.

Рада Народних комісарів УРСР зобов'язала своїм розпорядженням Народних комісарів лісової промисловості УРСР надати Народній раді Закарпатської України допомогу в роботі організації заготівлі, лісовозки, відбудові вузькоколіїних лісовозних залізниць 2 тис. пил, 3 тис. сокир, 2 тис. терпугів, 200 пар спецвзуття, 200 пар валянок і 300 комплектів спецодягу³⁴.

Згідно постанови ЦК КП(б)У та Ради Міністрів УРСР про заходи по розвитку народного господарства Закарпатської області на 1946 р. ми дізнаємося: «Міністерство лісової промисловості УРСР зобов'язалося до 1 серпня 1946 р. на лісозаготівельні підприємства Закарпатської області завести 70 автомашин для лісовозки і 15 автомашин для господарського обслуговування і відбудувати і ввести в дію 1946 р. 5 лісопильних заводів, 18,5 км вузькоколіїних лісовозних залізничних шляхів 13 лісопильних рам і т. д.»³⁵

Протягом 1949-1950 рр. підприємства тресту «Закарпатліс» одержали 25 паровозів вузькоколіїної залізниці, 98 трелювальних тракторів, 348 електропил, 52 пересувні електростанції, 58 трелювальних електролебідок, 137 лісовозних машин і 153 автопричепа різних марок, автонавантажувачі, автокрани та багато інших машин і механізмів³⁶.

У перші роки четвертої п'ятирічки головна увага приділялася подальшому розвитку і укомплектуванню сучасним устаткуванням. Так в 1946 р. вирубка лісу області була механізована на 2 % його підвозка до верхніх складів на 2,5 %, а вивозка ліса - на 40 %. Об'єм

лісовивозу в 1949 р. порівняно з 1946 р. збільшився більше ніж в 2 рази³⁷.

Механізація зумовила якісні зміни в самому характері лісозаготівель. Якщо до середини 1949 р. вони мали сезонний характер, то вже на кінець 1950 р. сезонні робітники становили лише 15 %³⁸.

Значних змін зазнала структура деревообробної промисловості. Раніше провідне місце у ній займало лісопиляння. У 1946 р. воно давало понад 40 % валової продукції. Але поступово питома вага лісопиляння скоротилося із зростанням устаткування деревообробної і меблеві фабрики були реконструйовані і значно розширені. Меблеве виробництво займало провідне місце в цій галузі промисловості. Реконструкція деревообробної промисловості проводилася скрізь, і карликові кустарі з переваженням ручної праці, майстерні перетворювалися у великі механізовані цехи і комбінати³⁹. В зв'язку з цим на ринок лісової промисловості і оснащення новою технікою в лісове господарство області протягом 1946-1950 рр. було освоєно більше 300 млн крб. При багатьох лісозаводах були допоміжні цехи: меблевий при Пасічному заводі, паркетний при Свалявському, Ужгородський та Чинадіївський лісозаводи виробляли меблі і паркет. Відчутні зміни відбулися на Ужгородському, Свалявському, Тересвянському, Берегівському та інших лісо і деревообробних комбінатах працювали автоматизовані цехи деревостружкових плит з випуском на рік 25 тис. куб. м плит кожний⁴⁰.

У деревообробній промисловості поряд із збільшенням лісозаготівель швидко розвивалося меблеве виробництво, тому з кожним роком збільшується виробництво мебельних підприємств, продукція яких мала непогану якість і завоювала широку популярність і користується популярністю в Москві, Києві та інших містах Радянського Союзу. Майже всі меблеві підприємства Закарпаття механізовані і оснащені сучасним новим устаткуванням, швидко розвивалося меблеве виробництво. Так, у 1946 р. було випущено меблів на суму 174 тис. крб. Відмінно виконали план за 6 місяців у 1948 р. трест «Закарпатмебель» на 121,9 %, а ріст випуску продукції проти відповідного періоду 1947 р. складав 219,6 %⁴¹. В I кварталі 1950 р. випуск валової продукції тресту «Закарпатмебель» був виконаний на 104 %⁴².

За п'ять років меблева промисловість повинна була дати країні продукції на 100 млн крб. Якщо на кінець 1945 р. тут працювало 14 лісопильних і деревообробних заводів, то в наступному 1946 р. кількість заводів вже була збільшена в 3 рази і становили 46 лісопильних заводів⁴³.

Так, з постанови ЦК КП(б)У та Ради Міністрів УРСР від 16 липня 1946 р. ми дізнаємося, що влада піклувалася про населення, школи, лікарні, комунальні і промислові підприємства, а також культосвітні заклади області і зобов'язали Закарпатський облвиконком заготовити і завести в міста і села області в 1946 р. 250 тис. складометрів дров, з них 160 тис. складометрів дров до 1 жовтня 1946 р. і 90 тис. до 1 грудня 1947 р.⁴⁴. З вище сказаного видно, що радянський уряд намагався забезпечити паливом потреби як населення, так і різні установи краю і різні галузі промисловості.

Працівники тресту «Закарпатліспром» боролися за виконання плану на 1946-1950 рр.

В 1946-1947 рр. в Закарпатській області у провідних галузях промисловості (лісної і деревообробної) соціалістичними змаганнями як новий вид стимуляції було охоплено 70-80 % робочих, а економічний ефект від впровадження раціоналізаторських пропозицій в народному господарстві склав 14,6 млн крб. Важливу роль в розгортанні соціалістичних змаганнях області зіграло прохання в березні 1947 р. шахтарів Донбасу до сваявських лісорубів. У свою чергу робітники тресту «Закарпатліспром» у зверненні до робочих лісової промисловості республіки з призивом виконати річний план лісоздачі до 30-ї річниці Жовтня. Вони взяли зобов'язання до кінця 1947 р. заготовити зверх плану 200 тис. куб. м деревини, повисити на 8 % виробництво праці кожного працівника, знизити собівартість кубометра лісу на 3,2 % свої зобов'язання лісоруби виконали⁴⁵.

Так, за перевиконання плану та соціалістичне змагання лісопоставок за 1947 р. між округами Закарпатської області і лісопромгосподарствами тресту «Закарпатліспром» перша премія дісталася у сумі 15 тис. крб. Хустському та Воловському округам. Хустський округ дістав 40 % премії, а решта 60 % дісталася Воловському округу. Друга премія в сумі 10 тис. крб. дісталася Рахівському округу⁴⁶. У 1948 р. змагання в Закарпатській області вже охопило 82 % працюючих. Загін передовиків виробництва нараховувала 11 тис. стаханівців і більше 10 тис. ударників. Сотні з них достроково виконали свої особові п'ятирічки. Лісоруби Кушницького ліспромгоспу І. Кузан, брати М. і Г. Федьковичі, погрузчик П. Лопа, трельовщики І. Куруц і Ю. Штефко виконали свої п'ятирічні плани за 2 роки і 10 місяців⁴⁷. А за виконання плану і успішне змагання по лісопоставкам в 1947 р. працівникам тресту «Закарпатліспром» надавали премії, так 49 чол. Хустського, Волівського та Рахівського округів отримали грошові премії від 350 до 1000 крб.⁴⁸.

Для популяризації та поширення досвіду стаханівців на провідних підприємствах області до 1 серпня 1947 р. було запроваджено

«Книгу пошани», до якої записували прізвища кращих робітників-стахановців та інженерів. Протягом 1946-1947 рр. у провідних галузях промисловості соціалістичними змаганнями було охоплено 70-77 % робітників⁴⁹. Отже, соціалістичне змагання охоплювало майже всі підприємства і трудові колективи, які змагалися між собою за дострокове виконання річного плану. 36 підприємств виконали річний план достроково до 31-ої річниці Жовтневої революції.

Одним з найбільших підприємств лісопереробної галузі було «Закарпатліспром». До складу тресту «Закарпатліспрому» входило 28 підприємств з різними профілями виробництва, з яких 12 лісозаготівельних, 10 лісопильних-деревообробних та ряд підсобних виробництв, 16 вузькоколіїних залізничних доріг протяжністю 748 км, 388 км шляхів первинного лісотранспорту, лісопуски, водяні човни, система гідротехнічних сплавних споруд. Об'єм лісозаготовок перевищує 1 млн 600 тис. куб. м в рік (на 1949 р.), в т. ч. 1 млн куб. м цінної букової деревини. В лісопильні працює 29 лісорам, 155 деревообробних станків, виготовляючи спеціальні асортименти для авіабудування, сільгоспмашинобудування, авто- і вагонобудування, паркет, спецпродукцію, мебдеталі, різна тара, вироби широкої потреби. Всіма підприємствами тресту «Закарпатліспрому» в 1947 р. випущено продукції на 39,47 млн крб. в незмінних цінах 1926-1927 рр.⁵⁰ Щодо реалізації готової лісопродукції в 1946 р., проводилася вона ще незадовільно, внаслідок чого на складах підприємства лежало готової продукції приблизно на 5 млн крб.⁵¹

Але 5 лісопромгоспів не забезпечили виконання встановленого державного річного плану в 1949 р. по вивозці лісу. Особливо незадовільно працювали і допустили зрив по вивозці лісу такі лісопромгоспи, як Хустський – 68,4 %, Мукачівський – 69,6 %, Жорнавський – 81,6 %, Буштинський – 85 % і Свалявський – 92 %. Причиною зриву виконання плану лісозаготівель було невиконання в повному обсязі і своєчасного притягнення в порядку платної трудгужповинності робочих та візників з кінями на лісозаготівлях. Станом на 5 січня 1950 р. в лісопромгоспах тресту «Закарпатліспром» працювало 1443 залучених візників – підвод проти плану 4450, піших працівників працювало 2531 проти плану 4500⁵². Але наприклад на середину лютого 1946 р. по цьому ж тресту «Закарпатліспрому» підвозці і вивозці лісу працювало 816 візників, так як за планом було 4770 і піших 3143 за планом 6730⁵³. Та і попри це об'єм виробництва в лісовій промисловості Закарпатської області зріс в 4,1 рази⁵⁴.

В області працювало три великих лісохімічних заводи – у Великому Бичкові, Перечині і Сваляві. 29 січня 1945 р. вийшла постанова

Народної Ради Закарпатської України про конфіскацію лісохімічних заводів: «Батлін» в Перечині, «Сольва» в Сваляві і «Клотільда» у Великому Бичкові з усім її устаткуванням і робітниками⁵⁵.

До війни вони займалися лише переробкою деревини. Але були реконструйовані, в результаті чого значно збільшився валовий випуск продукції. Так у 1947 р. лісохімічними заводами Закарпаття було випущено продукції на суму 11 млн 968 тис. крб. у незмінних цінах 1926-1927 рр.⁵⁶ Лісохімічний сектор області випускав декілька видів продукції, етиловий і метиловий спирти, етилацетат, карбамідні смали, ацетат калію, дерев'яне вугілля, розчинники, оцтову кислоту і есенцію, ацетон, смолу, винну кислоту, етил, метил, нетон, метагон.

Гордістю лісохіміків Закарпаття була побудована в Перечині (друга в країні) безперервно діюча реторта. Три нових цехи стали до ладу на Свалявському, два – на Великобичківському лісохімкомбінатах. З нових видів продукції Закарпатської лісохімії великі перспективи мали сечовинноформальдегідні смоли. Впровадження їх у виробництво дало можливість меблевикам області повністю відмовитись від казеїнового клею, що заощаджувало протягом року 300 тонн умовного казеїну або 800 тонн сиру⁵⁷.

В області успішно починає розвиватися нова галузь деревообробної промисловості – паперова. Ще напередодні возз'єднання на клопотання Народної Ради на Закарпаття прибула бригада спеціалістів для вивчення можливостей створення целюлозно-паперового комбінату. Радянські спеціалісти прийшли до висновку, що в районі Рахова є усі умови для організації такого виробництва. Тому згідно постанови Народної ради Закарпатської України від 26 вересня 1945 р. було виділено і закріплено для будівництва комбінату ділянку площею 4-5 га і виділено 11 житлових і 15 службових будинків колишнього угорського військового містечка в м. Рахові⁵⁸.

В 1946 р. було створено будівельно-монтажне управління «Рахівпапірбуд», яке розпочало спорудження картонної фабрики. На будмайданчик надходило механічне устаткування, проводилася заготівля місцевих будматеріалів, арматура, цемент та інші матеріали. Загалом в 1946 р. будівельники було одержано 260 вагонів обладнання і матеріалів. Всього за 1946 р. було витрачено на будівництво заготівлю будівельних матеріалів 3 млн 43 тис. крб. при плані асигнувань 1 млн 800 тис. крб. Загалом на будівництво целюлозно-паперового комбінату було витрачено 20 млн 889 тис. крб.⁵⁹. Так, було створено одне з великих підприємств України – Рахівську картонну фабрику, і у березні 1952 р. в експлуатацію була

введена в дію перша її лінія, яка дала першу продукцію – 2,8 тис. тонн картону. Повністю фабрика стала до ладу в грудні 1955 р.⁶⁰

У перші ж роки радянська влада почала справжнє освоєння покладів бурого вугілля. Наприклад, планом четвертої п'ятирічки передбачалося організувати на Закарпатті промисловість по видобутку бурого вугілля на базі Ільницького, Березинського і Затисянського родовищ. Навіть була проведена значна геологорозвідувальна робота по виявленню на території Закарпаття покладів бурого вугілля. Так, у травні 1945 р. була направлена бригада геологів з чотирьох чоловік під керівництвом професора, доктора геолого-мінеральних наук І.М. Жуковського в Іршавський і Тячівський округи для пошуків покладів кам'яного або бурого вугілля⁶¹. Відомостей, опублікованих в літературі про геологію Закарпатської України, не було ні в Києві, ні на Закарпатті, тобто в Ужгороді. Група геологів могла спертися тільки на геологічну карту Чехословацької республіки, масштабу 1:75 0000, яка була складена комплельативно професором Празького університету Вольдріхом, але при провірці місцевості, карта виявилася неточною. В збірнику «Підкарпатська Русь» (чеського видання) містилось декілька згадок про різні види корисних копалин, в т. ч. про вугілля, вапняку та маргелі, але без якісної і точної їх оцінки та без визначення запасів. Третім джерелом для групи геологів, цікавилися корисними копалинами, являлися розмови на місцях з місцевим населенням. Але ці відомості також потрібно було перевіряти, а на це не було часу, так як експедиція тривала всього 12 днів з 25 травня по 5 червня⁶².

У вересні 1945 р. була відправлена група геологів закордон в Угорщину, Чехословаччину для пошуків матеріалів і спеціальної літератури по геології та корисних копалинах на території Закарпатської України. І. Туряниця і С. Вайс звернулися до професора Чапика в Брно (університет), щоби той передав матеріали по вугільним місцезнаходженням Закарпаття (Ільниця, Вишкова), які потрібні були для закладки шахт на цих місцях⁶³.

У постанові Народної ради Закарпатської України від 6 серпня 1945 р. на Закарпатті було утворено госпрозрахункову вугільну контору по видобутку вугілля в місті Ужгороді «Закарпатмісцевугілля» і три шахтоуправління: Ужгородське, Іршавське, Вишківське⁶⁴.

До складу контори «Закарпатмісцевугілля» входили 6 шахт, які були розділені на Ільницьке шахтоуправління (до якого входили Ільницькі шахти № 1 і 2, Кременна № 3 та шахта № 4 в с. Раковець) і Вишківське шахтоуправління (шахта Евергельт № 5 і Шаян № 6)⁶⁵. Для забезпечення нормальної роботи шахт потрібно було відбудувати і реконструювати шахти. Загальна кількість працю-

ючих на шахтоуправлінні складала 180 чол. Також потрібно було встановити трансформатори Іршава-Ільниця для шахти Кремена № 3 і Буштино-Вишково до шахти Шаян, з підведенням до шахти № 5 Евергелт загальною протяжністю 16 км⁶⁶ і прокласти 13 км вузькоколіїних і 10,5 км шосейних шляхів до шахт за рахунок капіталовкладень «Закарпатмісцевугілля»⁶⁷.

На відбудованих шахтах усі процеси від забою до навантаження вугілля у залізничні вагони проводилася вручну. Про це в 1946 р. закарпатські шахтарі написали в листі до гірників Донбасу: «Шахти наші примітивні. Немає ні машин, ні електроустаткування, ні лебідок, вугілля добуваємо простими кирками, насосів у нас немає»⁶⁸. Шахтарі Донбасу негайно відгукнулися і взяли над ними шефство. Із Донбасу приїхали перші спеціалісти і кваліфіковані робітники. Допомогли найсучаснішою технікою. До області з Донбасу надійшли 10 електросверел, 4 лебідки, 8 вентиляторів, 12 насосів, 3 електромотори, 18 трансформаторів, а також 22 тонни кабельної продукції, 120 тон рейок вузької копії тощо. За роки п'ятирічки всі шахти були забезпечені спеціальними машинами і механізмами. Робітники з Копейська надіслали бурові машини, з Конотопа надійшли електросвердла, з Барвенкова – насоси, з інших міст – потужні транспортери, електролебідки, шахтні вентиляційні установи, електровози й електронасоси та інше обладнання. Технічне оснащення шахт забезпечило зростання вуглевидобутку в області⁶⁹. За 1945 р. з шахт Ільниця №1 і Кремена №3 видобуто 2 379 тонн вугілля⁷⁰. Враховуючи характер залігання пластовика вугілля (за словами ведущого шахти Ільниця № 1 І. Митишинця, потужністю приблизно 2 м, а нижче на 3,5 м залігає другий пласт потужністю приблизно 0,9-1 м)⁷¹, був встановлений план видобутку на 1946 р. 15 тис. тонн вугілля⁷².

Видобуток вугілля в 1945 р. складав 5 тис. тонн, а у 1946 р. 26 тис. тонн бурого вугілля, на 1 січня 1948 р. вже повністю експлуатувались 3 вугільні шахти, видобуток вугілля яких складав 70 тис. тонн, 1 вересня 1950 р. експлуатувалось вже 8 вугільних шахт і потужністю 259 тис. тонн в рік. Порівнюючи видобуток вугілля протягом 1945-1950 рр. зріс майже в 52 рази⁷³.

Мукачівське шахтоуправління зобов'язалося здати до кінця 1947 р. в експлуатацію шахти №3 і 5 Ільницької групи з річним видобутком вугілля 150 тис. тонн, а також шахта «Березинка» 30 тис. тонн вугілля на рік⁷⁴.

Затоварювання вугілля проводилося вручну, самоскиди не були встановлені. Це призвело до накопичення на складах шахт тресту станом на 20 грудня 1948 р. 40 тис. тонн вугілля⁷⁵.

Видобуток камяної солі – одна із найбільш розвинутих промислових галузей Закарпаття. Адже сіль є одним із головних багатств

Закарпаття. Солотвинське соляне місцезнаходження залягає великим прямокутником. Наявні великі поклади кам'яної солі, які становлять 1670 млн тонн солі. Ці запаси дозволяють використовувати кам'яну сіль Закарпаття для одержання цінних хімічних продуктів. Як відомо, кам'яна сіль служить сировиною для виробництва хлору, соди, соляної кислоти, металевого натрію та інших цінних хімічних продуктів⁷⁶. Добування солі на Солотвинському місцезнаходженні ведеться глибоко під землею більше ніж 100 м від поверхні. Як і на вугільних, так і на Солотвинських солекопальнях в 1946 р. видобуток і навантаження солі і відкатка вагонеток в 1,5 тонни до ствола, і відкатка їх на поверхню проводилася в ручну⁷⁷.

Одна з найбільших Солотвинських копалень – була шахта ім. Сталіна. Її глибина – 194 м. Щодоби ця шахта давала 300 тонн солі, а перед виборами робітники Солотвинських копалень збільшили темпи виробництва. Щоденно вони давали 585 тонн солі⁷⁸.

Колектив гірників Солотвинського солерудника включилися в соціалістичне змагання і виконання п'ятирічки за 4 роки і достроковому виконанні плану в 1948 р. і до дня Сталінської конституції (5 грудня) добилися значних успіхів. П'ятимісячний план по видобутку солі був виконаний на 104,6 %, видобуто понад 17 370 тонн солі. Працівники шахт виконували норми видобутку солі, 748 працюючих або 50 % робітників стали стаханівцями. Вони виконували завдання на 150 – 200 % за зміну. В II кварталі 1948 р. введено в експлуатацію 7 врубових машин, 50 нових електросверел та інші механізми⁷⁹.

Інтенсивний розвиток соціалістичної промисловості Закарпаття вимагав широкого вжитку електроенергетики, без якої був неможливий розвиток важкої промисловості. До возз'єднання з Радянською Україною потужність усіх електростанцій Закарпаття становила 16,6 тис. квт, в тому числі Ужгородська ТЕС – 11 тис. квт⁸⁰. Але цього було не досить, щоб забезпечити бурхливий розвиток промисловості, а навіть і тієї, яка існувала до 1945 р. Тому в області було заплановано в долинах річок Теремлі і Ріки в Хустському районі спорудження Теремле-Ріцької ГЕС. Найбільшу на Закарпатті і третю в республіці за потужністю після Дніпрогесу та Каховської ГЕС. Будівництво Теремле-Ріцької гідроелектростанції будівельно-монтажним управлінням «Закарпатгесбуд» була проведена складна робота по організації будівництва гідроелектростанції. На самому будівництві ГЕС працювали спеціалісти, які будували Дніпрогес, 1671 чоловік, 559 прибули з інших республік і областей України. На спорудження електростанції в греблю було вкладено близько 200 тис. куб. м бетону, а через гірський хребет між Теремлею і Рікою було прокладено тунель завдовжки 3635 м. У 1956 р. Теремле-Річанська ГЕС стала до ладу⁸¹.

У соціалістичному перетворенні народного господарства Радянського Закарпаття велика роль належала електрифікації. Саме електрифікація допомогла озброїти енергією всі галузі господарства. Належної організації по електрифікації сіл не було. Керівництво цією справою носило суто бюрократичний характер і далі писанини та складання умов не просувалося. В 1947 р. мали побудувати 40 км низьковольтної лінії, електрифікували 10 сіл, а саме: Клячано-во, Нове Давидково, Кайданово, Руські Комарівці, Ільниця та інші⁸².

План 1949 р. по введенню в дію сільських електростанцій був виконаний на 55,5 %, по електрифікації колгоспів - на 73,9 %, по електрифікації радгоспів - на 100 %, по МТС - на 100 %, а по встановленню електромоторів в сільському господарстві - на 69,6 %⁸³. Станом на 10 липня 1950 р. в області було електрифіковано тільки 3 колгоспи, так як за планом на I півріччя 1950 р. було передбачено електрифікувати 10 колгоспів. Світлоточок - 874 при плані 1150. Побудовано тільки 3 км лінії високої напруги при плані будівництва 11 км. Довгострокові кредити, відпущені державою на сільську електрифікацію в 1950 р., використані на 1 липня 1950 р. тільки на 9,8 %. Воловський, Воловецький, Велико-Березнянський і Мукачівський округи кредити на електрифікацію сільського господарства не освоювали взагалі⁸⁴.

В 1949 р. побудовано 7 радіовузлів, 80 км радіолінійні, в сільській місцевості було встановлено 1323 радіоточки, радіофіксовано 21 населені пункти, з них 23 колгоспи. Всього на кінець 1949 р. в області було 17 700 радіоприймальних установок. Від радіотрансляційних вузлів радіофіксовано 67 населених пунктів, в тому числі 50 сільських, що складає 10 % від загального числа сільських населених пунктів⁸⁵. В 1950 р. було радіофіксовано 22 села із 91 по плану, що повинні були радіофікуватися або 24,1 %⁸⁶. Станом на 25 вересня 1950 р. було встановлено 2 549 радіоточок. В 39 селах області велися тільки розпочаті роботи по радіофікації. Державні кредити, відпущені колгоспам на радіофікацію в багатьох округах, не освоювалися. Із 250 тис. крб. відпущених області кредитів використано тільки 64 250 крб. Багато радіовузлів області були загружені тільки на 30-40 % своєї потужності⁸⁷.

В 1945 р. в області було 2 нафтоперегінних заводи – в м. Мукачеві та м. Чопі⁸⁸.

Значну питому вагу в народному господарстві області займала металообробна промисловість, яка на той час була примітивна із невеликою кількістю зайнятих і були далекі від сучасного рівня оснащення. В цій галузі промисловості в області було 3 металообробні

заводи: верстатобудівний завод в Ужгороді «Перемога», ливарно-механічний завод «Інтернаціонал» в Кобилецькій Полянї Рахівського округу, ковальний завод «Сила» в селі Лисичево Іршавського округу, ливарно-механічний завод ім. С.М. Кірова в селі Фрїдешево Мукачівського округу. Вони виготовляли сітки на лїжка та огорожі, лопати, мотики, пічне литво, чавунний посуд, сільськогосподарський реманент, соломорїзки, преси, лемешї для плугів, прутове, листове і шинне залїзо⁸⁹.

Щодо транспорту, то в 1946 р. в області було 10 автобусів і 4 легкових автомобїлі загального користування. Протяжнїсть автобусних маршрутів становила 684 км. План 1948 р. по перевозцї вантажів автотранспортом «Облавтотреста» був виконаний на 128,5 %⁹⁰.

На початку 1947 р. почалося будівництво авторемонтного заводу в мїсті Ужгороді потужнїстю до 50 капїтальних ремонтів автомашин і моторів в рік, який повинен був підпорядкуватися «Облавтотресту»⁹¹.

Харчова промисловїсть займала перше мїсце по виробництву валової продукцїї серед інших галузей промисловостї. Пїсля воззїднання Закарпаття з Радянською Україною виникли новї галузі харчової промисловостї: виробництво безалкогольних напоїв, розлив мїнеральних вод. Закарпаття дуже багате на мїнеральнї джерела. Великим попитом користуються не тїльки в області, але і за її межами закарпатські мїнеральнї води «Лужанська», «Поляна квасова», «Шаянська» і инші⁹². Так, завод мїнеральних вод «Маргіт» знаходився на балансі Свалявського хїмзаводу, а завод мїнеральних вод «Свалява» - лїтейно-механїчному заводу ім.С.М. Кірова⁹³.

Традиційна галузь харчової промисловостї Закарпатської області є виноробство. До приходу радянської влади в Закарпаття цю промисловїсть було поставлено на індустріальну основу, хоч займало воно помїтне мїсце в експортї. Випускали столовї марочнї вина із сорту винограду «Леанка», якї по своїм смаковим якостям, аромату і гармонїйностї видїляються серед найкращих марочних вин старих районів виноробства, а сорти «Фурмін» та «Липовина» давали високоякіснї виноматерїали для виготовлення цїнного десертного вина типу «Токай»⁹⁴. В декретї від 5 грудня 1944 р. зазначалось, що заводи, якї належать фізичним чи правничим особам, націоналізувалися з усїм їх устаткуванням. Того ж дня (5 грудня) було націоналізовано Мукачівський пивоварний завод графа Шенборна-Бухгейма – це найбільшїй австрїйський земельний граф на Закарпаттї⁹⁵.

Зароки радянської влади з'явилися великї виноробнї пїдприємства, оснащенї сучасною на той час технїкою. В 1946 р. в області було

всього 3 виноробних заводи, де працювало 28 робітників⁹⁶. В тому ж році в Берегівському окрузі був організований опорний пункт науково-дослідницького інституту виноградарства та виноробства ім. Таїрова, який повинен був вивчати і розробляти практичні навички по поліпшенню виноробства в області. Наприклад, в 1949 р. «Винтрест» в Закарпатській області виробив 172 тис. декалітрів вина. У 1950 р. виноробство вина становило 300 тис. декалітрів⁹⁷.

В постанові Народної ради Закарпатської України від 26 липня 1945 р. «Про утворення Закарпатспиртресту» йдеться, що при відділі харчової промисловості Народної ради Закарпатської України трест спиртової та горілчаної промисловості Закарпатської України⁹⁸ і розмістити його в місті Мукачеві в будинку колишнього власника Мукачівського ректифікаційного заводу Вайса⁹⁹. На кінець 1945 р. «Спирттресту» було підпорядковано 15 спиртових та ректифікаційних заводів, 8 з яких були зруйновані¹⁰⁰. Ще скоріше декретом Народної ради Закарпатської України від 9 січня 1945 р. було націоналізовано все виробництво спирту¹⁰¹, також на Закарпатті не було заводу по виробництву дріжджів, тому Народна рада і вирішила добудувати до Мукачівського спиртового заводу завод по виробництву дріжджів. Для планування заводу був викликаний спеціаліст, технолог-конструктор по виробництву спирту і дріжджів з Будафоку (поблизу Будапешту (Угорщина)) Мікша Тіле¹⁰².

У 1945 р. відбудоване було 94 підприємства харчової промисловості¹⁰³. За роки влади народних комітетів були створені 3 маслозаводи, реконструйовано 6 м'ясокомбінатів¹⁰⁴. В перші роки післявоєнної п'ятирічки було введено в дію 6 м'ясокомбінатів, 13 маслозаводів, макаронну фабрику. У 1946 р. на Закарпатті діяло 30 підприємств харчової промисловості республіканського підпорядкування і 96 підприємств обласного підпорядкування¹⁰⁵. Так, виробництво м'яса в 1946 р. становило 2,7 тис. тонн¹⁰⁶.

З газети «Закарпатська правда» дізнаємось, що робітники м'ясо-молочної промисловості Закарпаття взяли соціалістичне зобов'язання, що виробництво м'яса в 1948 р. доведуть до 3000 тонн, а в 1949 р. - до 3700 тонн, 21 ковбасних виробів довести 1948 р. до 330 тонн, а в 1949 р. - до 770 тонн, а також протягом 1948-1949 рр. побудувати і ввести в дію чотири паромеханізованих масло і сироробних заводів¹⁰⁷.

У постанові ЦК КП(б)У від 16 липня 1946 р. говорилося, що Ужгородський і Мукачівський маслоробні заводи цехи по виробництву морозива до 1 липня на добу мають випускати 400 кг морозива. У Севлюші збудували механізовану пекарню потужністю 6 тонн на добу і в місті – потужністю 3 тонни на добу. В м. Мукачеві Народна

рада Закарпатської України вирішила розпочати будівництво цукрового заводу¹⁰⁸.

Одним із найбільших на той час підприємств можна вважати тютюнову фабрику ім. Сталіна в місті Мукачеві, її продукція – сигарети «Верховина» були широко відомі як в області, так і за межами і користувались широким попитом¹⁰⁹.

Проведення Народною радою Закарпатської України націоналізації промисловості зробило сприятливі умови для відбудови і налагодження виробництва. Нова комуністична влада скоординувала свої дії у розвитку промисловості і залучила ресурсний потенціал області не тільки в розвиток, а і в збільшення випуску валової продукції. Так, план I півріччя 1948 р. по випуску валової продукції в цілому по промисловості області був виконаний на 102,8 %. Збільшено ріст промислового виробництва проти I півріччя 1947 р. на 34 %. Відмінно виконали план за 6 місяців 1948 р. Мукачівська тютюнова фабрика – 136,9 %, а ріст випуску продукції проти відповідного періоду 1947 р. складає 125,7 %, відповідно енергокомбінат – 129,7 % і 140,4 %. Солотвинські солерудники - 105,4 % і 145,3 %. Перевиконали план I півріччя 1948 р. «Спирттрест», «Обллегпром» та інші¹¹⁰. В цілому за 1948 р. план випуску валової продукції підприємствами області виконали на 104,3 %, рівень промислового виробництва збільшився порівняно з 1947 р. на 22,8 %.

Промисловість області виконала встановлений для неї на 1949 р. виробничий план на 108,6 %. Більше 120 підприємств області достроково виконали річний план 1949 р. За 11 місяців 1949 р. підприємства області дали державі 22,5 млн крб.¹¹¹. В 1950 р. на Закарпатті було 336 підприємств¹¹².

Отже, з того моменту, як було звільнено Закарпаття від німецько-угорських загарбників, партійними і господарськими організаціями області була проведена значна робота по відновленню підприємств місцевої промисловості. Відразу після звільнення від окупантів краю були націоналізовані великі промислові заводи, фабрики, транспорт, засоби зв'язку, загалом було націоналізовано понад 250 підприємств. Розбудова і реконструкція існуючих до возз'єднання промислових підприємств та введення в дію цілого ряду нових підприємств мали показати переваги соціалізму. За роки першої післявоєнної п'ятирічки відбулася індустріалізація раніше відсталого у промисловому відношенні краю. Закарпатська область поступово перетворювалась з аграрної в індустріальну. Вже у 1950 р. у Закарпатській області діяло понад 300 великих і дрібних підприємств державної промисловості (в 1944 р. тут нараховувалось всього 58

дрібних підприємств), які були технічно оснащені найновішим на той час технічним обладнанням, багато процесів виробництва було механізовано і автоматизовано. У розвиток промисловості області Радянський Союз вкладав великі кошти, від чого і зростав обсяг промислового виробництва. База, закладена Радянським Союзом у перші повоєнні роки, серйозно вплинула на функціонування і розвиток підприємств у майбутньому. Проте, як і в СРСР, промисловість Закарпатської області мала розвиватися за єдиним стандартом: директивне управління, п'ятирічні плани, соціалістичне змагання тощо, без якихось економічних стимулів робітників.

ПРИМІТКИ

1. *Бандровський Г.Й.* На магістралі звершень. Ужгород: Карпати, 1986. 144 с.; *Ільницький Ю.* 20 радянських років. Ужгород: Карпати, 1965. - 91 с.

2. *Арсентьев М.В.* До питання розвитку соціалістичної промисловості Закарпаття за 20 років (1946-1965 рр.) // Великий Жовтень і розквіт возз'єданого Закарпаття: Матеріали наук. сесії, присвяченої 50-річчю Великої Жовтневої соц. революції, (29 червня – 2 липня 1967 р.) Ужгород: Карпати, 1970. С. 307-318; *Арсентьев М.В., Зілгалов В.О., Галда П.П.* Розвиток промисловості Радянського Закарпаття // Закарпаття: минуле і сучасне. Збірник. Ужгород: УжДУ, 1986. С. 124-136.

3. *Гранчак І.М.* Закарпаття в сім'ї народів СРСР. До 40-річчя возз'єднання Закарпаття з УРСР. К.: Знання, 1985. - 47 с.

4. *Куценко К.О.* Братня допомога народів СРСР у відбудові і розвитку промисловості Закарпатської області // Великий Жовтень і розквіт возз'єданого Закарпаття: Матеріали наук. сесії, присвяченої 50-річчю Великої Жовтневої соц. революції, (29 червня – 2 липня 1967 р.) Ужгород: Карпати, 1970. С. 283-293.

5. *Шершун І.Г.* Розквіт Закарпаття за роки радянської влади // Український історичний журнал. 1980. С. 47-54; *Шершун І., Мельник В.* До питання про соціально-економічні перетворення в Закарпатті (листопад 1944 – грудень 1945 рр.) // Закарпатська Україна. Осінь 1944 року. Матеріали наукової конференції, присвяченої 50-річчю визволення Закарпаття від фашизму та 50-річчю першого з'їзду Народних комітетів Закарпатської України. Ужгород: Патент, 1995. С. 63-68.

6. Нариси історії Закарпатської обласної партійної організації. Ужгород: Карпати, 1980. – 320 с.; Розквіт Закарпаття в братній сім'ї народів. Львів: Вища школа, 1985. - 147 с.; Украинские Карпаты. История. К.: Наукова думка, 1989. - 264 с.

7. *Гранчак І.М.* Розвиток промисловості у Закарпатті: здобутки та упущення (1946-1990) // Нариси історії Закарпаття. Т. III (1946-1991). Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2003. С. 73-115.

8. *Макара М.П.* Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 – січень 1946 рр.). Ужгород: Патент, 1995. - 108 с.; *Макара М.П.* Відбудова і перетворення в галузі промисловості / Закарпатська Україна: досвід розвитку, проблеми возз'єднання (кінець 1444–1945 рр.) // Нариси історії Закарпаття. Т. II (1918-1945) / Ред. кол.: І. Гранчак, Е. Балагурі, В. Ілько, І. Поп: історія. Ужгород: Закарпаття, 1995. С. 619-625.

9. *Офіцинський Р.* Індустріалізація та урбанізація / Радянське Закарпаття (1944-1991) // Закарпаття 1919-2009 років: історія, політика, культура / україномовний варіант українсько-угорського видання / Під ред. М. Вегеша, Ч. Фединець. Ужгород, Поліграфцентр «Ліра», 2010. С. 300-316.

10. *Макара М.П.* Закарпатська Україна... С. 60.

11. *Макара М.П.* Закарпатська Україна... С. 60; Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Закарпатська область. К.: Голов. ред. УРЕ: АН УРСР, 1969. С. 58; Закарпатська область (Короткий довідник). Ужгород: Кн-газ. вид-во. 1947. С. 47.

12. *Макара М.П.* Закарпатська Україна... С. 61.

13. Вісник НРЗУ (Урядовий орган Народної Ради Закарпатської України). 1944. 15 грудня.

14. Вісник НРЗУ. 1944. 30 грудня.

15. Вісник НРЗУ. 1945. 15 січня.

16. Вісник НРЗУ. 1945. 31 січня.

17. Вісник НРЗУ. 1945. 15 лютого.

18. Державний архів Закарпатської області (далі ДАЗО). Фонд (Ф.) П-1 (Закарпатський обком Компартії України). Оп. 1. Спр. 51. Арк. 100.

19. *Шершун І., Мельник В.* До питання про соціально-економічні перетворення в Закарпатті (листопад 1944 – грудень 1945 р.) // Закарпатська Україна. Осінь 1944 року. Матеріали наукової конференції, присвяченої 50-річчю визволення Закарпаття від фашизму та 50-річчю першого з'їзду Народних комітетів Закарпатської України. Ужгород: Патент, 1995. С. 66.

20. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 51. А. 100; Закарпатська Україна (орган Народної Ради Закарпатської України). 1945. 29 травня.

21. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Закарпатська область. К.: Голов. ред. УРЕ: АН УРСР, 1969. С. 60-61.

22. ДАЗО. Ф. Р-14 (Президія Народної ради Закарпатської України). Оп.1. Спр. 310. А. 41.

23. Радянське Закарпаття 1946-1958 рр. Документи і матеріали. Ужгород: Карпати, 1988. С. 27-28.

24. Четверть віку в сім'ї вольній новій. Урочисте засідання партійних, радянських і громадських організацій області разом з представниками трудящих та воїнів Ужгородського гарнізону, присвячене 25-річчю возз'єднання Закарпаття з Радянською Україною. Доповідь Ю.В.Ільницького // Закарпатська правда. 1970. 30 червня.

25. *Супрун Д.* Споконвічна мрія збулася. К.: Політвидав України, 1973. С. 133.

26. *Гранчак І.М.* Закарпаття в сім'ї народів СРСР... С. 16.

27. З джерел братерства. Цифри і факти // Закарпатська правда. 1985. 29 червня.

28. *Ільницький Ю.* 20 радянських років. Ужгород: Карпати, 1965. С. 28; *Здобутки братерства.* Ужгород: Карпати, 1967. С. 63.
29. *Розквіт Закарпаття в братній сім'ї народів.* Львів: Вища школа, 1985. С. 45.
30. *Розквіт Закарпаття в братній сім'ї народів... С. 45; Полянський О.А.* Дари лісу. Ужгород: Карпати, 1967. С. 20; *Анучин В.А.* Географія Советського Закарпаття. М.: Государственное издание географической литературы, 1956. С. 44.
31. *Радянське Закарпаття 1946-1958 рр. ... С. 28-29.*
32. *Розквіт Закарпаття в братній сім'ї народів... С. 47.*
33. *Шляхом до щастя. Нариси історії Закарпаття.* Ужгород: Карпати, 1973. С.182.
34. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 402. Арк. 1.
35. *Радянське Закарпаття 1946-1958 рр. ... С. 46-47.*
36. *Шляхом до щастя... С. 183.*
37. *Украинские Карпаты. История.* К.: Наукова думка, 1989. - 264 с. (С. 180); *Радянське Закарпаття 1946-1958 рр. ... С. 105.*
38. *Шляхом до щастя... С. 183.*
39. *Шляхом до щастя... С. 184; Арсентьев М.В., Зілгалов В.О., Галда П.П.* Розвиток промисловості Радянського Закарпаття // *Закарпаття: минуле і сучасне.* Збірник. Ужгород: УЖДУ, 1986. С. 126; *Радянське Закарпаття 1946-1958 рр. ... С. 105.*
40. *Закарпатська область (Короткий довідник).* Ужгород: Кн.-газ. вид-во. 1947. С. 47-48; *Шляхом до щастя... С. 186.*
41. *Шляхом до щастя... С. 186.*
42. ДАЗО. Протокол № 63 засіданий бюро обкома КП(б)У с приложеннями (19.05.1950 г.) // Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 1183. Арк. 31.
43. *Закарпатська область (Короткий довідник).* Ужгород: Кн.-газ. вид-во. 1947. С. 47-49.
44. *Радянське Закарпаття 1946-1958 рр. ... С. 42.*
45. *Украинские Карпаты. История.* К.: Наукова думка, 1989. С. 183.
46. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 496. Арк. 127-128.
47. *Украинские Карпаты. История.* К.: Наукова думка, 1989. С. 183.
48. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 496. Арк. 139-141.
49. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 204. А. 1-136. (А. 131); *Розквіт Закарпаття в братній сім'ї народів... С. 51.*
50. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 508. Арк. 46.
51. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 134.
52. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 1153. Арк. 54-55.
53. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 135.
54. *Украинские Карпаты... С. 184.*
55. *Шляхом Жовтня. Збірник документів. Т. VI. Серпень 1944 – січень 1946 р.* Ужгород: Карпати, 1965. С. 265.
56. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 508. Арк. 46.
57. *Куценко К.О.* Братня допомога народів СРСР... С. 286.
58. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 350. Арк. 1.

59. ДАЗО. Ф.П-1. Оп. 1. Спр. 196. А. 44; Шляхом до щастя... С. 187-188.
60. *Гранчак І.М.* Закарпаття в сім'ї народів СРСР... С. 17.
61. ДАЗО. Ф.Р-14. Оп. 1. Спр. 314. Арк. 1.
62. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 320. Арк. 4.
63. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 315. Арк. 7.
64. ДАЗО. Р-14. Оп. 1. Спр. 316. Арк. 1, 5.
65. ДАЗО. Р-14. Оп. 1. Спр. 310. Арк. 44.
66. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 310. Арк. 45.
67. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 316. Арк. 6.
68. Шляхом до щастя... С.181.
69. Там само. С. 182-183.
70. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 328. Арк. 16.
71. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 320. Арк. 10.
72. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 328. Арк. 16.
73. Закарпатська правда. 1946. 5 жовтня; Закарпатська правда. 1948. 2 січня; *Гранчак І.М.* Закарпаття в сім'ї народів СРСР... С.17; Шляхом до щастя... С.182.
74. Закарпатська правда. 1947. 19 вересня.
75. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 550. Арк. 34.
76. *Арсентьев М.В.* До питання розвитку соціалістичної промисловості Закарпаття за 20 років (1946-1965 рр.)... С. 315.
77. *Куценко К.О.* Братня допомога народів СРСР... С. 286.
78. Закарпатська правда. 1945. 21 листопада; Закарпатська правда. 1945. 22 грудня.
79. ДАЗО. Ф.П-1. Оп.1. Спр. 520. Арк. 12-13.
80. Здобутки братерства. Ужгород: Карпати, 1967. С. 112.
81. Нариси історії Закарпатської обласної партійної організації... С. 187; Шляхом до щастя... С. 179-180.
82. ДАЗО. Ф.П-1. Оп. 1. Спр. 216. Арк. 210.
83. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 1177. Арк.48.
84. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр.1195. Арк. 84.
85. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 1153. Арк. 40.
86. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 1228. Арк. 54.
87. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр.1209. Арк. 11.
88. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 317. Арк. 1.
89. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 334. Арк. 2; *Арсентьев М.В., Зілгалов В.О., Галда П.П.* Розвиток промисловості Радянського Закарпаття // Закарпаття: минуле і сучасне. Збірник. Ужгород: УЖДУ, 1986. С. 126-127.
90. ДАЗО. Ф.П-1. Оп. 1. Спр. 196. Арк. 2.
91. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 2. Арк. 108.
92. Шляхом до щастя... С. 196.
93. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 17. Арк. 42.
94. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 849. Арк. 39.
95. Шляхом Жовтня... С. 92-93, 395.
96. Шляхом до щастя... С. 195.
97. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 845. Арк. 40-41; Шляхом до щастя... С. 195.

98. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 361. Арк. 1.
99. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 364. Арк. 3.
100. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 361. Арк. 1.
101. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 362. Арк. 5.
102. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 367. Арк. 2.
103. *Рушак М.* Ресурсний потенціал Закарпаття і його достатність для саморозвитку // Новини Закарпаття. 1994. 17 лютого.
104. Закарпатська область (Короткий довідник)... С. 48.
105. *Рушак М.* Названа праця.
106. Розквіт Закарпаття в братній сім'ї народів. Львів: Вища школа, 1985. С. 49.
107. Закарпатська правда. 1948. 3 січня.
108. ДАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Спр. 366. Арк. 6; Радянське Закарпаття 1946-1958 рр. ... С. 44.
109. Закарпатська область (Короткий довідник). Ужгород: Кн.-газ. вид-во. 1947. С. 48.
110. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 526. Арк. 43.
111. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 1153. Арк. 30.
112. ДАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Спр. 1177. Арк. 40.

Подписка 2013

На международный исторический журнал

Русини

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**

Максим ЖИХ

ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ СЕДОВ. Страницы жизни и творчества славянского подвижника Часть 1

Имя выдающегося русского археолога и историка Валентина Васильевича Седова (1924–2004) хорошо известно не только специалистам, но и всем интересующимся историей древних славян и Руси: на его трудах выросло не одно поколение как профессиональных историков, так и любителей науки о прошлом. Труды учёного, без преувеличения, составили целую эпоху в отечественном славяноведении. В своих исследованиях В.В. Седов реконструировал целостную картину этнического, социального, культурного и политического развития славянского мира с древнейших времён до монгольского нашествия на широком фоне общеевропейской истории. Фактически он дал науке полноценный материальный «скелет» славянской истории, на который ещё многим историкам, археологам, лингвистам, антропологам и представителям других дисциплин предстоит нанизывать конкретные факты. Но едва ли в обозримом будущем наука о древних славянах сможет отойти от принципиальных схем исторического развития славянства, выработанных Седовым. Учёный сполна осуществил своё призвание в науке – быть исследователем истории славян в древности и в раннем средневековье.

В наши непростые времена, когда славянский мир разобщён, а многие славянские народы разделены взаимными обидами, В.В. Седов веско и аргументированно показывал единство всех славян, общие истоки их истории, культуры, языков, этнографических особенностей, менталитета. Он объяснял, как постоянно происходили разнообразное схождение и расхождения различных славянских группировок, как они перемешивались и каким сложным был процесс становления современных славянских народов, каждый из которых сформировался на основе разных по происхождению славянских групп. Учёный почти не занимался публицистикой, но его спокойные, без полемического задора и резкости научные работы, где не было и намёка на какую-либо политику, всегда ставили прочный заслон на пути любых псевдонаучных спекуляций, авторы которых пытались разорвать единство славянского мира или представить славян дикарями, чуждыми европейской цивилизации и культуре. В.В. Седов, как когда-то П.И. Шафарик, споривший с немецкими учёными-националистами, которые славянам на карте Европы практически не оставляли места и либо «приводили» их вместе с гуннами из Азии, либо «помещали» в Припятских болотах¹, убедительно показывал исконность проживания славян в

Центральной Европе, где они, наряду с кельтами, германцами, италиками, иллирийцами и другими европейскими этносами, сложились на основе древнеевропейской языковой общности, археологически представленной кругом культур полей погребальных урн. К моменту образования своих первых государств славяне имели за плечами сложную историю, полутора-тысячелетний опыт этнополитического и социокультурного развития и взаимодействия с соседними этносами.

В одном интервью на вопрос: «Вам никогда не хотелось написать книгу по современной истории?» - В.В. Седов ответил: «Некогда! Я после окончания монографии об Изборске хочу еще написать о балтах в древности. Балты - это самые близкие славянам народы среди индоевропейцев. Это латыши, литовцы, пруссы, ятвяги. Часть балтов вошла в состав славян»². (К сожалению, смерть помешала исследователю осуществить задуманное, и книга о балтах осталась ненаписанной). В этом, наверное, был весь Седов - человек, всецело поглощённый древней историей славян и Руси. Но нередко сугубо научные академические работы имеют не меньшую общественную актуальность, чем публицистические статьи, а подчас - и гораздо большую.

Впрочем, иногда ученый всё-таки брался за «публицистическое перо». В первую очередь, тогда, когда историческим и археологическим памятникам, культурному наследию России угрожала опасность. Тогда его голос звучал столь же громко, как и в научных спорах³.

Жизнь, общественная и административная работа, многогранная научная деятельность Седова постепенно становятся объектом внимательного изучения⁴, но осмысление его места и работ в контексте мировой и российской исторической науки XX ст., значения его исследований для её будущего только начинается. Немаловажна в этой связи большая доступность его работ для специалистов и широкого круга любителей истории. Эта задача может решаться двумя взаимодополняющими путями: 1) переизданием основных работ учёного, а в идеале - изданием полного собрания его сочинений; 2) оцифровкой работ исследователя. В рамках второго пункта было начато составление собрания работ В.В. Седова в электронном виде. На данный момент (20.10.2012) оно насчитывает более 130 единиц, в числе которых книги ученого, написанные им главы в коллективных изданиях, его статьи, рецензии, отчёты о научных мероприятиях и т. д.⁵ Собрание это непрерывно пополняется, так как конечная его цель заключается в создании полной подборки работ исследователя в электронном виде, что, разумеется, никоим образом не отменяет необходимости создания аналогичного собрания в печатном виде.

Можно сказать, что без работ Седова представить нашу историческую науку просто невозможно, это настоящая энциклопедия славянской и древнерусской истории и культуры. Простое перечисление тем, в раскрытие которых учёный внёс свой весомый вклад, рискует сильно затянуться: тут и славянский этногенез, и пути славянского расселения, и взаимодействие славян с окружающим миром, и история соседей славян - балтов и финно-угров, и эволюция материальной культуры славян, и славянское язычество, и становление первых славянских городов, и формирование

первых славянских государств и народностей, и история древнерусской деревни, и славянская антропология, гидронимика, и ещё много чего. Тем не менее, можно выделить три ключевые темы, пронизывающие всё творчество В.В. Седова, изучение которых учёным будет подробно рассмотрено ниже:

- 1) расселение славян по Восточной Европе и формирование древнерусской народности;
- 2) происхождение и начальные этапы истории славян. Много лет Седов создавал свою фундаментальную концепцию славянского этногенеза, которая по праву стала одной из основных в науке и ныне является опорной точкой в дальнейших исследованиях этой проблемы;
- 3) образование славянских городов.

***

Валентин Васильевич Седов родился 21 ноября 1924 г. в городе Богородске (с 1930 г. – Ногинск) в семье рабочих Истомкинской текстильной фабрики (отец – Василий Васильевич, мать – Анна Фоминична)⁶. Будущий историк окончил школу в 1941 г. и поступил в Московский авиационный институт, но начавшаяся Великая Отечественная война прервала его учёбу: летом 1942 г. он стал курсантом Гомельского военно-пехотного училища, а в ноябре попал на фронт.

Боевой путь Седова начался под Сталинградом. (Сергей Григорьевич Кляшторный как-то рассказывал о том, как в рамках культурной программы конференции, посвящённой Великому Волжскому пути, они вместе плыли на корабле по Волге. Когда подплывали к Астрахани, Седов вспоминал, как здесь в 1942 г. формировалась их часть и как пешком по степи они шли к Сталинграду...) За годы войны он побывал командиром стрелкового и пулеметного отделений на Сталинградском, Южном, Степном, 1-м Украинском, 1-м Белорусском и Прибалтийском фронтах и закончил ее на Дальнем Востоке, где принимал участие в разгроме Японии. Боевые заслуги В.В. Седова были отмечены такими высокими наградами, как орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

После войны Седов увлёкся историей. «Может быть, время такое было – такое бурное, победа в Великой Отечественной войне, хотелось знать, как это началось, и глубже», – вспоминал он впоследствии⁷. Так фронтовик оказался в стенах исторического факультета МГУ, где уже на первых курсах увлёкся археологией, начав свой путь полевого исследователя в 1951 г. в Новгородской экспедиции, руководимой блестящим археологом Артемием Владимировичем Арциховским (1902-1978).

И первые же его полевые сезоны ознаменовались сенсационным открытием – обнаружением языческого святилища Перуна под Новгородом, того самого, в котором дядя Владимира Добрыня установил в 980 г. идол Перуна⁸. Как совершенно справедливо констатирует А.В. Чернецов, «обращаясь к списку научных трудов В.В. Седова, не удастся выделить среди них те, которые можно было бы назвать ученическими. В своих ранних публикациях Валентин Васильевич появляется на научном небосклоне, подобно Афине из головы Зевса, в полном вооружении»⁹. В дальнейшем Седов про-

вёл множество полевых сезонов, раскапывая разнообразие славянские и древнерусские памятники: в 1955-1961 гг. он изучал поселения древнерусской Смоленской земли; в 1955-1968 гг. раскапывал древнерусские города Владимир, Гороховец, Суздаль, Ярополч-Залесский; в 1961-1965 гг. руководил разведками и раскопками курганов в Западной Белоруссии; в 1966-1969 гг. вёл разведки и раскопки длинных курганов и городищ Новгородчины и Псковщины; с 1970 по 1992 г. руководил археологическим изучением древнего Изборска. В ходе этих исследований им были добыты ценнейшие материалы, существенно обогатившие научные знания о славянской и древнерусской истории и культуре.

По окончании университета (1951 г.) он поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН), с которым связал всю свою дальнейшую судьбу. В 1954 г. В.В. Седов защитил кандидатскую диссертацию «Кривичи и словене», а в 1967 г. стал доктором исторических наук (диссертация «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья»). Долгая продуктивная работа ученого была достойно отмечена как в России, так и за рубежом: в 1994 г. его избрали почетным академиком Латвийской академии наук, в 1997 г. – членом-корреспондентом РАН, а в 2003 г. – академиком. В 1984 г. за книгу «Восточные славяне в VI-XIII вв.» он был удостоен Государственной премии СССР, а в 1998 г. за труды по славянскому этногенезу – Государственной премии РФ. Помимо этого, он – лауреат Забелинского (1994 г.) и Демидовской (1998 г.) премий.

Будучи незаурядным учёным, В.В. Седов был и талантливым организатором науки. С 1974 г. он руководил сектором археологических сводов, где, как указывает А.В. Чернецов, «заложил основу гигантской картотеки и собрания паспортов на археологические памятники России»¹⁰, а с 1983 г. – отделом археологической службы, объединившим сектор сводов и отдел новостроечных работ. В 1988 г. возглавил ключевое подразделение Института археологии – отдел полевых исследований, структуру, контролирующую все археологические работы на территории России. В 1980-1993 гг. работал в Международном совете по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), а в 1992-1993 гг. был президентом Российского национального комитета совета. С 1980 г. он являлся членом Исполнительного совета и Постоянного совета Международной Унии славянской археологии (МУСА), а в 1985 г. стал членом бюро Унии. В 1997 г. учёный возглавил экспертный совет Российского гуманитарного научного фонда по историческим наукам. По словам А.В. Чернецова, «в порой непростых коллизиях академической жизни, в отстаивании своих взглядов в научной полемике Валентин Васильевич всегда являлся примером исключительной прямоты и принципиальности»¹¹. С 1989 г. В.В. Седов был членом редколлегии журнала «Советская археология» (с 1992 г. – «Российская археология»), а с 1996 г. – членом редсовета ведущего археологического издания России. В 1990-е гг. он инициировал возобновление выхода ключевых археологических изданий, выпуск которых прервался в трудное для страны и науки время – начало 90-х: «Археологические открытия» (выпуск возобновлён в 1993 г.) и «Краткие сообщения Института археологии» (2001 г.). Седов стал ответственным редактором обоих изданий, также под его редакцией увидело свет большое количество разных книг.

Ученый участвовал во множестве научных мероприятий - съездах, конференциях, симпозиумах, «круглых столах» и т. д., многие из которых он сам и организовывал. Нередко Седов выступал с отчётами о них на страницах периодических изданий. В 1980 г. он основал семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли», носящий ныне имя своего основателя и ставший крупнейшей площадкой для обсуждения разнообразных проблем истории Псковщины. В 1996 г. в Новгороде, в значительной мере усилиями Седова, был проведен VI Международный конгресс славянской археологии. В работе конгресса приняли участие учёные многих стран, его труды, обобщившие итоги археологического изучения славянства на середину 1990-х гг., вышли в пяти томах под редакцией В.В. Седова¹². Этот научный форум сыграл важную роль в деле актуализации славистических исследований на постсоветском пространстве, показал важность славянской археологии как особого направления археологической науки.

Из всего этого видно, сколько внимания ученый уделял организации научной работы. Он мечтал объединить в едином творческом порыве исследователей славянской и древнерусской истории разных специальностей. Многим археологам-славистам посчастливилось быть учениками Седова, войти в состав созданной им научной школы. Под его руководством было защищено тридцать кандидатских диссертаций, а шесть его учеников стали докторами наук¹³.

В завершение этого краткого биографического очерка процитирую слова коллеги В.В. Седова по Институту археологии А.В. Чернецова: «Во всех случаях он выступал как активный и чрезвычайно ответственный работник. Валентин Васильевич самым внимательным образом знакомился с каждым поступающим в ОПИ отчетом (а их туда приходит более 1000 каждый год), тщательнейшим образом редактировал многочисленные рукописи, которые проходили через его руки как ответственного редактора. Скромный и молчаливый, В.В. Седов совершенно преобразался, когда речь заходила о волнующих его научных проблемах. Таким же, полным интереса к окружающему, Валентин Васильевич предстал в родной для него обстановке полевого лагеря, знакомясь с раскопками и коллекциями, в зарубежных поездках, когда ему предоставлялась возможность осматривать достопримечательности незнакомых городов»¹⁴.

Жизнь Валентина Васильевича Седова оборвалась в ночь с 4 на 5 октября 2004 г. Всего на десять дней пережил он свою верную подругу жизни Марию Владимировну Седову (1930-2004), замечательного специалиста по древнерусскому искусству. Они счастливо прожили долгие годы и умерли почти в один день, словно в красивой сказке. Сын В.В. Седова Владимир Валентинович Седов (род. в 1960 г.) продолжил семейную традицию служения исторической науке. Он - известный искусствовед, археолог, специалист по древнерусской архитектуре¹⁵.

Книга по истории древних балтов и многие другие, что мечтал написать В.В. Седов, остались ненаписанными. Но и того, что он успел сделать, хватит, чтобы ещё долго будить исследовательскую мысль. Кто знает, сколько ещё предстоит науке осмыслять наследие ученого? Поневоле вспоминается строчка из песни Александра Розенбаума: «"Был" – я ненавижу это

слово...». Нет, Седов не «был», он есть, он с нами. В своих трудах, научных открытиях, мыслях, чувствах, мечтах он остался с нами навеки.

Лично я не знал Валентина Васильевича Седова. Но для меня он - не часть историографии, а словно живой собеседник. Когда я писал статью, посвящённую проблеме, о которой в последние годы жизни много размышлял Валентин Васильевич, - о реконструкции самоназвания славян, представленных именьковской археологической культурой¹⁶, то, пусть это не покажется кому-то странным, я видел его в качестве своего главного читателя. Я очень хотел, чтобы он прочёл эту работу, и не раз ловил себя на мысли, что мнение о ней кого бы то ни было ещё меня, в сущности, мало интересует. Но, увы, моему главному читателю этой статьи не прочесть и не поделиться со мной своим мнением... В.В. Седова нет, но удивительное ощущение диалога с учёным через его работы есть. И, надеюсь, не только у меня.

***

В.В. Седов видел в археологии не просто науку об артефактах, извлекаемых из земли, но прежде всего науку историческую, археологические материалы рассматривались им как непосредственный источник исторических фактов. По его мнению, по археологическим данным вполне возможна реконструкция реальных исторических процессов, причём, в отличие, скажем, от лингвистической реконструкции, реконструкция их в конкретном пространственно-временном диапазоне. Ученый считал, что каждый народ имеет свои устойчивые этнографические признаки, выявляемые археологически. Это погребальный обряд, домостроительство, украшения, керамика, изготавливаемая домашним способом, и т. д. Весь комплекс этих признаков не мог радикально измениться мгновенно, он менялся плавно, и эти изменения археология вполне может проследить и отделить перво-степенные этнические признаки от второстепенных, принесённых модой или влиянием соседей. Поэтому, если археологическая культура выделяется по комплексу устойчивых признаков, она обычно соответствует этнической общности, что не исключает существования полиэтнических культур. Но их неоднородность в археологических материалах заметна, а потому возможно отделить «внешние» надэтнические признаки от «внутренних» этнических и дифференцировать полиэтническую культуру на этнические ареалы. Если же археологической преемственности при смене культур не фиксируется, а видна резкая смена всех основных этнографических признаков, то это говорит о смене населения или о наложении одного этноса на другой.

Соответственно и распространение признаков одной культуры на другие территории, если речь идёт не об одном-двух типах артефактов, а об их комплексе, свидетельствует о миграциях носителей этой культуры. Поэтому археология на современном уровне развития вполне способна, по мнению В.В. Седова, восстановить сложные процессы древних миграций, ассимиляций одних этносов другими, разделения этнических групп и их сближения и т. д. И важнейшее значение в археологическом исследовании древних этапов истории того или иного народа принадлежит ретроспективному

методу: продвижению от поздних, надёжно этнически атрибутированных древностей к тем, от которых они происходят, а от них ещё дальше, и так - к самым истокам, к моменту формирования этноязыковой группы (Происхождение и ранняя история славян. С. 38-43; Славяне в древности. С. 83-89; Славяне. С. 34-37). Все эти тезисы исследователя представляются совершенно справедливыми. Напротив, попытки вычеркнуть археологию из числа исторических наук, превратить её в замкнутую саму на себя науку о вещах видятся ошибочными, равно как и попытки уйти в этногенетических исследованиях от ретроспективного метода и подменить его простым анализом «сходства» разных культур, позволяющим делать разнообразные кульбиты сквозь пространство и время, не имеющим никакого отношения к реальным историческим событиям. В качестве примера такого подхода может быть названа гипотеза Д.А. Мачинского и М.Б. Шукина о происхождении первых достоверно славянских культур (пражской и пеньковской) от балтских культур лесной зоны Восточной Европы (штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской), между которыми нет ни территориального стыка, ни промежуточных групп памятников, ни генетического родства, которое для названных авторов подменяет определённое фактически на глазок «сходство»¹⁷.

В то же время В.В. Седов старался максимально полно использовать достижения всех других наук. Он постоянно привлекал лингвистические материалы, причём корректность и системность его работы с ними была отмечена О.Н. Трубачёвым¹⁸. Учёный старался все археологические реалии последовательно сопоставить с реалиями лингвистическими и найти корреляцию между ними. Что касается антропологии и гидронимии, то Седов самостоятельно работал в сфере указанных наук: ему принадлежит ряд работ по славянской антропологии¹⁹ и первая сводная антропологическая карта славян эпохи средневековья²⁰, а также работы по славянской гидронимии в её корреляции с археологическими данными (характерно название одной из работ учёного – «Этногенез славян по данным археологии и гидронимии»)²¹. К примеру, он существенно пополнил список балтских гидронимов лесной полосы Восточной Европы (Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 10-11). Именно стремление к междисциплинарности, к максимально полному учёту всех возможных фактов, к тому, чтобы выводы, сделанные на материалах одной науки, не входили в непримиримое противоречие с данными других наук, было своеобразной визитной карточкой В.В. Седова. К сожалению, такой подход в нашей науке - большая редкость: обычно учёные или делают выводы сугубо на «своих» материалах, не задумываясь о том, как эти выводы будут выглядеть с точки зрения других наук, или привлекают материалы выборочно и сугубо иллюстративно. Седов же работал с данными всех наук комплексно и блестяще осуществил в своих исследованиях принципы комплексного источниковедения.

Нельзя не отметить и доскональное знание ученым историографии тех вопросов, о которых он писал. Б.А. Рыбаков даже охарактеризовал его знание историографии славянского этногенеза и музейных коллекций раннеславянских древностей как «исчерпывающее»²². В.В. Седову принадлежат самые полные на сегодняшний день историографические очерки

по проблеме происхождения славян (Происхождение и ранняя история славян. С. 7-16; Очерки по археологии славян. С. 3-48; Славяне в древности. С. 5-59). Историографическими экскурсами исследователь сопровождал каждый свой шаг. Такое великолепное владение историографическим материалом позволяло учёному определять своё место в контексте развития науки и разграничивать перспективные и бесперспективные историографические линии.

***

I. Проблемы славянского расселения в Восточной Европе и становления древнерусской народности в работах В.В. Седова

Вопросы, связанные с археологией и этнокультурной историей славян Восточной Европы VI-XIII вв., занимали в научном творчестве Седова центральное место. Полностью соответствующей проблематике посвящено семь монографических исследований учёного²³ и ещё пять – частично²⁴. Число же его статей, в которых рассматриваются указанные вопросы, огромно²⁵.

Исследователю были чужды догматизм и «окостенелость», которым подвержены многие его коллеги, всю жизнь переписывающие положения первых своих работ, не считаясь ни с чем. Он постоянно находился в научном поиске и нередко корректировал и менял свои взгляды в соответствии с новыми данными, которые в археологии появляются гораздо быстрее, чем в «письменной» истории. Поэтому я охарактеризую концепцию учёного преимущественно по его последним, итоговым работам, с некоторыми экскурсами к трудам более ранним, чтобы показать становление и эволюцию его взглядов в историографическом контексте.

Накануне образования Древнерусского государства и древнерусской народности Восточная Европа, по мнению Седова, была заселена представителями четырёх крупных славянских этнокультурных группировок, имевших различные истоки (Древнерусская народность. С. 25-179):

1) северная её часть была занята носителями культур длинных курганов (кривичи), новгородских сопок (словене) и браслетообразных сомкнутых височных колец (имя носителей которой в летописях не сохранилось). Вероятно, оно там фигурирует как меря. Все эти культуры образовались в результате миграции в середине I тыс. н.э. центральноевропейского населения, преимущественно из пшеворского ареала, в лесную зону Восточной Европы;

2) юго-восточная её часть была занята носителями волынцевской и ведущей своё происхождение от неё культуры: роменской (северяне), боршевской (имя её носителей не сохранилось в летописях), верхнеокской (вятичи) и радимичской. Эта группа славян генетически связана с существовавшей в IV-VII вв. в Среднем Поволжье имениковской культурой;

3) юго-западная её часть была занята культурой типа луки-райковецкой (дулебы русских летописей) и развившимися на её основе культурными ареалами летописных волян, дреговичей, древлян и полян. Эта славянская группировка является одним из ответвлений пражской археологической культуры, носители которой в византийских источниках VI-VII

вв. были известны под именем *склавинов*-славян;

4) крайний её юг и юго-запад были заняты хорватами, уличами и тиверцами, культуры которых ведут своё происхождение от пеньковской археологической культуры, носители которой, очевидно, были *антами* византийских источников.

Рассмотрим эту реконструированную В.В. Седовым этнографическую картину подробнее, особенно в её ключевых звеньях и моментах, вызывающих дискуссии.

Одно из ключевых мест в работах ученого занимает кривичская культура длинных курганов, все материалы которой, имевшиеся в распоряжении науки на начало 1970-х гг., были им опубликованы (Длинные курганы кривичей). Эта сводка сохраняет своё значение по сей день, так как, несмотря на то, что впоследствии был раскопан ряд новых памятников, качественных сдвигов в наших знаниях об этой культуре не произошло, и новая, более полная сводка её материалов пока никем не составлена. В период своего расцвета в VIII-IX вв. культура длинных курганов занимала огромную территорию: Псковщину, часть Новгородчины, Верхнее Поднепровье и Подвинье с сопредельными регионами. Имя своё культура получила по характерному типу погребальных памятников – удлинённым курганам от 10 до 100 и более метров длиной. В них иногда содержится весьма значительное число захоронений (от одного-двух до двадцати с лишним) по обряду трупосожжения, которые в большинстве своём являются безурновыми и безынвентарными или содержат весьма незначительный инвентарь (бронзовые бляшки, пряжки, ножи, кресала, глиняные пряслица, стеклянные бусы и т. д.). Жили носители культуры длинных курганов преимущественно на открытых селищах, хотя постепенно появляются и городища (например Изборск), дома строили чаще наземные, посуду делали вручную, без гончарного круга. В развитии культуры длинных курганов наблюдаются два этапа: на первом (V-VII вв.) она занимала преимущественно современную Псковщину и некоторые районы Новгородчины (псковские длинные курганы), а с конца VII в. начала распространяться на юг, охватив будущие Полоцкую и Смоленскую земли (смоленско-полоцкие длинные курганы), что, очевидно, отражало процесс расселения её носителей. При этом культура длинных курганов в Смоленско-Полоцких землях имеет ряд отличий от псковской. В частности, там нет очень длинных курганов, превышающих 30 м. В IX-X вв. длинные курганы постепенно сменяются полусферическими, культура длинных курганов исчезает, и занятый ею регион становится частью древнерусской культуры.

В.В. Седов убедительно обосновал принадлежность культуры длинных курганов известному по летописям восточнославянскому этнополитическому союзу *кривичей*, приведя в пользу этого утверждения следующие аргументы:

- сопоставление длинных курганов с пришедшими им на смену полусферическими, славянская принадлежность которых уже вне всяких сомнений, показывает, что они совершенно идентичны в устройстве и в особенностях погребального ритуала;

- длинные и полусферические курганы обычно находятся в одних группах, образуя единые могильники, что говорит о преемственности оставившего их населения. На каком-то этапе длинные курганы сосуществуют с полусферическими, что наглядно показывает постепенную смену погребального обряда;

- керамические материалы IX-X вв. генетически связаны с керамикой культуры длинных курганов;

- никакого притока нового населения в конце I – начале II тыс. н.э. в регион Верхнего Поднепровья и Подвинья, равно как и в бассейн Чудского озера, не фиксируется. Некоторые предметы материальной культуры выходят в этот период из обращения, но, во-первых, происходит это постепенно, а во-вторых, не только на территории культуры длинных курганов, поэтому говорить о каком-либо сломе культурной традиции невозможно;

- ранние памятники культуры длинных курганов на Псковщине, занятая до этого финно-угорской культурой текстильной керамики, не обнаруживают с ней никакой преемственности, свидетельствуя о приходе в регион больших масс нового населения с новым хозяйственным укладом, которое и явилось создателем новой культуры;

- ареал культуры длинных курганов полностью совпадает с тем ареалом, который летописи отводят кривичам;

- лингвистические материалы показывают родственность смоленско-полоцких и псковских говоров²⁶. Единственный период, когда эти два региона были охвачены единой культурой, – это время культуры длинных курганов;

- лингвистически древнейшие контакты славян с предками эстонцев относятся ко времени до образования древнерусского языка и датируются временем, начиная с VI в.²⁷, что полностью соответствует археологически фиксируемым контактам носителей культуры длинных курганов с предками эстонцев;

- отдельные финские или балтские черты в культуре не являются для неё основными и несут региональный характер. Они отражают ассимиляцию славянами автохтонного населения.

Все эти аргументы (Кривичи; Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 91-124; Длинные курганы кривичей. С. 36-41; Об этнической принадлежности псковских длинных курганов; Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 46-58; Славяне в раннем средневековье. С. 211-217; 229-238; Древнерусская народность. С. 117-128; 140-145; Славяне. С. 354-364) никем не опровергнуты. Но, несмотря на это, постоянно выдвигаются гипотезы о неславянской этнической атрибуции культуры длинных курганов и её финно-угорской либо балтской принадлежности (С.К. Лаул, Г.С. Лебедев, А.Н. Башенькин, В.Я. Конецкий, Е.А. Шмидт и др.)²⁸. Однако все эти предположения фактически не выходят за рамки догадок и не имеют серьёзной аргументации. Они, в отличие от концепции В.В. Седова, основаны не на всём комплексе данных, а только на каких-то отдельных его частях, которые абсолютизируются, а все остальные моменты при этом игнорируются. Добавим несколько исторических аргументов в пользу правоты Седова и кривичской принадлежности культуры длинных курганов:

- если предположить финское происхождение культуры длинных курганов, это означает, что накануне формирования Древнерусского государства имела место мощная экспансия финского населения в Верхнее Поднепровье и Подвинье. Никаких исторических, лингвистических или топонимических подтверждений этому нет;

- если предположить балтское происхождение культуры длинных курганов, то непонятно, почему она возникла вне балтского культурного и гидронимического ареала на Псковщине. Балтская экспансия в этот регион неизбежно оставила бы заметные следы в гидронимии, но их практически нет;

- если предположить любое неславянское происхождение культуры длинных курганов, то неясным станет вопрос, с какими археологическими реалиями связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз кривичей (летописная локализация которого идеально совпадает с ареалом распространения рассматриваемой культуры), так как на смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая процесс нивелировки славянского и иного населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Тезис Е.Р. Михайловой, согласно которому «сложный комплекс погребальной обрядности КПДК, распространившийся по огромной территории, следует трактовать скорее как явление духовной жизни и религиозных практик древнего населения, чем как отражение неких социальных или этнических структур»²⁹, ничего не проясняет, а только запутывает проблему. Каким образом единый «сложный комплекс погребальной обрядности» мог распространиться среди разноэтничного населения на огромных территориях в условиях отсутствия государственных институтов, если не было тех, кто его распространял в ходе своей миграции? По мнению этой исследовательницы, постепенная смена культуры длинных курганов древнерусской культурой означала смену населения соответствующих регионов³⁰. С этим утверждением совершенно невозможно согласиться, так как процесс нивелировки культур отдельных славянских этнополитий охватил в то время всю Восточную Европу, что, однако, не говорит о том, что там произошла смена населения. Просто в условиях становления древнерусской народности и формирования Древнерусского государства стирались локальные различия между культурами вошедших в его состав «племён», вырабатывалась единая древнерусская культура. Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то – позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» восточнославянских культур как смену этнического лица соответствующих регионов.

Таким образом, на данный момент тезис В.В. Седова о кривичской принадлежности культуры длинных курганов является наиболее фундированным и учитывающим всю совокупность фактов, а не какие-то отдельные из них, как это имеет место у его оппонентов. На данный момент нет никаких серьёзных оснований сомневаться в правоте ученого в этом вопросе.

Более сложный характер имеет проблема истоков кривичской культуры длинных курганов. Уже в своих ранних работах Седов выдвинул гипоте-

зу о приходе её носителей в середине I тыс. н.э. из Центральной Европы (Кривичи. С. 54-59; Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 195-108; Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 58; Славяне в древности. С. 296-304; Славяне в раннем средневековье. С. 209-211), но тогда в её пользу не было прямых оснований. Она вытекала из того факта, что исследователь не обнаруживал иных её истоков: до формирования культуры длинных курганов её будущие земли были заселены финнами и балтами, древности которых не имеют с ней генетической связи, а каких-либо существенных импульсов с юга в имеющихся материалах ученых не видел. Все местные культуры, предшествовавшие или синхронные культуре длинных курганов, в том числе и тушемлинскую, он рассматривал как дославянские (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 29-45).

В эти же годы прямо противоположную концепцию славянского заселения Восточноевропейской равнины развивал П.Н. Третьяков, по мнению которого оно осуществлялось с юга группами позднезарубинецкого населения и их потомками³¹. Согласно П.Н. Третьякову, смена этнического лица населения лесной зоны Восточной Европы произошла только однажды: при расселении поздних «зарубинцев». В.В. Седов же считал, что она происходила также и в период появления культуры длинных курганов, в то время как зарубинецкий импульс не имел большого значения, а сама эта культура ещё не была славянской. В ранних работах исследователь считал её носителей балтами, но впоследствии несколько скорректировал свою позицию и предположил, что они представляли собой особую группу населения, родственную как славянам, так и западным балтам. Потомки «зарубинцев» в зависимости от ситуации вливались либо в ряды балтов, либо славян³².

Ныне точка зрения П.Н. Третьякова развивается Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасевым, которые считают, что, начиная с III в., потомки «зарубинцев», носители киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии формируются культуры длинных курганов и тушемлинская, существовавшая в V-VIII вв.³³, после чего на её территории расселяются носители культуры длинных курганов, ассимилируя «тушемлинцев».

В последних работах В.В. Седов привёл новые веские аргументы в пользу своей позиции. Он собрал и обобщил данные о находках вещей провинциально-римских типов, массово появившихся в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. н.э. (шпоры и удила, железные бритвы, железные пластинчатые кресала, пинцеты, В-образные рифленые пряжки, некоторые типы подвесок, железные втульчатые наконечники копий, новые типы серпов, каменные жернова для ручных мельниц и т. д.). Учитывая стремительность и массовость их распространения, а также то, что в этот период собственно провинциально-римские культуры (пшеворская и черняховская) уже прекратили своё существование, невозможно говорить о распространении в середине I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы провинциально-римских артефактов вследствие торговых или культурных связей. Оно, безусловно, отражает мощную миграцию населения из центрально-европейского пшеворского ареала (Древнерусская народность.

С. 91-117; Славяне. С. 348-354), которое только и могло быть создателем культуры длинных курганов. Причины, побудившие большие массы средневропейского населения к миграции, состоят в гуннском нашествии и резком похолодании, вызвавшем подъём уровня рек и озёр, увеличение площади болот, что привело к затоплению плодородных почв. Вследствие этого Среднее Повисленье опустело, и есть основания полагать, что значительная часть его обитателей отправилась на северо-восток, в лесную зону Восточной Европы (Славяне в древности. С. 296-304; Древнерусская народность. С. 115-117; Славяне С. 348-354). Седов сделал в этой связи одно весьма тонкое наблюдение относительно топографии поселений культуры псковских длинных курганов: «Создаётся впечатление, что переселенцы на прежних местах пострадали от наводнений и переувлажнённости почвы и поэтому на северо-западе выбирали для своего местопребывания участки, не подверженные подобным процессам, – песчаные возвышенности в сухих борových лесах, при сухопутных дорогах, очевидно, бывших в то время основными путями миграционных передвижений» (Древнерусская народность. С. 124).

При этом на основе новых материалов В.В. Седов пересмотрел свой взгляд на тушемлинскую культуру, будущая территория которой также оказалась затронута миграцией пшеворского населения, которая и дала импульс к её возникновению. Таким образом, ядро создателей тушемлинской культуры было родственным носителем культуры псковских длинных курганов, а её создание стало первым этапом славянизации балтов смоленского Поднепровья и полоцкого Подвинья, влившихся в состав тушемлинского населения (Древнерусская народность. С. 128-140; Славяне. С. 372-388), которое впоследствии, при расселении на юг носителей культуры псковских длинных курганов, вошло в состав кривичей. Продвинулись центральноевропейские переселенцы и дальше на восток, где создали культуру браслетообразных височных колец в будущей Ростово-Суздальской земле, постепенно ассимилируя аборигенное финское население края. Имя этого славянского «племени» в летописях не сохранилось: вероятно, оно фигурирует там как *мери* (Славяне в раннем средневековье. С. 218-229; Древнерусская народность. С. 145-158; Славяне. С. 388-397). Возможно, как считает В.В. Седов, славяне переняли этноним ассимилированных финнов. Но, на мой взгляд, более логично полагать, что *мерей* - это славянское «племя», дальше всего продвинувшееся на восток, в земли финнов (мери). Так стали называть его западные соседи, то есть это экзоэтноним, а настоящее имя этой славянской группировки нам неизвестно. Представители этого же славянского массива проникли в VII в. на территорию будущей Муромской земли, где ассимилировали финское племя *мурома* (Славяне. С. 397-402). Ранее о проживании в Ростово-Суздальской земле особой группы славянского населения на основе лингвистических материалов писали филологи³⁴, что нашло своё археологическое подтверждение.

В рамках этого же мощного миграционного потока пришли на север Восточной Европы и предки словен ильменских, создавшие в VIII-IX вв. в Приильменье культуру новгородских сопок, становление которой пока ещё изучено слабо. Ранее В.В. Седов полагал, что возникновение культуры новгородских сопок связано со второй, более поздней миграционной волной

из Повисленья (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 66), однако затем пересмотрел свой взгляд на эти древности и присоединился к И.В. Ислановой, полагающей, что их генезис связан с памятниками типа Юрьевской Горки в Удомельском Поозерье³⁵. По мнению Седова, предки создателей культуры сопок изначально проживали небольшими островками в среде носителей культуры длинных курганов, сохранив при этом, в отличие от последних, традиции пашенного земледелия, бытовавшего на их висленской прародине. В VII в. происходят потепление климата и снижение влажности, что способствовало распространению пашенного земледелия, ставшего основой экономики культуры сопок, о чём говорит топография её поселений. В этой связи в регионе Приильменя жители поселений типа Юрьевской Горки стали основой становления новой культуры и соответствующей ей этнокультурной общности, известной из русских летописей под именем *словен*, ассимилировав живших в этом районе носителей культуры длинных курганов (Славяне в раннем средневековье. С. 238-246; Древнерусская народность. С. 158-165; Славяне. С. 364-372).

Выводы Седова о том, что культуры длинных курганов и тушемлинская возникли в результате расселения выходцев из Средней Европы, сторонниками южного, «киевского» происхождения не опровергнуты. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасев указывают, что часть (но далеко не все!) вещей среднеевропейских типов была известна в Восточной Европе и ранее середины I тыс. н.э., в частности, благодаря памятникам киевской культуры, как и браслетообразные височные кольца³⁶. Но это не может поколебать построений В.В. Седова по существу, так как никоим образом не отменяет факта «взрывного» распространения в лесной зоне Восточной Европы не известных здесь ранее провинциально-римских артефактов в середине I тыс. н.э., отражавшего миграцию среднеевропейского населения.

Однако, вероятно, Седов несколько недооценивал южный, «киевский» культурный импульс, который также внёс свой вклад в становление тушемлинской культуры и культуры длинных курганов, проступающий в ряде их элементов³⁷. Если предположить, что и мигранты из Центральной Европы и носители древнейшей круга Заозерье-Узмень были представителями разных группировок славянства, а для такого вывода есть основания, так как и те и другие ведут своё начало от культуры подклёшевых погребений (подробнее - в части II), то нет ничего удивительного в том, что они относительно легко ассимилировались друг с другом и ассимилировали местных балтов и финно-угров.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что В.В. Седов вполне убедительно обосновал решающую роль мигрантов из Центральной Европы в формировании культур длинных курганов, тушемлинской и сомкнутых височных колец, но несколько недооценил вклад киевского населения и его потомков в их становление, который тоже был весьма важен.

Правоту выводов ученого подтверждают данные других наук: лингвистики, топонимики, антропологии и генетики. А.А. Зализняк показал родственность древненовгородского диалекта западнославянским (в первую очередь, лехитским) языкам, а также особую черту, выделяющую его на фоне всех славянских языков средневековья, – отсутствие в нём второй

палатализации³⁸. А поскольку датируется она временем до или около середины I тыс. н.э. (не позже VI-VII вв.)³⁹, то носители соответствующего диалекта должны были оторваться от остальных славян не позднее этого времени. Это предположение идеально согласуется с археологическими данными, которые, по мнению Седова, датируют приход славянских мигрантов на север будущей Руси из Средней Европы именно серединой I тыс. н.э. Ю. Удольф на основе гидронимических данных выявил в своё время один из путей славянской миграции - из Повисленья через Среднее Понеманье в Новгородско-Псковские земли⁴⁰. А Р.А. Агеева выделила в Новгородско-Псковской земле ряд славянских гидронимов, соответствующих, по С. Роспанду, зоне «А» – славянской прародине в Повисленье, где сосредоточены славянские гидронимы наиболее архаичных типов⁴¹. Причём выделенные Р.А. Агеевой по гидронимическому материалу регионы наиболее древней славянской колонизации Северной Руси совпадают с районами скопления ранних длинных курганов (бассейн реки Великой, земли в Южной Приильменье, район между Псковским и Чудским озёрами и рекой Лугой). Эти гидронимические данные указывают на очень раннее расселение славян в указанном регионе, происходившее тогда, когда были ещё продуктивны праславянские модели водных названий.

Важное значение имеют наблюдения Д.К. Зеленина о происхождении названия русских в языках их финно-угорских соседей, производного от традиционного экзоэтнонима балтийских славян *венеды*: «Знаменательно, что эсты называли вендами (Wene) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венеды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов»⁴².

Антропология свидетельствует о близости антропологических характеристик славян, земли которых прилегают к Балтийскому морю⁴³. Наконец, собранные Б. Малярчуком данные генетики свидетельствуют о сходстве псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки), что позволило исследователю сделать вывод о западных истоках генофонда северо-западных русских⁴⁴.

В IX в., по справедливому мнению В.В. Седова, словене, кривичи и носители культуры сомкнутых височных колец (меря) создали мощное предгосударственное объединение федеративного характера, ставшее, наряду с Русским каганатом на юге, одной из основ формирования Древнерусского государства (У истоков восточнославянской государственности. С. 100-142).

В последних работах Седова была выдвинута интересная и очень важная для понимания истории Восточной Европы накануне становления Древнерусского государства гипотеза относительно юго-восточной группировки славян, представленной в VIII - начале IX в. волынцевской культурой⁴⁵. По его мнению, этнонимом «волынцевцев» было имя *русь*, и именно они создали первое славянское протогосударственное образование Восточной Европы – Русский каганат, о котором долгие годы спорили истори-

ки⁴⁶. Поскольку волынцевская культура своим происхождением связана с именьковской, то начать рассмотрение концепции учёного логично именно с последней.

Именьковская культура существовала в Среднем Поволжье в IV-VII вв. Её носители первыми в регионе перешли к пашенному земледелию с широким набором культур и оказали значительное влияние на своих финно-угорских соседей. Они жили в полуземлянках, преимущественно на селищах (хотя имелись у «именьковцев» и городища), не знали гончарного круга и хоронили умерших по обряду трупосожжения (имеющиеся на именьковской территории труположения связаны с инфильтрацией в её ареал иноэтничного населения) в бескурганых могильниках. Долгое время исследователи пытались связать происхождение именьковской культуры или с местными финно-угорскими культурами, или с миграцией в регион тюрков, но ни первое, ни второе так и не было надежно доказано: ни в финно-угорских, ни в тюркских культурах не находилось многих важных элементов именьковской культуры⁴⁷. Переворот в этнокультурной атрибуции именьковского населения произвела в 1980-е гг. самарский археолог Г.И. Матвеева, сопоставившая материалы именьковской культуры с культурами полей погребений. Она пришла к выводу о том, что своим происхождением эта культура, как и предшествовавшие ей памятники славянского и лбищенского типов, связана с миграцией в Среднее Поволжье носителей зарубинецких (и наследующих им) и пшеворских древностей, в числе носителей которых большинство учёных ищет предков исторических славян⁴⁸.

При этом Матвеева обратила внимание на ряд параллелей между именьковской культурой и висленским регионом пшеворской культуры, основным населением которого, по мнению В.В. Седова, были славяне (подробнее - в части II). Это обстоятельство, а также очевидная близость в ряде важнейших элементов между именьковской культурой и достоверно славянскими древностями привели исследовательницу к выводу, согласно которому ее носителями были славяне⁴⁹. Все эти выводы были полностью поддержаны Седовым, который предположил, что основная масса мигрантов-славян прибыла в Среднее Поволжье преимущественно из верхнеднепровского региона черняховской культуры (связанного своим происхождением с пшеворской культурой) в результате гуннского нашествия. Как бы то ни было, а принципиально тезис о происхождении именьковского населения из ареала культур полей погребений после работ Г.И. Матвеевой и В.В. Седова является практически общепризнанным. При этом вопрос о конкретном районе или районах, где находилась прародина «именьковцев», пока до конца не ясен. Славянская атрибуция носителей именьковской археологической культуры находит своё полное подтверждение и в письменных источниках: арабским и хазарским источникам известны славяне на Средней Волге, с которыми можно связывать только потомков именьковского населения⁵⁰, оставшегося в Среднем Поволжье после ухода оттуда основной массы «именьковцев» и вошедшего в состав населения волжской Болгарии⁵¹. Именно она и стала преобладающей в современной историографии⁵².

В.В. Седов предпринял попытку подкрепить обоснование славянской этнической атрибуции «именьковцев» доказательством генетической связи их культуры с волынцевской культурой днепровского левобережья VIII – начала IX в., охватывавшей и узкую полосу правобережья в районе Киева. Как известно, в конце VII в. именьковская культура прекратила своё существование, причём произошло это не в результате военного разгрома. Поселения были просто оставлены населением, которое куда-то ушло. Куда? Ответ на этот вопрос привёл Седова к детальному обоснованию гипотезы о том, что ушли «именьковцы» на юго-запад – на земли современной левобережной Украины. Там они стали ядром формирования волынцевской культуры, в состав носителей которой вошли также в качестве субстрата носители местных культур – пеньковской и колочинской (Очерки по археологии славян. С. 49-66; Славяне в древности. С. 309-315; Славяне в раннем Средневековье. С. 193-197; Древнерусская народность. С. 50-62; Славяне. С. 245-255).

Первое сопоставление памятников именьковской и волынцевской культур было предпринято А.П. Смирновым. Ученый произвел детальное сравнение глиняной посуды и погребальной обрядности Рождественского могильника именьковской культуры с соответствующими материалами Волынцевского поселения и могильника, показавшее их соответствие. Сам он, правда, датировал именьковскую культуру IV-V вв. и считал ее финно-угорской, а Рождественский могильник относил к более позднему времени (VI-VIII вв.) и считал его независимым по отношению к ней памятником, связанным с миграцией в Среднее Поволжье славян с левобережья Днепра⁵³. Ныне принадлежность Рождественского могильника к именьковской культуре не вызывает сомнений, как и то, что он предшествовал Волынцевскому, а не наоборот. В соответствии с этим В.В. Седов как бы «развернул» выводы А.П. Смирнова.

Исследование Седова показало, что волынцевские традиции являются продолжением именьковских:

- в фактуре теста, технологии производства глиняной посуды и ее формах (сопоставимы именьковские и волынцевские горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками, миски, сковородки), а также орнаментации сосудов (для обеих культур единственным орнаментом оказываются пальцевые вдавления по венчику);

- в устройстве жилищ и ям-кладовок: для обеих культур характерны опущенные в грунт строения каркасно-столбовой (большинство) и срубной (меньшинство) конструкции, ямы-кладовки колоколовидной или цилиндрической формы, обмазанные глиной;

- в погребальном обряде для обеих культур характерны грунтовые могильники с захоронениями по обряду трупосожжения на стороне;

- в экономической жизни «именьковцы» и «волынцевцы» использовали одни и те же сельскохозяйственные орудия, культивировали одни и те же растения, выращивали одних и тех же животных, одинаковой была у них доля животноводства и охоты в хозяйственной жизни (Очерки по археологии славян. С. 59-63; Славяне в раннем средневековье. С. 194; Древнерусская народность. С. 194).

Выводы В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур были поддержаны многими ведущими специалистами по археологии днепровского левобережья⁵⁴, но нашлись у ученого и оппоненты. Так, О.В. Сухобоков продолжил отстаивать старую позицию об автохтонном формировании волынцевской культуры⁵⁵, которую разделял некогда и сам Седов (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 137-138). Но ныне эта версия, по инерции отстаиваемая Сухобоковым, очевидно, устарела. Это видно по тому, что все остальные оппоненты В.В. Седова также рассматривают волынцевскую культуру как пришедшую в район днепровского левобережья извне, только исходный регион миграции «волынцевцев» они определяют иначе, чем он. Естественно, в волынцевской культуре имеются и местные (пеньковские и колочинские) элементы, что не удивительно, ведь местное население в качестве субстрата вошло в состав её носителей, но отнюдь не их традиции определяли лицо новой культуры.

Иную концепцию генезиса волынцевской культуры выдвинули И.О. Гавритухин и А.М. Обломский, по мнению которых она сформировалась в результате миграции населения с правобережья Днепра⁵⁶, сопровождавшейся гибелью значительной части элиты пеньковско-колочинского общества (появление волынцевской культуры сопровождается обильным выпадением кладов в пеньковско-колочинском ареале). Основным аргументом исследователей является распространение в южной части волынцевской культуры глиняных печей, прототипы которых они ищут на правом берегу Днепра. В.В. Седов дал своим оппонентам аргументированный ответ: «Мысль о западном происхождении пришлого населения покоится исключительно на распространении в южной части волынцевской культуры глиняных печей. Но таким образом можно было бы еще решить вопрос о происхождении отопительных устройств волынцевских жилых построек, но никак не проблему происхождения всей культуры, которая требует анализа всего комплекса составляющих ее элементов. Вопрос об истоках глиняных печей волынцевской культуры решается И.О. Гавритухиным и А.М. Обломским довольно поверхностно. Действительно, подобные печи выявлены на поселениях второй половины V-VI в. в верховьях Западного Буга, Сана и Горыни. Но в следующих столетиях они здесь выходят из употребления; по-видимому, на их основе формируются круглые глинобитные печи, которые никак не могли быть прототипами волынцевских глиняных печей. На основной части Правобережной Украины и в Молдавии и в V-VII вв., и позднее господствовали печи-каменки (Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // Свод археологических источников. Вып. Е1-32. Л., 1975). Глиняные печи, наряду с другими типами отопительных устройств, выявлены на поселениях VIII-IX вв. Киевщины и Каневщины. Но это ведь ареал волынцевской культуры» (Древнерусская народность. С. 84. Прим. 72).

Со своей стороны мы можем привести ещё два контраргумента к гипотезе И.О. Гавритухина и А.М. Обломского:

- для волынцевской культуры были характерны исключительно бескурганые могильники, в то время как на правобережье Днепра уже с VI-VII вв. получил широкое распространение курганный обряд погребения, доля которого непрерывно возрастала;

- налицо и серьезные различия между волынцевской культурой и синхронной ей славянской культурой днепровского правобережья типа луки-райковецкой. Уровень волынцевской культуры был выше в ряде отношений. Достаточно сказать, что «волынцевцы» знали гончарный круг, а их правобережные соседи – нет, он появился у них только в конце IX в.⁵⁷ Первая гончарная керамика, выявленная на правобережье в районе Киева и относящаяся к IX в., связана с проникновением сюда носителей волынцевской культуры⁵⁸.

Таким образом, именно гипотеза В.В. Седова о формировании волынцевской культуры в результате миграции «именьковцев» является на сегодняшний день наиболее обоснованной. Тем более что она одна даёт ответ на вопрос о том, куда ушла большая часть «именьковцев»: никаких иных культур, кроме волынцевской, которые могли бы претендовать на статус «именьковских наследников», нет в принципе, хотя понятно, что бесследно исчезнуть «именьковцы» не могли и, покинув Среднее Поволжье, должны были где-то вскоре появиться. Между двумя культурами налицо хронологический стык: в конце VII в. исчезает одна, а в начале VIII в. появляется другая.

Думается, мне удалось найти дополнительный важный аргумент в пользу позиции В.В. Седова о генетической связи именьковской и волынцевской культур. Как известно, носители развившейся из волынцевской роменской культуры (IX-X вв.) в древнерусских летописях именовались *северянами*. Аналогичный этноним обнаруживается в Среднем Поволжье: в письме хазарского царя Иосифа (середина X в.) в перечне поволжских этнонимов фигурируют два близких этнонима: *С.вар* и *С.в.р.* (*Суур*). Один из них обычно отождествляют с суварями, а второй – с восточноевропейскими северянами, но источник не даёт для последнего ни малейших оснований, чётко помещая соответствующий этнос на берегах Атила (Волги). Соответственно, речь тут идёт не о северянах Юго-Восточной Европы, а об их родственниках, оставшихся на средневожской прародине⁵⁹. Весьма интересно в этом контексте известие ПВЛ, согласно которому северяне происходят от кривичей, то есть переселились некогда с севера⁶⁰. Византийским источникам известны также *северяне* в Подунавье. Очевидно, что это осколок древнего праславянского «племени», одна из частей которого в ходе бурных событий эпохи Великого переселения народов оказалась на Средней Волге, а другая - на Дунае. Подобной была судьба и многих других праславянских этнонимов, которые вместе с расселением их носителей распространялись по Европе: хорваты, дулебы и т. д.⁶¹ Существующая в историографии гипотеза о происхождении *северян* днепровского левобережья от дунайских *северян*⁶² лишена, на мой взгляд, достаточных оснований.

Сам Седов, не привлекая к делу *северян* из письма Иосифа, в 1995 г. чисто логически предположил, что этноним *северяне* был принесён в днепровское левобережье именно мигрантами-«именьковцами» (Славяне в раннем средневековье. С. 197), однако впоследствии совершенно напрасно, на мой взгляд⁶³, отказался от этой идеи и стал утверждать, что самоназванием «волынцевцев», а ранее «именьковцев» было имя *русь*, которое они, подобно таким этнонимам, как *сербы*, *хорваты* и т. д., переняли у ира-

ноязычных народов в рамках полиэтничной черняховской общности, в то время как этноним *северяне* был именем местного пеньковского населения, влившегося в состав носителей волынцевской культуры (Древнерусская народность. С. 50-82; Славяне. С. 255-295).

Именно волынцевская культура, по В.В. Седову, представляла собой извещный по арабским и западноевропейским источникам Русский каганат, наследницей которого стала Киевская Русь. По справедливым словам Е.С. Галкиной, работа ученого стала «первой попыткой локализации Русского каганата как самостоятельного сильного государства на основе комплексного использования данных археологии, нумизматики, лингвистики и аутентичных письменных источников. Автор верно отметил один из главных просчётов своих предшественников и оппонентов: информация о русах, содержащаяся в арабо-персидских и византийских источниках IX-XII вв., обычно рассматривается суммарно, без выделения исторических периодов. Хотя этнокультурная карта Восточной Европы начала IX в. очень отличалась от следующих столетий»⁶⁴.

Эта гипотеза учёного вызвала критику со стороны «норманистов» – сторонников северной (в Ладоге, на Рюриковом городище, на Верхней Волге и т. д.) локализации Русского каганата и отождествления ранних русов со скандинавами⁶⁵. Седов дал обстоятельный ответ на их весьма тенденциозную критику, указав, что:

- до 60-х гг. IX в. в материалах Рюрикова городища нет и намёка на проживание в нём скандинавов, в то время как древнейшее упоминание о Русском каганате относится к 839 г.;

- никакого скандинавского компонента на поселениях Холопий Городок, городище на р. Сясь, Новые Дубовики, Камно, Изборск, Псков (до 860-х гг.) не обнаруживается;

- утверждение К. Цукермана о тотальной войне, уничтожившей все поселения, «которые, судя по находкам скандинавского и восточного происхождения, относились к Русскому каганату», является полной фантазией: скандинавских следов на указанных выше поселениях нет, а находки восточных импортов никоим образом не могут быть истолкованы как доказательство пребывания на них скандинавов, они говорят о торговых связях местного населения. Прекращают функционировать эти поселения не одновременно, а в разное время;

- Ладога была сравнительно небольшим поселением и никак не могла претендовать на статус центра Русского каганата. Фактически полное отсутствие скандинавских древностей на севере Руси до середины IX в. где-либо, кроме Ладоги (кресало и топор скандинавских типов найдены также на Сарском городище, но делать на этой основе вывод о проникновении туда норманнов невозможно), говорит о том, что она в тот период была конечным пунктом их военно-торговой активности на востоке Балтики;

- на ранних восточных монетах (до середины IX в.) нет скандинавских граффити, это подтверждает, что в тот период скандинавы почти не принимали участия в восточноевропейской торговле;

- ранние восточные источники, проанализированные А.Н. Поляком⁶⁶, локализуют русов именно на юго-востоке Европы;

- памятник IX в. «Баварский географ» локализует русов между хазарами с одной стороны и полянами и древлянами – с другой (*Caziri* – хазары, *Forsderen liudi* – по Й. Херрманну, искажённое древневерхненемецкое *Foristari liudy*, т.е. «лесные жители» – древляне, *Fresiti* соответствует древневерхненемецкому *Freisassen* – «свободные жители» – поляне), что полностью соответствует территории волынцевской культуры;

- ранние византийские источники («Житие Георгия Амастридского» и т. д.) помещают русов в Причерноморье (О русах и Русском каганате IX в.).

Аргументация В.В. Седова совершенно правильна, и она может быть усилена. Со своей стороны добавим, что:

- титул «каган» принадлежал степному региону, где обозначал высшего властителя, приравниваемого в представлениях кочевников к китайскому и византийскому императорам. Только там он был понятен и имел смысл. Его появление на севере Восточной Европы либо в циркумбалтийском регионе и закрепление там совершенно невероятны – там он ничего не значил и был непонятен. Это всё равно что появление титула «герцог» в Китае;

- в так называемой «Анонимной записке» – арабском историко-географическом памятнике начала IX в., описывающем степной пояс Евразии⁶⁷, народы этого региона перечисляются и описываются в определённой последовательности (отражающей, видимо, путь путешественника): гузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, буртасы, болгары, мадьяры, славяне, русы, которыми правит каган (знаменитая «джазира русов», которую иногда поверхностно переводят как «остров», хотя так могли именоваться и полуостров, и междуречье, и просто земли у вод), сарир, аланы. Как видим, русы с каганом во главе чётко помещены источником на юго-востоке Европы, помещать же их где-либо на севере можно только путём полного отрыва от источника.

Добавим к этому, что скандинавская этимология имени *русь* безосновательна и не выдерживает ни лингвистической, ни исторической критики⁶⁸. В частности, несмотря на все старания, так и не найден его скандинавский прототип.

Весьма важным представляется и следующий вывод Седова: ареал волынцевской культуры совпадает с территорией так называемой *Русской земли* в «узком» смысле, очерченной по летописным данным⁶⁹ и, очевидно, представлявшей собой древнейший очаг распространения соответствующего этнонима в Восточной Европе (Седов В.В. Древнерусская народность. С. 77-80; Славяне. С. 269-272). Значение этого наблюдения сложно переоценить. Ранее Б.А. Рыбаков связывал территорию *Русской земли* в «узком» смысле с ареалом «антских» кладов, представленных пальчататыми фибулами и другими предметами, но, как теперь мы знаем, выпадение этих кладов было связано с экспансией «волынцевцев». Поэтому неудивительно, что их ареал совпадает с территорией волынцевской культуры и, как следствие, *Русской земли* в «узком» смысле⁷⁰.

Уже после смерти В.В. Седова вышла статья С.В. Воронятова. Она любопытна тем, что автор открыто декларирует свою идейно-политическую тенденциозность. Он пишет: «В последнее время, когда на волне возрождаемого на государственном уровне почвеннического патриотизма концепция “норманнской Руси” стала подвергаться резкой критике, мнение

В.В. Седова о том, что ВК – это археологические следы Русского каганата, может быть использовано “новыми антинорманистами” как весомое дополнение к их аргументации. Поэтому необходимо рассмотреть основания предложенной В.В. Седовым концепции» (курсив мой. – М.Ж.). Тем самым он намеренно политизирует чисто научный вопрос и фактически выводит своих оппонентов за рамки науки. Также он беспокоится о том, как бы «ошибочное», по его мнению, «историческое направление, заданное в 1998 г., не получило распространения в хрестоматийных изданиях и школьных учебниках»⁷¹. Видимо, по мнению Воронятова, в «хрестоматийных изданиях и школьных учебниках» должны быть представлены взгляды только его и его единомышленников.

Он предпринял попытку показать, что расположенное в волынцевском ареале городище Битица представляя собой административный центр Хазарского каганата в славянских землях, где хазарскими мастерами производилась гончарная керамика – характерный атрибут волынцевских памятников. Соответственно, территория волынцевской культуры – это, по Воронятову, зона, подвластная хазарам (хотя корректнее было бы говорить о салтовском влиянии, так как соотношение салтовской культуры и Хазарского каганата – вопрос дискуссионный)⁷². Эти тезисы, на мой взгляд, ничем не обоснованы. Во-первых, волынцевская гончарная керамика отнюдь не тождественна по своим формам салтовской, и для вывода о производстве её салтовскими мастерами нет достаточных оснований. Можно говорить только о салтовском влиянии на керамический комплекс волынцевской культуры (как и на другие стороны жизни «волынцевцев», которым многое дало соседство с более развитой салтовской культурой), в первую очередь – технологическом. В частности, нельзя исключать, что именно с салтовским влиянием связано появление у «волынцевцев» гончарного круга, но салтовская и волынцевская круговая керамика отнюдь не тождественны. Последняя имеет свои прототипы в именьковских сосудах, а вовсе не среди салтовской керамики.

Во-вторых, если не пускаться в гипотетические рассуждения, исходящие из априорного понимания общеисторической ситуации, то из присутствия в Битице определённых кочевнических элементов нельзя сделать каких-либо иных выводов, кроме того, что в волынцевском ареале проживали какие-то группы кочевнического населения, происхождение которых до конца не ясно. Они могли быть автохтонами, проживавшими островками в волынцевском ареале, могли быть выселенцами из степных районов, а могли прийти в общем потоке именьковской миграции из Поволжья, будучи увлечены славянами (В.В. Приймак отметил близость кочевнических материалов Битицы к материалам некоторых групп поволжских болгар, из чего сделал вывод о том, что кочевники, жившие в Битице, – выходцы из Поволжья⁷³). Вот, собственно и всё, на что нас уполномочивают источники. На рассмотрение Битицы как хазарского опорного пункта они прямых оснований не дают⁷⁴. Характерно и отсутствие на территории волынцевской культуры салтовских труположений, что указывает на то, что люди, пользовавшиеся здесь более качественным, чем славянское, салтовским оружием, были, в том числе и в Битице, в основном славянами, в среде

которых могло быть какое-то количество выходцев из степных регионов. Даже сторонники гипотезы о Битице как хазарском административном центре в славянских землях вынуждены признать, что воины, вооружённые салтовским оружием, но похороненные по чуждому для «салтовцев» славянскому обряду трупосожжения, «не могут отождествляться с алано-болгарами напрямую»⁷⁵.

В завершение С.В. Воронятов вслед за некоторыми другими авторами утверждает, что в первой половине IX в. Битица была разрушена «норманнами-русами», после чего их предводители стали именовать себя каганами. Он утверждает, что «на место "Русского каганата" сейчас обоснованно претендует территория, не сводимая к рамкам одной единственной археологической культуры – область, контролируемая норманнами-русами после разгрома Битицкого городища, включающая изначально бассейн Волхова с исходным центром южных походов и попавшую под их власть в первой половине IX в. территорию Среднего Поднепровья с левобережными бассейнами Десны, Сейма, Сулы и Псла, откуда шли пути на Дон вплоть до Азовского моря и далее на Кавказ»⁷⁶. Учитывая то, что, как справедливо отметил В.В. Седов, до 860-х гг. никаких реальных следов пребывания норманнов где-либо в Восточной Европе, кроме Ладоги, не существует (О русах и Русском каганате IX в. С. 4-8), захватывающую сагу о приключениях «норманнов-русов» на юге Восточной Европы в первой половине этого столетия невозможно назвать иначе, как заведомой фантазией. Тем более, в пользу предположения о разгроме ими Битицы нет ни малейших, даже косвенных данных.

Всё сказанное, впрочем, не отменяет сильного влияния более развитой салтовской культуры на волынцевскую. Вот только его историческая интерпретация может быть различной, тем более что связь салтовской культуры с Хазарским каганатом со времени работ И.И. Ляпушкина находится под большим вопросом.

С принципиально иных позиций к концепции Русского каганата В.В. Седова подошла Е.С. Галкина. Также локализуя Русский каганат на юго-востоке Европы, исследовательница отметила, что:

- Седов не произвел сопоставление погребального обряда русов с каганом во главе, который описан в арабских источниках (захоронение по обряду ингумации в «могиле наподобие большого дома»), и волынцевской культуры (трупосожжение);

- учёный не объяснил, почему на территории Русского каганата (если это волынцевская культура), вступившего в борьбу с Хазарией, отсутствуют укрепленные поселения, что говорит о мирной жизни «волынцевцев». Более того, носители салтовской (хазарской, по В.В. Седову) и волынцевской культур, судя по археологическим данным, достаточно активно общались, причем волынцевская культура находилась под серьезным влиянием более развитой салтовской;

- трактуя находимые на юго-востоке Европы «варварские подражания» арабским дирхемам как монеты Русского каганата (Древнерусская народность. С. 75-76; Славяне. С. 289-293), он за счет нумизматических находок существенно расширяет границы гипотетического Русского каганата

на восток в сравнении с ареалом волынцевской культуры и размещает центр монетного производства вдали от основной территории культуры. В результате «монетный двор» волынцевской культуры оказывается фактически отрезанным от ее центра вражескими (хазарскими) крепостями. Разумеется, такое было бы совершенно нереально⁷⁷.

Учитывая все эти факты, а также то, что восточные авторы обычно разделяли русов и славян, Е.С. Галкина не согласилась с концепцией Русского каганата Седова. Более перспективной, на её взгляд, является позиция украинского археолога Д.Т. Березовца, отождествившего русов древнейших восточных источников с аланами – носителями салтово-маяцкой археологической культуры верховьев Северского Донца, Оскола и Дона⁷⁸. Эта концепция, тезисно изложенная автором, ныне нашла свое детальное обоснование и развитие в работах Е.С. Галкиной⁷⁹. Если, согласно Березовцу, салтовские аланы-русы были вассалами Хазарии, то, по мнению Галкиной, ими было создано независимое по отношению к ней раннегосударственное объединение – Русский каганат. Исследовательница справедливо подчёркивает, что принятие правителем русов титула «каган», считавшегося в степном регионе наивысшим, указывает не просто на независимость возглавляемого им политического объединения, но и на его претензии на первенство в регионе Юго-Восточной Европы⁸⁰. В состав этого раннегосударственного образования входили, по Е.С. Галкиной, и славяне-«волынцевцы», чем и объясняются их мирные и весьма тесные взаимоотношения с «салтовцами», фиксируемые по археологическим данным⁸¹.

Ещё И.И. Ляпушкин показал, что для вывода о зависимости алан-«салтовцев» от хазар нет равным счётом никаких оснований⁸² и данная гипотеза держится лишь на общих априорных представлениях об исторической географии Юго-Восточной Европы, согласно которым там существовало только одно мощное государство – Хазария, соответственно салтовские аланы не могли не находиться в зависимости от неё, а больше ни на чём. Гораздо логичнее полагать, что у этих алан была собственная раннегосударственная организация, не имевшая отношения к Хазарии.

На мой взгляд, на сегодняшний день именно концепция Русского каганата Березовца-Галкиной является наиболее обоснованной⁸³, так как четко соответствует локализации русов в древнейших восточных источниках, объясняет последовательное противопоставление восточными авторами славян и русов как двух разных этносов (в рамках концепции В.В. Седова этот момент труднообъясним) и снимает остальные слабости построений учёного: описание арабскими авторами погребального обряда русов, которыми правит каган, в точности соответствует катакомбным погребениям салтовской культуры; находит свое объяснение симбиоз «салтовцев» и «волынцевцев», между которыми, по всей видимости, существовал взаимовыгодный союз; находит свое объяснение расположению «монетного двора» Юго-Восточной Европы. Ни славяне, ни хазары не испытывали потребности в чеканке монет: первые жили натуральным хозяйством, вторые – транзитной торговлей. Совсем другое дело – общество салтовских алан-русов с производящей экономикой. Прекрасно объясняется в рамках концепции Е.С. Галкиной и совпадение ареала волынцевской культуры с

территорией *Русской земли* «в узком смысле»: «волынцевцы» входили в Русский каганат и усвоили наименование *русов*. После падения этого раннегосударственного образования в середине IX в. волынцевская элита, вероятно, считала себя его наследником. Именно волынцевская культура стала ретранслятором наследия аланского Русского каганата в восточнославянский мир и связующим звеном между ним и Киевской Русью.

Разумеется, все сказанное не означает, что построения Е.С. Галкиной не могут быть оспорены, но на данном этапе более обоснованного отождествления Русского каганата письменных источников с археологическими реалиями я не вижу. При этом отмечу, что концепция В.В. Седова прекрасно вписывается в них в качестве важной составной части и, безусловно, как этап в решении проблемы оказалась исключительно важна.

Накануне формирования Древнерусского государства славяне Юго-Восточной Европы, представленные волынцевской и генетически связанными с ней культурами летописных северян, вятичей и радимичей (поляне, изначально относящиеся к луки-райковецкой культуре, также испытали мощное волынцевское влияние), ощущали сильное влияние салтовских алан, именовавшихся, очевидно, русами, и вошли в состав их государственного объединения – Русского каганата, переняв этноним *русь*. Вклад В.В. Седова в становление этой комплексной концепции Русского каганата, в осмысление его связи со славянами и Киевской Русью – огромен, а его открытие совпадения ареалов волынцевской культуры и *Русской земли* в «узком» смысле является важнейшим за последнее время шагом в понимании пространства этнонима *русь* в славянском мире.

Весьма важны и наблюдения ученого о жизни западных соседей «волынцевцев» – носителей пражской и развившейся из неё на правобережной Украине луки-райковецкой культуры, соответствовавшей, по мнению учёного, *дулебам* русских летописей. Расселившись на обширных пространствах, они оказались разделены лесными массивами и болотами. В результате такого географического разделения началось постепенное обособление четырёх славянских культурных массивов, соответствующих летописным *полям*, *древлянам*, *дреговичам* и *волынцам*. В.В. Седов обратил внимание на то, что только в этом регионе Восточной Европы славянские этнополитические союзы именовались по географическому принципу: «жители поля» (*поляне*), «жители лесов» (*древляне*), «жители болот» (*дреговичи*), «жители равнинной страны» (*волынцы*), так как путь их становления отличался от пути становления славянских этнополитических других регионов Восточной Европы. Они возникли на основе территориального размежевания разных групп луки-райковецкого населения (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 90-119; Славяне в раннем средневековье. С. 360-363; Древнерусская народность. С. 41-50; Славяне. С. 320-321). Эта археологическая картина постепенного распада луки-райковецкой культуры находит подтверждение в арабских известиях о древнем славянском народе *Влинана/волынцах*, от которого произошли другие славянские народы, и в сообщении Баварского географа о происхождении славян из земли *Сериван (Zerivani)/червян* (Червень – город на Волини)⁸⁴. Видимо, именно на Волини находился древний политический центр луки-райковецкого ареала⁸⁵.

Таким образом, славянское население Восточной Европы к IX-X вв. было весьма неоднородным. Какие же факторы обусловили сближение разных по своему происхождению славянских этнополитических единиц (летописных *кривичей, полян, древлян* и т. д.) и формированию из них древнерусской народности? В.В. Седов выделил следующие обстоятельства, которые привели к такому результату:

- в VIII-IX вв. происходит инфильтрация в Восточную Европу славян из Подунавья, затронувшая значительную её часть, вызванная, по всей вероятности, приходом на Дунай авар и болгар, а затем наступлением франков с запада. Она нашла отражение в распространении в регионе целого ряда характерных для дунайских земель артефактов (серьги, лунницы, височные кольца и другие украшения дунайских типов, железные ножи с рукоятками, оформленными волютообразными завершениями, определённые типы удил, нагрудные кресты с так называемым грубым изображением Христа и т. д.). Возможно, именно с этой инфильтрацией дунайских славян в Восточную Европу связана легенда ПВЛ о дунайской прародине славян. Вероятно, именно они принесли в Восточную Европу обряд труположения, который появился здесь до крещения Руси, а также распространение гончарной керамики. Именно широкая инфильтрация в Восточную Европу дунайских славян стала первым толчком к началу нивелирования различий между её славянскими обитателями (Древнерусская народность. С. 183-204; Славяне. С. 531-551);

- в IX-XI вв. происходит становление древнерусского дружинного сословия, которое вырабатывает свою специфическую, единую для всей Руси «надплеменную» культуру. Дружинники киевских князей выходят за рамки своих этнополитий, порывают с ними. Это становится вторым толчком к унификации славянского населения Восточной Европы и ассимиляции остатков неславянских этнических элементов региона (Восточные славяне в VI-XIII вв. С. 248-256; Славяне в раннем средневековье. С. 374-375; Древнерусская народность. С. 204-2143; Славяне. С. 551-563);

- становление восточнославянских городов, начавшееся в VIII в., приводит к выработке единой для всей территории Руси городской культуры, также «надплеменной» по своей сути. В свою очередь города влияют на сельскую местность, вызывая повсеместную цепную реакцию распада привычных общественных структур (Славяне в раннем средневековье. С. 375-377; Древнерусская народность. С. 214-217; Славяне. С. 563-567);

- принятие Русью христианства унифицирует её религиозную жизнь, стирая различия между культурами разных славянских этнополитических союзов (Славяне в раннем средневековье. С. 377-378; Древнерусская народность. С. 217-218; Славяне. С. 567-568);

- объединение всех восточных славян в рамках одного государства привело к деструкции старых славянских общественных и политических структур и к замене их новыми, государственными, едиными для всей Руси, что обеспечило быструю нивелировку «племенных» различий (Славяне в раннем средневековье. С. 378; Древнерусская народность. С. 218-219; Славяне. С. 568-570).

Вопреки получившим распространение в современной белорусской, российской и украинской исторической науке построениям, отрицаю-

щим с тех или иных позиций существование древнерусской народности⁸⁶, В.В. Седов убедительно показывает, что её существование – реальный факт, нашедший отражение в археологических (сложение единой древнерусской культуры), лингвистических (сложение единого древнерусского языка, которого не могут отменить некоторые диалектные различия) и письменных источниках (летописи, «Слово о законе и благодати», «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и др.), надёжно зафиксировавших самосознание древнерусской народности, осознание единства в её рамках всех восточных славян, невзирая на политические границы между отдельными древнерусскими землями (Древнерусская народность. С. 180-183; 219-222; Славяне. С. 525-531; 570-574). Именно эта этническая общность стала общим предком четырёх современных восточнославянских народов: белорусов, русских, русинов и украинцев. Близкие к позиции ученого взгляды отстаивает и П.П. Толочко⁸⁷.

Исключительно большое значение для понимания общественно-политического развития Руси имеют наблюдения Седова о существовавшей корреляции между восточнославянскими этнополитическими союзами и землями Древней Руси XI-XIII вв., которая часто отрицается в историографии. Учёный обращает внимание на то, что в свете данных археологии разные летописные «племена» не были одинаковыми по своей социально-исторической природе: одни – кривичи, словене ильменские, юго-восточная группа славян, представленная волынецкой культурой – обладали этнографическим и диалектным единством, в то время как поляне, древляне, дреговичи и воляняне представляли собой территориальные новообразования, появившиеся в ходе обособления отдельных групп луки-райковецкого населения. География древнерусских земель, по мнению Седова, коррелирует именно с первой группой восточнославянских этнополитических союзов (Древнерусская народность. С. 233):

- Новгородская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания словен;

- Псковская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания псковских кривичей;

- Ростово-Суздальская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания славян – носителей культуры сомкнутых височных колец;

- Полоцкая и Смоленская земли сложились преимущественно на основе территории проживания смоленско-полоцких кривичей;

- Киевская земля в своём первоначальном «широком» виде сложилась преимущественно на основе территории проживания дулебов;

- Туровская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания дреговичей;

- Воынская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания волянян;

- Галицкая земля сложилась преимущественно на основе территории проживания хорватов;

- Черниговская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания славян – носителей воынецкой культуры и развившихся на её базе культур (северяне, радимичи, вятичи, донские славяне);

- Муромская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания обособившейся группировки славян – носителей культуры сомкнутых височных колец;

- Рязанская земля сложилась преимущественно на основе территории проживания проникших сюда и обособившихся носителей волынцевской культуры (Древнерусская народность. С. 233-253).

Получается, что произошедшая в Восточной Европе на рубеже X-XI вв. смена этнополитонимии (*поляне-кияне, словене-новгородцы, кривичи-смоляне* и т.д.), на которой я не раз акцентировал внимание⁸⁸, представляла собой не что иное, как отражение процесса перестройки общества на новых, территориально-городских началах, при сохранении древних границ между разными восточнославянскими этнополитиями, ставшими базой территориального размежевания формировавшихся на их основе городов-государств Древней Руси.

Подмечает В.В. Седов и соотношение между восточнославянским «племенным» делением, как оно рисуется по данным археологии, и диалектной картой восточного славянства:

- группировка славян, пришедшая из Центральной Европы и расселившаяся в середине I тыс. н.э. в лесной зоне Восточной Европы, заложила основы будущего северновеликорусского наречия;

- носители волынцевской культуры стали преимущественно предками людей, говорящих на южновеликорусском наречии;

- анты и дулебы стали преимущественно предками украинцев;

- Верхнее Поднепровье и Подвинье до прихода славян было заселено балтами. Значительный балтский субстрат придал своеобразие языку и культуре поселившихся здесь славян, ставших впоследствии основой белорусского народа (Древнерусская народность. С. 253-274).

В работах В.В. Седова перед нами рельефно предстаёт яркая, сложная и неоднозначная история славянского освоения Восточной Европы, становления древнерусской народности и государственности. Какие-то построения учёного могут быть скорректированы, но общая картина, им нарисованная, вряд ли может быть всерьёз оспорена на современном этапе развития науки, будучи прочной основой дальнейших исследований в соответствующих областях.

(Продолжение следует).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кузьмин А.Г. Учёные мнения и легенды о славянской прародине // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 2001. С. 5. Ср. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. I. Кн. 1. М., 1847; Т. I. Кн. 2. М., 1847; Т. II. Кн. 1. М., 1847; Т. II. Кн. 2. М., 1847.

2. Учёный до мозга костей. Интервью с В.В. Седовым // ПГ. 2003. № 43 (164).

3. См., напр.: Седов В.В. Юбилейный вандализм // ПГ. 2004. № 38 (208).

4. Валентин Васильевич Седов: биобиблиографический указатель / Рос. акад. наук, Ин-т археологии / Сост. Н.В. Лопатин. М., 1999; Макаров Н.А. Валентин Седов // На рубеже тысячелетий. Книга о людях культуры и ис-

куства. Псков, 2002; Валентин Васильевич Седов / Сост. В.Е. Родникова. Вступ. ст. Н.А. Макарова / РАН. Материалы к биобиблиографии учёных: Исторические науки. Вып. 28. М., 2004 (далее – Валентин Васильевич Седов); Валентин Васильевич Седов // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В.В. Седова. М., 2004; Седов Валентин Васильевич. Некролог. Коллеги и ученики // РА. 2004. № 4; *Чернецов А.В.* Валентин Васильевич Седов // РА. 2004. № 4; *Игнатъева В.П.* Слава его мало волновала... // ПП. 2004. 14 октября; Памяти В.В. Седова // Славяноведение. 2005. № 4; *Белецкий С.В., Щеглова О.А.* Светлой памяти М.В. и В.В. Седовых // Stratum plus. 2005-2009. № 5; Памяти В.В. Седова: умер бессменный часовой Пскова // ПГ. 2004. № 38 (208); «Это был очень серьезный ориентир в нашей жизни». Псковские коллеги вспоминают В.В. Седова // ПГ. 2004. № 38 (208); *Завьялов В.И.* Памяти В.В. Седова // КСИА. 2005. Вып. 218; *Лобутина И.К.* В.В. Седов и Псковский край // АИППЗ. Материалы 50-го научного семинара. 2004; *Она же.* Об одном из последних выступлений В.В. Седова в защиту археологического наследия // Изборск и его округа. Материалы II Международ. науч.-практ. конф. Изборск, 2006; *Лопатин Н.В.* Слово о В.В. Седове // АО 2004 г. М., 2005; *Кирпичников А.Н.* Слово о В.В. Седове // АИППЗ. Материалы LI научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова. 2006; *Белецкий С.В.* Как начинался Псковский семинар // Там же; *Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Лопатин Н.В., Седов Вл. В.* Последняя книга академика В.В. Седова. Вместо заключения // Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. М., 2007; *Гайдуков П.Г.* К выходу в свет книги В.В. Седова «Изборск в раннем средневековье» // Изборск и его округа: материалы международной научно-практической конференции, 2007-2008 гг. Изборск, 2009; *Харлашов Б.Н. и др.* Семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» имени академика В.В. Седова // ВРГНФ. 2007. № 3 (48).

5. Работы В.В. Седова. Часть 1. 1950-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/460329.html> (дата обращения: 28.10.2012).

Часть 2. 1960-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/461101.html>

Часть 3. 1970-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/462580.html>

Часть 4. 1980-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/463704.html>

Часть 5. 1990-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/464060.html>

Часть 6. 2000-е гг.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/464143.html>

6. Здесь и далее все факты биографии В.В. Седова даются по изданию: Валентин Васильевич Седов (Сост. В.Е. Родникова) и другим работам, указанным в примечании 4.

7. Учёный до мозга костей. Интервью с В.В. Седовым.

8. *Седов В.В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. 50; *Он же.* Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.) // КСИИМК. 1954. Вып. 53.

9. *Чернецов А.В.* Валентин Васильевич Седов. С. 5.

10. Там же. С. 6.

11. Там же.

12. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. I: Проблемы славянской археологии. М., 1997; Т. II: Славянский средневековый город. М., 1997; Т. III: Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997; Т. IV: Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998; Т. V: История и культура древних и средневековых славян. М., 1999.

13. По состоянию на 2004 год: Валентин Васильевич Седов. С. 132-136.
14. Чернецов А.В. Валентин Васильевич Седов. С. 7.
15. <http://archaeolog.ru/~sedov>
16. Жих М.И. К проблеме реконструкции самоназвания носителей именьковской культуры // История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции 25–26 ноября 2011 года. Пенза – Белосток – Прага, 2011.
17. Мачинский Д.А. Миграция славян в I тысячелетии н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; *Он же*. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // ТГЭ. 2009. Т. 49. С. 472-483; Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1978. Вып. 28; *Он же*. Семь миров древней Европы и проблемы этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989; *Он же*. Рождение славян // Стратум. Структуры и катастрофы. СПб., 1997.
18. Трубочев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 439.
19. Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. 1952. Вып. 15; *Он же*. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. 1953. Вып. XVIII; *Он же*. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья // СЭ. 1955. № 3; *Он же*. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // СЭ. 1974. № 1; *Он же*. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
20. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 36-37.
21. Седов В.В. Балтская гидронимия Волго-Окского междуречья // Древнее население в Подмосковье. М., 1971; *Он же*. Некоторые ареалы архаических славянских гидронимов и археология // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980; *Он же*. Становление и этногенез славян (по данным археологии и гидронимии) // XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. ИКЭФСН. М., 1993.
22. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 218. Прим. 8.
23. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.). М., 1960; *Он же*. Новгородские сопки. М., 1970; *Он же*. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970; *Он же*. Длинные курганы кривичей. М., 1974; *Он же*. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982; *Он же*. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999; *Он же*. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.
24. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. С. 101-133; *Он же*. Очерки по археологии славян. М., 1994; *Он же*. Славяне в древности. М., 1994. С. 287-321; *Он же*. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 68-94; 186-253; 358-384; *Он же*. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 203-323; 348-402; 525-574.
25. Вот основные из них: Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода; *Он же*. Кривичи // СА. 1960. № 1; *Он же*. О юго-западной группе восточнославянских племён // Историко-археологический сборник к 60-летию А.В. Арциховского. М., 1962; *Он*

же. Дреговичи // СА. 1963. № 3; Он же. Курганы ятвягов // СА. 1964. № 4; Он же. Из истории восточнославянского расселения // КСИА. 1965. Вып. 104; Он же. Рязано-Окские могильники // СА. 1966. № 4; Он же. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тыс. до н.э. // СА. 1969. № 2 Он же. Формирование славянского населения Среднего Поднепровья // СА. 1972. № 4; Он же. Ранние курганы вятичей // КСИА. 1973. Вып. 135; Он же. Ещё раз о вкладе балтов в культуру восточных славян // СА. 1973. № 3; Он же. Смоленская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975; Он же. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978; Он же. Этногеография Восточной Европы середины I тысячелетия н.э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; Он же. Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне. Сборник статей к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М., 1978; Он же. Начальный этап славянского расселения в области днепровских балтов // БСИ. 1980. М., 1981; Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981. Вып. 166; Он же. Одежда восточных славян VI-IX вв. н.э. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986; Он же. Жилища словенско-кривичского региона VIII-X вв. // КСИА. 1986. Вып. 183; Он же. Диалектно-племенная дифференциация славян в начале средневековья по данным археологии // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. ИКЭФСН. М., 1988; Он же. Формирование восточнославянской народности // КСИА. 1990. Вып. 198; Он же. Распространение христианства в Древней Руси // КСИА. 1993. Вып. 208; Он же. Симпозиум «Проблема именьковской культуры» // РА. 1994. № 3; Он же. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // РА. 1994. № 2; Он же. Восточнославянская этноязыковая общность // ВЯ. 1994. № 4; Он же. Становление курганной обрядности в раннесредневековом славянском мире // Проблемы происхождения и исторического развития славян. Киев; Львов, 1997; Он же. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов. РА. 1998. № 2; Он же. Русский каганат IX века // ОИ. 1998. № 4; Он же. Предыстория белорусов // КСИА. 2001. Вып. 211; Он же. К этногенезу волжских болгар // РА. 2001. № 2; Он же. Освоение славянами Восточно-европейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 2002; Он же. Русы в VIII – первой половине X века // КСИА. 2002. Вып. 213; Он же. О русах и Русском каганате IX века // Славяноведение. 2003. № 2; Он же. Север Восточноевропейской равнины в период переселения народов и в раннем средневековье (предыстория северновеликорусов) // КСИА. 2005. Вып. 218.

26. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С. 230-234; Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969; Николаев С.Л. К истории племенных диалектов кривичей // СС. 1990. № 4.

27. Маора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 128-131; Setälä E.N. Suomensukuisten kanosojen esihistoria // SS. 1926. I. S. 160.

28. Историографию см.: Буров В.А. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. 1996. № 1. См. также: Шмидт Е.А. Кривичи смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск, 2012. С. 8-62

(новейшая попытка обосновать балтскую принадлежность культуры смоленско-полоцких длинных курганов).

29. Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. С. 15.

30. Там же.

31. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970; Он же. По следам древних славянских племён. Л., 1982.

32. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. С. 44-48; Он же. Происхождение и ранняя история славян. С. 74-78.

33. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III-V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // ПАВ. 1994. № 9; Они же. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. М., 2007.

34. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 156-159.

35. Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997. С. 22-56, 126-129.

36. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира. С. 11.

37. Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. О роли памятников III-V вв. в формировании...; Они же. Северные рубежи раннеславянского мира. С. 92-103.

38. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

39. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 2006. С. 342; Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistů. 1978. С. 145; Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964. P. 302; Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005. С. 68.

40. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // JGO. 1981. Bd. 29. S. 321-336.

41. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 153-185. Ср.: Rospond S. Prastowanie w świetle onomastyki // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

42. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // ДСИЯ. 1948. Т. 26. С. 93.

43. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 260.

44. Малярчук Б. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // RJGG. 2009. Т. I. № 1.

45. Седов В.В. Русский каганат IX века; Он же. Древнерусская народность. С. 50-82; Он же. Русы в VIII – первой половине X века; Он же. Славяне. С. 245-295; Он же. О русах и Русском каганате IX века.

46. Историографию вопроса см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 22-46; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 194-197; Шаскольский И.П. Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // ЛХ. 1980. М., 1981; Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002. С. 13-38; Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 18-24.

47. Историографию проблемы этнической атрибуции «именьковцев» см.: *Сташенков Д.А.* Об этнокультурных связях населения именьковской культуры // *Славяноведение*. 2006. № 2; *Расторопов А.В.* Вопросы этнокультурной истории населения именьковской культуры // *Древняя и средневековая археология Волго-Камья*. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань, 2009.

48. *Матвеева Г.И.* О происхождении именьковской культуры // *Древние и средневековые культуры Поволжья*. Куйбышев, 1981; *Она же*. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986; *Она же*. Среднее Поволжье в IV-VII вв. Именьковская культура. Самара, 2004. С. 65-74.

49. *Матвеева Г.И.* К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // *Славяне и их соседи*. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (сборник тезисов). М., 1988; *Она же*. Среднее Поволжье в IV-VII вв. С. 74-78.

50. *Кляшторный С.Г.* Праславяне в Поволжье // *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005; *Галкина Е.С.* Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // *СРИО*. 2006. Т. 10 (158). Россия и Крым. С. 380-382; *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань, 2011; *Он же*. К проблеме реконструкции самоназвания...; *Он же*. Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/2737>

51. В том, что часть «именьковцев» осталась на Средней Волге, у П.Н. Старостина, Г.И. Матвеевой и В.В. Седова сомнений нет: *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры. М., 1967. С. 31-32; *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997. С. 98-99; *Она же*. Среднее Поволжье в IV-VII вв. С. 77-79; *Седов В.В.* К этногенезу волжских болгар; *Он же*. Славяне. С. 254-255.

52. *Баран В.Д.* Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 71-72; *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // *История татар с древнейших времен*. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002; *Голдина Р.Д.* Исторический опыт позитивного взаимодействия народов, живших в Удмуртии в древности и Средневековье // *Россия и Удмуртия: История и современность*. Ижевск, 2008. С. 39-41; *Богачев А.В.* Славяне, германцы, гунны, болгары на Средней Волге в I тыс. н.э.: Историко-археологическое исследование. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 72-137.

53. *Смирнов А.П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // *Историко-археологический сборник*. М., 1962. С. 162-165.

54. *Приймак В.В.* Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – поч. XI ст. Суми, 1994. С. 11; *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж, 1998. С. 75-76.

55. *Сухобоков О.В.* Ранні етапи культури літописних сіверян (ще раз про пам'ятки волинцевського типу) // *Восточноевропейский археологический журнал*. 2000. № 3: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/sukhobokov.htm> Ср.: *Сухобоков О.В.* Днепровское лесостепное Левобережье в VIII-XIII вв. Киев, 1992. С. 16-36.

56. *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. С. 133, 144-147; *Обломский А.М.* Структура

населения лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Археологічний літопис лівобережної України. 2007. № 1-2. С. 5.

57. *Авдусин Д.А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 29; *Седов В.В.* Древнерусская народность. С. 45-46.

58. *Моця А.П.* Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. Киев, 1987. С. 106-107.

59. *Жих М.И.* К проблеме реконструкции... С. 28-30; *Он же.* Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура...

60. ПСРЛ. Т. I. Стб. 10; Т. II. Стб. 8. Анализ этого известия см.: *Жих М.И.* К проблеме реконструкции... С. 27-28.

61. *Трубачёв О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.

62. *Григорьев А.В.* Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000. С. 162-173.

63. *Жих М.И.* К проблеме реконструкции... С. 30-37.

64. *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. С. 35.

65. *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4; *Петрухин В.Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Там же; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 293 и сл.; *Баран В.Д.* Державотворчі та етнокультурні процеси в період Київської Русі // Істину встановлює суд історії: Збірник на пошану Ф.П. Шевченка. Т. II Київ, 2004; *Воронятов С.В.* Волынцевская «культура» и «Русский каганат» // Альманах молодых археологов. СПб., 2005.

66. *Поляк А.Н.* Восточная Европа IX-X вв. в представлении Востока // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. К выводу о том, что русы ранних восточных источников жили на юго-востоке Европы, пришли и многие другие учёные: *Свердлов М.Б.* Локализация русов в арабской географической литературе IX-X вв. // ИВГО. 1970. № 4; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 172-234; *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. С. 63-138; *Она же.* Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). М., 2006. С. 180-270.

67. *Галкина Е.С.* Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // RA. 2010. № 1.

68. *Otrębski J.* Rusь // RS. 1977. Т. XXXVIII. Cz. I; *Седов В.В.* Древнерусская народность. С. 66-67; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 11-50; *Трубачев О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С. 131-186; *Он же.* Русь. Россия. Очерк этимологии названия // Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. II. М., 2005; *Максимович К.А.* Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // Сборник в честь 60-летия И.С. Чичурова. М., 2006; *Фомин В.В.* К вопросу о несостоятельности скандинавской этимологии имени «Русь» // УЗ ИФ ЛПУ. 2009. Вып. 6; *Он же.* Начальная история Руси. М., 2008. С. 78-162.

69. О ней см.: *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. 1947. Т. VI-VII; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образованная территория древнерусского государства. М., 1951. С. 28-68; *Рыбаков Б.А.* Древние русы // СА. Т. XVII. М., 1953; *Он же.* Киевская Русь и русские

княжества. С. 56-67; *Кучкин В.А.* «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГВЕ. 1992-1993 гг. М., 1995.

70. *Рыбаков Б.А.* Древние русы; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества. С. 56-67.

71. *Воронятов С.В.* Волынцевская «культура» и «Русский каганат». С. 201, 207.

72. *Воронятов С.В.* Волынцевская «культура» и «Русский каганат».

73. *Приймак В.В.* Идеи Е.А. Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс. н.э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб., 2004. С. 284.

74. Ср.: *Приймак В.В.* Територіальна структура... С. 26.

75. *Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 150.

76. *Воронятов С.В.* Волынцевская «культура» и «Русский каганат». С. 204-207.

77. *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. С. 36-37, 225.

78. *Березовец Д.Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. Київ, 1970. См. также: *Талис Д.Л.* Росы в Крыму // СА. 1974. № 3; *Николаенко А.Г.* Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Волоконовка, 1991.

79. *Галкина Е.С.* Салтово-маяцкая культура и проблема Русского каганата // НТ МПГУ. 1997; *Она же.* Тайны Русского каганата; *Она же.* К осмыслению титула «хакан русов» в арабо-персидской географии IX-XII вв. // НТ МПГУ. 2003; *Она же.* «Хакан рус» в средневековой арабской географической литературе // Глобализация и мультикультурализм: Доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток – Запад», 14-16 апреля 2003 г. М., 2004; *Она же.* Номады Восточной Европы. С. 385-441.

80. *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. С. 187-191.

81. *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. С. 309-328; *Она же.* Номады Восточной Европы. С. 427-434.

82. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне реки Дона // МИА. 1958. Вып. 62.

83. *Жих М.И.* Древняя Русь и ее степные соседи: К проблеме Русского каганата // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2009. № 3 (17).

84. *Жих М.И.* О предыстории Волынской земли (VI – начало X в.) // Русин. Международный исторический журнал / Отв. редактор С.Г. Суляк. [Кишинев]. 2008. № 3-4 (13-14).

85. Там же. С. 42.

86. См., напр.: *Штыхов Г.В.* Древнерусская народность: реалии и миф // Этногенез и этнокультурные контакты славян; *Баран В.Д., Баран Я.В.* Историчні витоки українського народу. Київ, 2005; *Меркулов В.И.* Была ли древнерусская народность? // НТ МПГУ. 2006. С. 12-19.

87. *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.

88. *Жих М.И.* Начало истории Новгорода: <http://www.ruspole.info/node/2355>; *Он же.* Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // ВН. 2012. № 10. С. 156; *Он же.* Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Социальная мобильность в традиционных обществах: История и современность. Ижевск, 2012.

References Transliterated from Cyrillic into Latin Alphabet

Petr Shornikov

Buharestskij mir i uchastie Dunajskoj armii v Otechestvennoj vojne 1812 g.

1. Sm. podrobno: Shornikov P.M. Moldavskaja samobytnost'. Tiraspol': Izd-vo PGU, 2007. S. 130-148.

2. Sm.: Stepanov V.P. Grani identichnosti: jetnograzhdanskije processy v srede nacional'nyh men'shinstv Respubliki Moldoveja na primere ukrainskogo naselenija (1989-2006 gg.). Tiraspol', 2010. S. 45.

3. Sm. podrobno: Suljak S.G. Oskolki Svjatoj Rusi. Oчерki jetnicheskoj istorii rusnakov Moldavii. Kishinev, 2005. S. 96-102 i dr.

4. Vezi: Popovschi N. Istoria Bisericii din Basarabia din veacurile XIX sub ruși; Din negura trecutului: cimpie de amintiri. Chișinău. Muzeum. 2000. P.36; Shornikov P.M. Ukaz. soch. S. 121, 122, 130, 133, 144, 145.

5. Vezi: Agaghi Alexei. Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupația militară rusă (1806-1812) / Alexei Agaghi; pref.: Dumitru Vitcu; Acad. De Științe a Rep. Moldova, Inst. de istorie, stat și dreptn / Ed.: Pontos, 2008. – 388 p.

6. Russko-persidskaja vojna (1804-1813). URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_\(1804%E2%80%941813\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0_(1804%E2%80%941813)) (data obrashhenija: 25.10.2012).

7. Shirokorad A.B. Severnye vojny Rossii. M.; Minsk, 2001. S. 355.

8. Fridrihsgamskij mirnyj dogovor. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%85%D1%81%D0%B3%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80> (data obrashhenija: 25.10.2012).

9. Smirnov V. Iz marshala Francii v shvedskie koroli. URL: http://clubs.ya.ru/zh-z-l/replies.xml?item_no=1956 (data obrashhenija: 25.10.2012).

10. Russko-tureckaja vojna 1806—1812. URL: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=149> (data obrashhenija: 25.10.2012).

11. Ajrapetov O. Buharestskij mir 1812 g. Chast' vtoraja. URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/679---1812---.html> (data obrashhenija: 25.10.2012).

12. Grebcov V. Buharestskij mir Kutuzova, ili Pobeda dlja Odessy. URL: <http://telegraf.od.ua/articles/history-articles/3108-buxarestskij-mir-kutuzova-ili-pobeda-dlja-odessy> (data obrashhenija: 25.10.2012).

13. M.I. Kutuzov. Sbornik dokumentov. M., 1954. T. 3. S.336.

14. Kutuzov v Dunajskih knjazhestvah (Sbornik dokumentov). Kishinev: Gosizdat Moldavii, 1948. S.38-41.

15. Petrov A.N. Vojna Rossii s Turciej 1806-1812 gg. SPb., 1887. T. III. 1810, 1811 i 1812 gg. Gr. Kamenskij 2, kn. Golenishhev-Kutuzov i Chichagov. S. 288-289.

16. Tam zhe. S. 262-265.

17. M.I. Kutuzov. Sbornik dokumentov. M., 1954. T. III. S. 642-643.

18. Bogdanovich M.I. Istoriija carstvovanija imperatora Aleksandra I i Rossija v ego vremja. M., 1869. T. II. S. 533-534; Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka. M., 1962. Ser. 1. 1801-1815. T. VI. 1811-1812 gg. S. 241.

19. Popov A.N. Snoshenija Rossii s inostrannymi derzhavami pered vojnoj 1812 goda. SPb., S. 324.

20. M.I. Kutuzov Sbornik dokumentov. M., 1954. T. III. S. 661.

21. Tam zhe. S. 707-710; 719.

22. Tam zhe. S. 356.

23. Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Opisanie Otechestvennoj vojny 1812 goda. SPb., 1839. Ch. 1. S. 94.

24. Popov A.N. Ukaz. soch. S. 351.

25. Grebcov V. Ukaz. soch.

26. Popov A.N. Ukaz. soch. S. 364-366.

27. Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka. Ser. 1. 1801-1815. T. VI. 1811-1812 gg. S. 306.

28. Tam zhe. S.307.

29. Petrov A.N. Ukaz. soch. SPb., 1887. T. III. 1810, 1811 i 1812 gg. Gr. Kamenskij 2, kn. Golenishhev-Kutuzov i Chichagov. S. 371-373.
30. Juzefovich T.P. Ukaz. soch. S. 49-58.; M.I. Kutuzov. Sbornik dokumentov. M., 1954. T. III. S. 906-914.
31. Juzefovich T.P. Ukaz. soch. S. 54-55; Pervoe Serbskoe vosstanie 1804-1813 gg. i Rossija. M., 1983. Kn. II. 1808-1813. S. 267.
32. Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Opisanie Otechestvennoj vojny 1812 goda. SPb., 1839. Ch. I. S. 95.
33. Popov A.N. Ukaz. soch. M., 1905. T. I. Snoshenija Rossii s inostrannymi derzhavami pered vojnoj 1812 goda. S. 382.
34. Tam zhe. S. 474.
35. Tam zhe. S. 475.
36. Rozhincev A. Andreevskij kavaler – korol' Fridrih Vil'gel'm III Nikolaus Karl Gogencollern. URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20066/804.htm> (data obrashhenija: 25.10.2012).
37. Ponjatovskij Juzef // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/122616/Ponjatovskij>(data obrashhenija: 25.10.2012).
38. Potto V. Kavkazskaja vojna. Tom 1. Ot drevnejshih vremen do Ermolova. XIX. General ot infanterii Rtishhev. URL: <http://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-vojna--Tom-1--Ot-drevneyshikh-vremen-do-Ermolova/38> (data obrashhenija: 25.10.2012).
39. Stepkin V.P. Petr Kotljarevskij – «Kavkazskij Suvorov». URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/42008/pk.htm (data obrashhenija: 25.10.2012).
40. Julin V.A. Admiral P.V. Chichagov - istinnyj patriot Rossii. URL: <http://chichagovs.narod.ru/booklets/pavel.html> (data obrashhenija: 25.10.2012).
41. Otechestvennaja vojna 1812 goda URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Otechestvennaja_vojna_1812_goda (data obrashhenija: 25.10.2012).
42. Smoljannikov S. To byla dejstvitel'no Otechestvennaja vojna za vse Otechestvo, ili Otecheskij duh istorii Russkoj Volyni. URL: <http://www.velykoross.ru/1988> (data obrashhenija: 25.10.2012).
43. Otechestvennaja vojna 1812 g. v rasskaze generala Chaplica // Russkaja starina. SPb., 1886 g. T. I. Ijun'. S. 499-500.
44. Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Otechestvennaja vojna. Opisanie vojny 1812-1815 g. SPb.: Izdanie A.A. Kaspari, 1899 g. S. 288, 289.
45. Admiral Chichagov P.V. v vojne 1812 goda. URL: <http://voynablog.ru/2012/10/17/admiral-chichagov-p-v-v-vojne-1812-goda> (data obrashhenija: 25.10.2012).
46. Tam zhe.
47. Otechestvennaja vojna 1812. Srazhenie na Berezine. URL: http://war1812.my1.ru/index/srazhenie_na_berezine/0-23 (data obrashhenija: 25.10.2012).
48. Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Ukaz. soch. S. 444.
49. Admiral Chichagov P.V. v vojne 1812 goda. <http://voynablog.ru/2012/10/17/admiral-chichagov-p-v-v-vojne-1812-goda> (data obrashhenija: 25.10.2012).
50. Admiral Chichagov P.V. v vojne 1812 goda. URL: <http://voynablog.ru/2012/10/17/admiral-chichagov-p-v-v-vojne-1812-goda> (data obrashhenija: 25.10.2012).
51. Srazhenie pri Berezine. URL: <http://mil.ru/et/war/more.htm?id=11203432@cmsArticle> (data obrashhenija: 25.10.2012).
52. Kto upustil Napoleona na Berezine? URL: <http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=histn;action=display;num=1195043011> (data obrashhenija: 25.10.2012).
53. Srazhenie na Berezine. URL: <http://chichagovs.narod.ru/booklets/pavel.html> (data obrashhenija: 25.10.2012).
54. Kto upustil Napoleona na Berezine. URL: <http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=histn;action=display;num=1195043011> (data obrashhenija: 25.10.2012).
55. Davydov D. V. Sochinenija v treh tomah. T. II. M., 1895. T. II. S. 121.
56. Admiral Chichagov P.V. v vojne 1812 goda. URL: <http://voynablog.ru/2012/10/17/admiral-chichagov-p-v-v-vojne-1812-goda> (data obrashhenija: 25.10.2012).
57. Tam zhe.
58. Segiur F. de. Pohod v Rossiju. Smolensk: Rusich, 2003. S. 350.
59. Lebedev I. Okazyvaetsja, u francuzov est' ustojchivoje vyrazhenie: «C'est la

Bérézina». URL: <http://kot-begemott.livejournal.com/1458526.html> (data obrashhenija: 25.10.2012).

Petr Bojko

Soslovija Rossijskoj imperii v Otechestvennoj vojne 1812 g.

1. Trockij N.A. Otechestvennaja vojna 1812 g. Istorija temy. Saratov, 1991.
  2. Kirchrise E. Bibliographie des Napoleonischen Zeitalters. Berlin, 1998. B.I.S.
- VIII.
3. Mihailovskij-Danilevskij A.N. Opisanie Otechestvennoj vojny 1812 g. SPb., 1843; Bogdanovich M.I. Istorija Otechestvennoj vojny 1812 g. po dostovernym istochnikam v treh chastjah. SPb., 1859-1860.
  4. Otechestvennaja vojna i russkoe obshhestvo 1812-1912 gg. V semi tomah. M., 1911-1912.
  5. Istorija Rossii v XIX v. M., 1923.
  6. Tarle E.V. Nashestvie Napoleona na Rossiju. 1812 god. M., 1998.
  7. Beskrovnyj L.G. Otechestvennaja vojna 1812 g. M., 1962.
  8. Sirotkin V.G. Otechestvennaja vojna 1812 g. M., 1988. S.185, 232.
  9. Tarle E.V. Ukaz. soch. S. 199.
  10. Tam zhe. S.192.
  11. Davydov D.V. Sochinenija. T. II. SPb., 1895. S. 36.
  12. Sm.: Narodnoe opolchenie v Otechestvennoj vojne 1812g. Sb. dok. Dok. № 5,12,13,17.
  13. Tam zhe. Dok. № 20.
  14. Bychkov L.N. Partizanskoe dvizhenie v Otechestvennoj vojne 1812 g. M., 1954. S. 27, 28.
  15. Tam zhe. S. 31.
  16. Tam zhe. S. 34.
  17. Davydov D.V. Ukaz. soch. S. 31.
  18. Sm.: Beskrovnyj L.G. Ukaz. soch.
  19. Danilov A.A., Kosulina L.G. Istorija Rossii. M., 2001. S. 26.
  20. Sm.: Babkin V.I. Narodnoe opolchenie v Otechestvennoj vojne 1812 g. M., 1962.
  21. Tarle E.V. Ukaz. soch. S. 182, 184,188.
  22. Istorija Rossii XIX v. M., 1991. S. 29.
  23. Tarle E.V. Ukaz. soch. S. 195.
  24. Manifest Aleksandra I ot 30 avgusta 1814 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZR). Sobranie 1. Tom 32. 1812 - 1815. SPb., 1830. № 25.671. S. 906-910.

Irina Blagodatskih

M.I. Kutuzov v voenno-istoricheskom nasledii Pridnestrov'ja

1. Ajrapetov O. Buharestskij mir 1812 goda // Rodina. 2012. №1. S.109-112; №2. S.68-71.
2. Buharestskij mirnyj dogovor (maj 1812 g.) mezhdu Rossijskoj i Osmanskoj imperijami javilsja reshajushhim istoricheskim sobytiem – Valerij Kuz'min. URL: <http://obzormd.com/2011/10/05> (data obrashhenija: 15.10.2012); «Zig hajl» v «den' traura». Unionisty otmetili 200-letie Buharestskogo mira nacistiskim marshem. URL: <http://www.puls.md/ru/content> (data obrashhenija: 15.10.2012).
3. Teksty mezhdunarodnyh dokumentov, zakrepivshih territoriju sovremenogo Pridnestrov'ja v sostave Rossijskoj imperii, sm.: Vostochnyj vopros v konce XVIII – nachale XIX v. Dokumenty i materialy vneshnej politiki Rossijskoj imperii / Sostavitel' I.M. Blagodatskih. Tiraspol', 1999.
4. Guljaev Ju.N., Soglaev V.T. Fel'dmarshal Kutuzov. M., 1995. S. 56; Troickij N.A. Fel'dmarshal Kutuzov: mify i fakty. M., 2003. S. 59.
5. Kutuzov M.I. Dokumenty / Pod red. L.G. Beskrovnygo. T. I. M., 1950. S.189-190. Perepisu po procedure razmena poslov sm.: tam zhe. S. 207-213.
6. Kiseleva G.M. Razmen poslov po Jasskomu miru 1791 g. v Dubossarah pri uchastii M.I. Kutuzova // Ezhegodnyj istoricheskij al'manah Pridnestrov'ja. 2002. № 6. S. 107-108.
7. Sheremet V.I. Saf'janovyj portfel' Kutuzova // Rodina. Rossija i Turcija: 500 let sosedstva. 1998. №5-6. S. 76.
8. Tam zhe. S. 78.
9. Iz pis'ma M.I.Kutuzova E.I.Kutuzovoj o prieme u sultana // Kutuzov M.I. Dokumenty. S.243-244.

10. Sheremet V.I. Ukaz. soch. C. 78.
11. Tam zhe. S.76.
12. Iz rospisi nagrad po sluchaju godovshhiny zakljuchenija mira s Turciej 2 sentjabrja 1793 g. // Kutuzov M.I. Dokumenty. S.227. Sm.: Ukaz Ekateriny II Senatu o pozhalovanii M.I. Kutuzovu imenija v Volynskoj gubernii // Tam zhe. S. 382-383.
13. Shapkina A.N. Polkovodets M.I. Kutuzov i Buharestskij mir // Rossijskaja diplomatija v portretah / Pod red. A.V. Ignat'eva, I.S. Rybachenok, G.A. Sanina. M., 1992. S. 122.
14. Tam zhe. S. 128.
15. Tam zhe. S. 132-133.
16. Tekst Buharestskogo mirovnogo dogovora sm.: Vostochnyj vopros v konce XVIII – nachale XIX v. Dokumenty i materialy vneshnej politiki Rossijskoj imperii / Sostavitel' I.M. Blagodatskih. Tiraspol', 1999.
17. Shapkina A.N. Ukaz. soch. S. 134.
18. Tam zhe.
19. Tam zhe.
20. Sm.: Blagodatskih I.M. Voenno-istoricheskoe nasledie Pridnestrov'ja: postanovka problemy // Severnaja vojna i Pridnestrov'e: istorija i sovremennost'. Tiraspol', 2010. S. 169-173.
21. Mel'nichenko S. Sozdatel' ulybalsja tiraspol'chanam // Dnestrovskaja pravda. 11 oktjabrja 1997 g. Pamjat' o M.I. Kutuzove uvekovechena v nazvanijah ulic pridnestrovskih gorodov (g. Dubossary).
22. Ob istorii vosstanovlenija voennogo kladbishha v g. Bendery i sozdanija voenno-istoricheskogo kompleksa sm.: Stranicy voennogo nekropolja staryh Bender. Tiraspol', 2008. S. 3-19.
23. Nastas Zh. Istoriya – v granite i bronze // Pridnestrov'e. 26 dekabrja 2009 g.
24. Kozhuhar' V.S. M.I. Kutuzov v istorii Pridnestrov'ja // Meridian. Kursantsko-studencheskij nauchno-populjarnyj al'manah Tiraspol'skogo juridicheskogo instituta MVD PMR im. M.I. Kutuzova. 2010. № 1. S. 88-92.
25. Celevaja prezidentskaja programma «Uvekovechenie pamjati zashhitnikov Otechestva» (2009–2015 gg.). Materialy Respublikanskogo «kruglogo stola» 3 marta 2010 g. Tiraspol', 2010.

Vjacheslav Sodol'

1812 g. v sud'be pravoslavnoj cerkvi Moldavii

1. Popovschi N. Istoria Bisericii din Basarabia in veacul al XIX-lea subt rusi. Chisinau, 1931. P. 2.
2. Ibidem. P. 5.
3. Arsenij (Stadnickij). Issledovanija i monografii po istorii Moldavskoj cerkvi. SPb., 1904. S. 345.
4. Tam zhe. S. 363.
5. Tam zhe. S. 364.
6. Tam zhe. S. 368.
7. Cit. po: Symbotjanu K.I. Social'no-jekonomicheskoe razvitie monastyrskih votchin Bessarabii v 1812 – 1873 gg. // Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Kishinev, 1969. S. 19.
8. Tam zhe. S. 20.
9. Tam zhe. S. 22.
10. Tam zhe. S. 35.
11. Tam zhe. S. 21.
12. Russkoe pravoslavie: vehi istorii. M., 1989. S. 556.
13. Babilunga N.V., Bomesenko B.G. Kurs lekcij po istorii Moldavii. Lekcija VI. Bessarabija v sostave Rossii. Tiraspol', 2007. S. 120.
14. Halippa I. Ocherk istorii narodnogo obrazovanija v Bessarabii v pervoj polovine XIX v. // Trudy Bessarabskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii. Kishinev, 1902. S. 119.
15. Parhomovich A. Preosvjashhennye vikarii Kishinevskoj eparhii // Kishinevs-kie eparhial'nye vedomosti. № 40. Kishinev, 1908. S. 1448, 1449.
16. Halippa I. Ocherk istorii... S. 122.
17. Tam zhe. S. 180.
18. Mateevich A. Moldavskoe cerkovno-bogoslužebnoe knigopechatanie v osnovnyh momentah ego istorii. V kn.: Mateevici A. Opere. In 2 volume. Vol. 2. Chisinau, 1993. P. 337, 338.
19. Ibidem. P. 340.

20. Ibidem. P. 347.

Aleksandr Mayorov
Mongolo-tatary v Galicko-Volynskoj Rusi

1. Sm.: Mayorov A. V. Povest' o nashestvii Batyja v Ipat'evskoj letopisi. Chast' pervaja // *Rossica antiqua*. 2012. № 1. S. 33-94.
2. Polnoe sobranie russkikh letopisej (dalee – PSRL). M., 1998. T. II. Stb. 781-782; M., 2000. T. VI. Vyp. 1. Stb. 300-301; SPb., 2002. T. 42. S. 116; M., 2000. T. IV. Ch. 1. S. 226.
3. Shahmatov A.A. Obshherusskie letopisnye svody XIV i XV vekov // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*. 1900. Ch. 332. № 11. Nojabr'. S. 160-161.
4. PSRL. T. II. Stb. 782-784.
5. Tam zhe. Stb. 782-783.
6. Tam zhe. M., 1997. T. I. Stb. 469.
7. Gorskij A. A. Rus'. Ot slavjanskogo rasselenija do Moskovskogo carstva. M., 2004. S. 186-187; Dąbrowski D. Genealogia Mścislawowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 343; Karpov A. Ju. Batyj. M., 2011. S. 306, prim. 18.
8. Grushevs'kij M. S. Hronol'ogija podij Galic'ko-Volins'koj letopisi // *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. L'viv, 1901. T. 41. S. 28; Kotljar N. F. Kommentarij // *Galicko-Volynskaja letopis'*. Tekst. Kommentarij. Issledovanie / Pod red. N. F. Kotljara. SPb., 2005. S. 252.
9. Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. Ocherki social'no-politicheskikh ot-noshenij v domongol'skij period. Knjaz', bojare i gorodskaja obshhina. SPb., 2001. S. 602.
10. Gorskij A.A. Rus'. Ot slavjanskogo rasselenija do Moskovskogo carstva. S. 186-187, prim. 27.
11. Hrustalev D.G. Rus': Ot nashestvija do «iga» (30-40 gg. XIII veka). SPb., 2004. S. 161, prim. 1.
12. Sm.: Limonov Ju.A. Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoj Rusi. L., 1967. S. 172, 173.
13. Sm.: Berezhevkov N.G. Hronologija russkogo letopisanija. M., 1963. S. 110.
14. Sm.: Prohorov G.M. Povest' o Batyevom nashestvii v Lavrent'evskoj letopisi // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN*. L., 1974. T. XXVIII. S. 88-89.
15. Karamzin N.M. Istorija Gosudarstva Rossijskogo. M., 1992. T. IV. S. 182-183, prim. 20.
16. Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. T. III // Solov'ev S.M. Sochinenija: V 18 kn. M., 1988. Kn. II. S. 322-323, prim. 277.
17. Sm.: Pogodin M.P. Issledovanija, zamechanija i lekcii o russkoj istorii. M., 1855. T. VI. C. 360; Jekzemljarskij A.V. Velikie i udel'nye knjaz'ja Severnoj Rusi v tatarskij period s 1238 po 1505 g. SPb., 1889. T. I. S. 17, prim. 36; Grushevs'kij M.S. Naris istorii Kiivs'koj zemli vid smerti Jaroslava do seredini HIV storichija. Kiiiv, 1991. S. 423. Podrobnее o diskussii po povodu identifikacii Jaroslava sm.: Dimnik M. Russian Princes and their Identities in the First Half of the Thirteenth Century // *Mediaeval Studies*. Toronto, 1978. Vol. 40. P. 180-184.
18. Grushevs'kij M.S. Naris istorii Kiivs'koj zemli... S. 423, prim. 4.
19. Shahmatov A.A. Obshherusskie letopisnye svody XIV i XV vekov. S. 160-161.
20. Dąbrowski D. Genealogia Mścislawowiczów... S. 343-344.
21. PSRL. M., 1975. T. 32. S. 173, prim. b.
22. Tam zhe. T. I. Stb. 469.
23. Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev, 1224 – 1246. Toronto, 1981. R. 83; Hrustalev D.G. Rus': ot nashestvija do «iga»... S. 179-180, prim. 2.
24. PSRL. T. I. Stb. 469.
25. Tam zhe. T. II. Stb. 786.
26. Kargalov V.V. Vneshnepoliticheskie faktory razvitija feodal'noj Rusi. Feodal'naja Rus' i kochevniki. M., 1967. S. 125-126; Hrustalev D.G. Rus': ot nashestvija do «iga»... S. 199; Pochekaev R. Ju. Batyj. Han, kotoryj ne byl hanom. M.; SPb., 2007. S. 134-135; Karpov A. Ju. Batyj. S. 104.
27. Kotljar N.F. Formirovanie territorii i vozniknovenie gorodov Galicko-Volynskoj Rusi IX–XIII vv. Kiev, 1985. S. 152.
28. Tam zhe. S. 154.

29. PSRL. T. VI. Vyp. 1. Stb. 302; T. 42. S. 117; T. IV. Ch. 1. S. 227.
30. Tam zhe. M., 1980. T. 35. S. 27, 44.
31. Tam zhe. M., 2004. T. 25. S. 131; M., 2006. T. 26. S. 77.
32. Sm.: Osadchij E. Shhe raz pro problemu istorichnih nazv volins'kih mist, zgdanih u statti 1240 r. Ipatiivs'kogo litopisu // Ruthenica. Kiïv, 2011. T. X. S. 78-90.
33. Sm.: Nikitenko M.M., Osadchij E.I., Polegajlov A.G. Drevnerusskoe zhilishhe v g. Izjaslav, Hmel'nickoj obl. // Sovetskaja arheologija. 1985. № 1. S. 270-274.
34. Karamzin N.M. Istorija Gosudarstva Rossijskogo. T. IV. S. 12; Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. T. III. S. 140-141.
35. Kostomarov N.I. Russkaja istorija v zhiznepisanijah ee glavnejshih dejatelej. M., 1988. T. I. S. 192; Dashkevich N. P. Knjazhenie Daniila Galickogo po russkim i inostrannym izvestijam. Kiev, 1873. S. 72.
36. Sm.: Pogodin M.P. Razyskanija o gorodah i pridelah drevnih russkikh knjazhestv s 1054 po 1240 g. SPb., 1848; Barsov N.P. Materialy dlja istoriko-geograficheskogo slovarja Rossii. Geograficheskij slovar' Russkoj zemli (IH - XIV st.). Vil'na, 1865.
37. Samokvasov D.Ja. Sbornik topograficheskikh svedenij o kurganah i gorodishhah v Rossii. Volynskaja gubernija. SPb., 1888. S. 40; Antonovich V.B. Arheologicheskaja karta Volynskoj gubernii. M., 1900. S. 88, 103.
38. Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraini - Rusi. Kiïv, 1992. T. II. S. 252.
39. Tam zhe. S. 608.
40. Sm.: Rappoport P. A. Danilov // Kratkie soobshhenija Instituta arheologii AN SSSR. M., 1971. Vyp. 125. S. 82-86.
41. Sm.: Kuza A.V. Drevnerusskie gorodishha X-XIII vv. M., 1996. S. 161, № 868-869.
42. PSRL. T. II. Stb. 786-787.
43. Tam zhe. Stb. 787.
44. Tam zhe. Stb. 794.
45. Tam zhe. Stb. 791, 794.
46. Tam zhe. T. VI. Vyp. 1. Stb. 303; T. 42. S. 117; T. IV. Ch. 1. S. 227.
47. Sm.: tam zhe. M., 2000. T. VII. S. 145; M., 2000. T. X. S. 118; M., 2000. T. XV. Stb. 375; M., 2007. T. XVIII. S. 61; M., 2005. T. XXI. S. 159; M., 2004. T. 23. S. 78; M., 2000. T. 24. S. 95; T. 25. S. 131; T. 26. S. 77; M.; L., 1963. T. 28. S. 54, 212; L., 1977. T. 33. S. 68; M., 1978. T. 34. S. 89; M., 2004. T. 43. S. 94.
48. Grushevs'kij M.S. Istorija ukraïns'koï literatury. Kiïv, 1993. T. III. S. 187; Pashuto V.T. Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M., 1950. S. 86; Kotljar N. F. Galicko-Volynskaja letopis' (istochniki, struktura, zhanrovye i idejnye osobennosti) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1995. M., 1997. S. 112.
49. Prohorov G.M. Materialy postatejnogo analiza obshherusskikh letopisnyh svodov (Podborki Karamzinskij rukopisi, Sofijskaja 1, Novgorodskaja 4 i Novgorodskaja 5 letopisi) // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury... SPb., 1999. T. 51. S. 171.
50. Shahmatov A. A. Obshherusskie letopisnye svody XIV i XV vekov. S. 161.
51. Osadchij E. Shhe raz pro problemu istorichnih nazv... S. 79.
52. Sm. faksimil'noe izdanie rukopisi: The Old Rus' Kievan and Galician-Volynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Chetvertynskyj (Pogodin) Codices. Cambridge, 1990 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature: Texts. Vol. VIII). P. 334. Sol. 674.
53. Ibid. P. 337. Sol. 680.
54. Sm.: Barsov N.P. Materialy dlja istoriko-geograficheskogo slovarja Rossii. S. 38; Rappoport P. A. Voennoe zodchestvo zapadnorusskikh zemel' X-XIV vv. M., 1967 (Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. № 140). S. 180; Kuza A.V. Drevnerusskie gorodishha X-XIII vv. S. 154, № 808.
55. Sm.: Pashuto V.T. Ocherki po istorii Galicko-Volynskoj Rusi. S. 230; Egorov V. L. Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. M., 1985. S. 187; Kotljar N.F. Formirovanie territorii... S. 158; Ivakin G. Ju. Mongol's'ka navala na Rus' // Davnja istorija Ukraini: U 3-h tomah / Gol. red. P. P. Tolochko. Kiïv, 2000. T. III. S. 583; Hrustalev D.G. Rus': ot nashestvija do «iga»... S. 236; Golovko O. B. Derzhava Romanovichiv ta Zolota Orda (40-50-ti rr. XIII st.) // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 2004. № 6. S. 6; Pochekaev R.Ju. Batyj... S. 198; Nagirnij W. Polityka zagranicna kstestw ziem Halickiej i Wołynskiej w latach 1198 (1199) - 1264. Kraków, 2011. S. 231; Vojtovich L.V. Galic'ko-Volins'ki etjudi. Bila Cerkva, 2011. S. 271, 303-304; Karpov A. Ju. Batyj. S. 142.

56. Kuchinko M.M. Istorija naselennja Zahidnoi Volini, Holmshhini ta Pidljash-shja v X–XIV stolittjah. Luc'k, 2009. S. 405.

57. PSRL. T. II. Stb. 789.

58. Sm.: Truvorov A.N. Geograficheskij ukazatel' // Letopis' po Ipatskomu spisku / Izd. Arheograficheskoi komissii. SPb., 1871. S. 4; Ukazatel' k pervym vos'mi tomam Polnogo sobranija russkikh letopisej. Otdel vtoroj: Ukazatel' geograficheskij / Sost. S. A. Andrianov. SPb., 1907. S. 34, 39; Imennoj i geograficheskij ukazatel' k Ipat'evskoj letopisi / Sost. L. L. Murav'eva, L. F. Kuz'mina; otv. red. V.I. Buganov // PSRL. M., 1998. T. II. S. XXXVI.

59. Sm.: Lihacheva O.P. Galicko-Volynskaja letopis' [Kommentarii] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. SPb., 1997. T. V. S. 502, 505.

60. Kotljar N.F. Formirovanie territorii... S. 158; Litopis Rus'kij. Za Ipats'kim spisikom pereklav Leonid Mahnovec / Vidp. red. O. V. Mishanich. Kiiv, 1989. S. 398, 400, 544. Sm. takzhe: Masenko L. T. Vodava // Etimologichnij slovník litopisnih geografichnih nazv Pivdennoi Rusi / Vidp. red. O. S. Strizhak. Kiiv, 1985. S. 32.

61. Grushevs'kij M.S. Hronol'ogija podij... S. 30, 31.

62. PSRL. T. II. Stb. 788–789.

63. Sm.: Wawryniuk A. Wielki leksykon lubelsko-wołyńskiego Pobuża: historia, geografia, gospodarka, polityka. Chełm, 2010. T. I: Gmina Żmudź. Powiat Chełmski; Chełm; Włodawa, 2010. T. II. Gmina Włodawa. Powiat Włodawski.

64. Sm.: Der Mongolensturm. Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen, 1235–1250 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von H. Göckenjan und J. R. Sweeney. Graz; Wien; Köln, 1985. S. 167.

65. Sm.: Kralík O. Historická skutečnost a postupná mýtizace mongolského vpádu na Moravu roku 1241, Olomouc, 1969. Sm. takzhe: Bachfeld G. Die Mongolen in Polen; Schlesien, Böhmen und Mähren. Ein Beitrag zur Geschichte des großen Mongolensturmes im Jahre 1241, Innsbruck, 1889; Strakosch-Grassmann G. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck, 1893.

66. Sm.: Annales Sancti Pantaleonis Coloniensis, 1238–1250 / Ed. H. Cardaens // MGH. SS. Hannoverae, 1872. T. XXII. P. 535.

67. Sm.: Lapteva L.P. Kraledivorskaja i Zelenogorskaja rukopisi i ih russkie perevody // Rukopisi, kotoryh ne bylo. Poddelki v oblasti slavjanskogo fol'klora. M., 2002. S. 19–20.

68. Sm.: Damroth K. Die älteren Ortsnamen Schlesiens: ihre Entstehung und Bedeutung. Beuten, 1896. S. 34; Schwarz E. Zur Namenforschung und Siedlungsgeschichte in den Sudetenländern. 1975. S. 58. Sm. takzhe: Zaranski S. Geograficzne imiona slowianskie: zestawione alfabetycznie wedlug nazwisk niemieckich, wloskich, rumunskich, węgierskich i tureckich, z dodaniem niektorych lotyskich i innych zagranicznych spolszczonych. Kraków, 1878.

Il'ya Parshyn

Korol' Jurij L'vovich na stranicah zapadnoevropejskikh hronik

1. Isaevich D. Galicko-Volynskoe knjazhestvo v konce XIII–nachale IV v. // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija, 1987 g. M., 1989. S. 71–77.

2. Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. Bila Cerkva, 2011. S. 319–325.

3. Lappo-Danilevskij A. S. Pechati poslednih galicko-vladimirskih knjazej i ih sovetnikov // Boleslav-Jurij II, knjaz' vsej Maloj Rusi. SPb., 1907. S. 241.

4. Fedaka S. Galic'ko-Volins'ka derzhava i Zakarpattja // Korol' Danilo Romanovich i jogo misce v ukrains'kij istorii. L'viv, 2003. S. 71.

5. Vojtovich L. V. Shtrihi do portreta knjazja Leva Danilovicha // Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi. 2005. Vip.5. S. 150; Jogo zh. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 297.

6. Rocznik Traski / A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica (dali – MPH). Lwów, 1872. T. II. P. 826–861.

7. Rocznik Sędziwoja / A. Bielowski // Ibid. P. 871–880; Annales Sandivogii / M. Perlbach // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Sectio (dalee – MGH. SS.). Hannoverae, 1925. T. 29. P. 424–430.

8. Rocznik Malopolski / A. Bielowski // MPH. Lwów, 1878. T. III. P. 135–202; Annales Polonorum / Ed. R. Röpel // MGH. SS. Hannoverae, 1925. T. 19. P. 614–656.

9. Priselkov M. D. Istorija russkogo letopisanija XI–XV vv. L., 1940. S. 55–57; Isaevich D. Galicko-Volynskoe knjazhestvo. S. 76–77.

10. «Anno ipso [1300] rex Bohemie intrat Poloniam et obtinet totam. Et Rutheni terram Sandomiriensem intrant et Novam civitatem spoliant et comburunt, et multa mala in tota terra fecerunt, militibus existentibus in bello cum rege Bohemie» (Rocznik Traski. P. 853; Rocznik Sędziwoja. P. 879; Annales Sandivogii. P. 429; Rocznik Malopolski. P. 186; Annales Polonorum. P. 653–654).
11. Grushevs'kij M. Istorija Ukraini-Rusi. Kiiiv, 1993. T.III. S. 111; Włodarski B. Polska i Rus 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 229; Isaevich D. Galicko-Volynskoe knjazhestvo. S. 72; Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 322.
12. Vojtovich L. Knjaz' Lev Danilovich. Lviv, 2012. S. 155–156.
13. «Dux Wladislaus cum Ruthenis et Tartaris Sandomiriam vastavit» (Rocznik Malopolski. P. 186; Annales Polonorum. P. 654).
14. «Eodem anno inierunt milites Cracovienses et Sandomirienses Russiam, videlicet Lublin novum, quod Rutheni occupaverunt pluribus annis, expugnaverunt, deinde in paucis cum multitudine Ruthenorum et Lithwanorum ac Tartarorum pugnaverunt, et Domino cooperante de omnibus triumphaverunt» (Rocznik Traski. P. 853; Rocznik Sędziwoja. P. 879; Rocznik Malopolski. P. 188–189; Annales Polonorum. P. 655; Annales Sandivogii. P. 429).
15. Rocznik Traski. P. 853.
16. Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 322.
17. Kronika Neplachova / J. Emler // Fontes rerum Bohemicarum (dalee – FRB). Praha, 1882. T. III. P. 445–484.
18. «Nam post mortem ipsorum regnum Ungarie, Polonie, Cracovie, Pomoranie, maxima pars Russye, terra Syrasye, Misnensis, omnes hee terre a regno recesserunt et a diversis partibus Bohemiam vastare ceperunt et Mouraviam» (Ibid. P. 478).
19. Lapteva L. P. Pis'mennye istochniki po istorii Chehii perioda feodalizma (do 1848 goda). M., 1985. S. 65.
20. Sm.: Emler J. Úvod // FRB. T. III. P. 445–450; Lapteva L. P. Hronika Koz'my Prazhskogo i ee ispol'zovanie v cheshskoj istoriografii pozdnego srednevekov'ja // Srednevekovyj gorod. 2007. Vyp. 17. C. 137.
21. «Anno vero deinde post 1306 castrum Lublinense a Ruthenis per studium Polonorum recuperatum est» (Zdarzenia godne pamieci / A. Lorkiewicz // MPH. T. III. P. 309).
22. Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 322–323.
23. Argumentaciu issledovatelja sm.: Kristó Gy. Károly Róbert első felesége // Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica. 1988. № 86. 27–30 old.
24. Sroka S. Chi isnuvala rus'ka družhina ugors'kogo korolja Karla Roberta na pochatku XIV stolittja? // Knjazha doba: istorija i kul'tura / Institut ukraїnoznavstva im. I. Kryp'jakevicha NAN Ukraini. Vidp. red. L. Vojtovich. 2010. Vip. 3. S. 268–277.
25. Sm.: Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 337–341.
26. Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum / F. Schnider // Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae et Lipsiae, 1909. T. I. Libri I–III.
27. «Rex Bohemie iuvenis ... sicut dicitur, perfossus est, relinquens iuvenem viduum, Ruthenorum regis filiam...» (Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum. P. 373).
28. Ibid. P. 373.
29. Biermann G. Geschichte des Herzogthums Teschen. Cieszyn, 1894. S. 124–131; Jasiński K. Rodowód Piastów śląskich. Wrocław 1977. T. III. S. 33–35.
30. Sm.: Schneider F. Studien zu Johannes von Viktring // Neues Archiv. 1903. № 28; Lhotsky A. Johann von Viktring // Europäisches Mittelalter: Aufsätze und Vorträge / H. Wagner, H. Koller. Munich, 1970; Bassi U., Kamptner M. Studien zur Geschichtsschreibung Johanns von Viktring. – Klagenfurt, 1997; Mliner J. Janez Veitrijski in njegovo poznavanje Kranjske v Knjigi resničnih zgodb (Liber certarum historiarum) // Zgodovinski Casopis. Letnik 58. 2004. № 3–4.
31. Vojtovich L. Knjaz' Lev Danilovich. S. 133, 166.
32. Sm.: Grushevs'kij M. Istorija Ukraini-Rusi. S. 118.
33. Annales Osterhovenses / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. Hannoverae, 1925. T. 17. P. 537–558.
34. Ottokars Österreichische Reimchronik / Hrsg. J. Seemuller // Monumenta Germaniae Historica. Deutsche Chroniken. T. V. Bd. 2. Hannoverae, 1890.
35. Continuato Zwetlensis Tertia / Ed. W. Wattenbach // MGH. SS. Hannoverae, 1925. T. IX. P. 654–669.

36. Continuatio Sancrucensis Tertia / Ed. W. Wattenbach // Ibid. P. 732–735.
37. «Domnu Otto rex Ungarie et dux Bavarie mirabiliter a captivitate Ungarica liberatus, per Prusciam et Rusciam ad terram suam rediens, in ipsa via filiam ducis Gloavie nomine Elyzabet desponsat, quam postea breviter ducit uxorem» (Annales Osterhovenses. P. 555).
38. Sm.: Boehmer J. F. Vorrede // Fontes Rerum Germanicarum. Geschichtsquellen Deutschlands / Hrsg. J. F. Boehmer. Stuttgart, 1845. S. 54–56; Wattenbach W. Annales Osterhovenses // MGH. SS. T. 17. P. 537–538.
39. Ibid. P. 537.
40. Ottokars Österreichische Reimchronik. P. 1154–1155. Takzhe sm.: Grushevskij M. Istorija Ukraini-Rusi. S. 118; Isaevich D. Galicko-Volynskoe knjazhestvo. S. 75; Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 323.
41. Huber A. Die Steirische Reimchronik und das Österreichische Interegnum // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1883. T. IV. S. 41–74.
42. «1308 prefatus Otto dux Babarie dimissus a rege Ruscie, cui antea a duci Transilvano commissus fuerat, relicto regno Ungarie solum proprium rameavit, non sine rubore; cunctis pene tunc Ungaris voto et assensu in prefatum Karolum concurrentibus» (Continuatio Sancrucensis Tertia. P. 734).
43. Wattenbach W. Continuatio Sancrucensis Tertia // Ibid. P. 732; Klebel E. Die Fassungen und Handschriften der österreichischen Annalistik // Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich (dalee – Jahrb. Landesk. Niederösterr.). Wien, 1928. T. 21. P. 112–114.
44. «Dux Bawarie Otto in Hungaria cum in regnum non proficeret, domum revertitur, hac sola apud Ungaros potitus felicitate, quod eorum ac Ruthenorum in quas traditus fuerat captivitates, Deo miserante evasit» (Continuatio Zwetlensis Tertia. P. 662).
45. Wattenbach W. Continuatio Zwetlensis Tertia // MGH. SS. T. IX. P. 654–655.
46. «Anno Domini MCCCVIII occiso rege in Olomucz rex Ungarie Stephanus a suis Ungaris defraudatur et infidelibus ultra partes Russye venditur» (Kronika Neplachova. P. 478).
47. Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 323.
48. Cronica de ducibus Bavarie / Hrsg. G. Leidinger // Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum. Bayerische Chroniken des XIV Jahrhunderts. Hannover, 1918.
49. «Et remocioribus partibus sive terris, videlicet Ruscia et Brucia, more ribaldi sive lusoris transcursus venit in Preslah» (Ibid. P. 151).
50. Sm.: Leidinger G. Cronica de ducibus Bavarie. Einleitung // Ibid. P. 139–145.
51. Dicker S. Landesbewusstsein und Zeitgeschehen. Studien zur bayerischen Chronistik des 15 Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 2009. P. 41–52.
52. Märkl C. Andreas von Regensburg. Augustinerchorherr und Geschichtsschreiber (ca. 1380–ca. 1442) // Berühmte Regensburger. Lebensbilder aus zwei Jahrtausenden. Regensburg, 1997. S. 99–105.
53. Dicker S. Landesbewusstsein und Zeitgeschehen. S. 30.
54. Ibid. S. 41.
55. Die Kölner Weltchronik 1273/1278–1376 / Hrsg. R. Sprandel // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Germanicarum. Nova series (dali – MGH. SS rer. Germ. N.S.). T. 15. München, 1991.
56. «... ad convivium fuisset vocatus ... detentus fuit in eodem castro et inde ad diversa extranea et incognita loca per regna Ruthenorum atque Bulgarie exilio relegatus» (Ibid. P. 65).
57. Sprandel R. Einleitung // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XV. München, 1991. P. 12–19.
58. Die Weltchronik des Mönchs Albert 1273/1277 – 1454/56 / Hrsg. R. Sprandel // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XVII. München, 1994.
59. «...ad convivium fuisset invitatus, in quodam castro capitur et ad diversa loca per Bulgarorum et Ruthenorum regna fuit deductus» (Ibid. P. 211).
60. Engels O. Albert von Siegburg oder Albert Stuten? Beobachtungen zu einer Weltchronik des 15 Jahrhunderts // Studien zum 15. Jahrhundert: Festschrift für Erich Meuten / hrsg. von J. Helmuth und H. Müller in Zusammenarbeit mit H. Wolff. München, 1994. Bd. 1. S. 763–780.
61. Sprandel R. Einleitung // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XVII. P. 13.
62. Ibid. P. 18–24.

63. Ebendorfer Thomas. *Chronica Austriae* / Hrsg. A. Lhotsky // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XIII. Berlin; Zürich, 1967.
64. «Sed haud longius Ladislaus vayvoda Transilvanus ipsum detinuit et extorta ab eo corona miserabiliter suo in castro in vincula coniecit et postea regi Ruscie presentavit, a quo tandem libertati donatus ad natale solum cum rubore cogitur remeare Anno Domini MCCCVIII» (Ibid. P. 205).
65. Lhotsky A. *Leben und werke* // Ibid. P. 1–25.
66. Grossman K. Die Frühzeit des Humanismus in Wien bis zu Celtis' Berufung 1497 // *Jahrb. Landesk. Niederöster. Wien*, 1929. T. 22. P. 169–173; Lhotsky A. Thomas Ebendorfer und die österreichischen Freiheitsbriefe // Ibid. Wien, 1944–48. T. 29. P. 131–143.
67. Lhotsky A. Die quellen der «Chronica Austriae» // MGH. SS rer. Germ. N.S. T. XIII. P. 35, 140.
68. Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 323.
69. Sm.: Isaevich D. Galicko-Volynskoe knjazhestvo. S. 73; Vojtovich L. Galic'ko-Volins'ki etjudi. S. 324–325.
70. Grushevs'kij M. Istorija Ukraïni-Rusi. S. 118–119; Vojtovich L. Galic'ko-volins'ki etjudi. S. 323.

Mihail Nesin

Galickoe veche v 1235-1240-h gg. 88-110

1. Nesin M.A. Galickoe veche v 1204-1229 gg. // *Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal* / *Otv. red. S.G. Sulyak. [Kishinev]*, 2011. № 2 (24). On zhe. Galickoe veche v 1229-1234 gg. // *Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal* / *Otv. red. S.G. Sulyak. [Kishinev]*, 2011. № 3 (25).
2. PSRL. T. II. M., 2000. Stb. 772.
3. PSRL. T. II. Stb. 773.
4. Grushevs'kij M.S. *Hronol'ogija podij Galic'ko-Volins'koj litopisi* // *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka. L'viv*, 1901. T. 41 S. 26, 44.; Shabaga A.V. *Opyt modelirovanija social'nyh processov: prichiny voennyh konfliktov v Galicko-Volynskoj Rusi. M.*, 2003. S. 172.
5. Mayorov A.V. *Galicko-Volynskaja Rus'. Ocherki social'no-politicheskikh otoshnenij v domongol'skij period. Knjaz', bojare i gorodskaja obshhina. Spb.*, 2001. S. 567.
6. PSRL. T. II. Stb. 773-774.
7. Tatishev V N. *Istorija Rossijskaja. M.*, 2003. T. III. S. 230.
8. *Novgorodskaja letopis' starshego i mladshhego izvodov (dalee NIL)* PSRL. T. III. M., 2000. S. 74, 284-285; PSRL. T. 40. M., 2000. S. 120.
9. PSRL. T. II. Spb., 1843. S. 338.
10. Mayorov A.V. *Galicko-Volynskaja Rus'. S.* 567.
11. PSRL. T. II. Stb. 773-774.
12. Tatishev V.N. *Istorija Rossijskaja. T. III. S.* 230.
13. NIL. S. 74, 284-285.
14. Nesin M.A. *Galickoe veche v 1229-1234 gg.*
15. PSRL. T. II. Stb. 780.
16. PSRL. T. II. Stb. 774.
17. Sm., napr.: Solov'ev S.M. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 2. M.*, 1992. S. 15. Kostomarov N.I. *Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej. M.*, 2004. S. 120.; *Galicko-Volynskaja letopis' (Podg. teksta, perevod i komm. O. P. Lihachevoj)* // *Pamjatniki drevnerusskoj literatury XIII veka. M.*, 1981. S. 391.
18. Mayorov A.V. *Galicko-Volynskaja Rus'. S.* 567.
19. PSRL. T. II. Stb. 773. *Primech.* 31.
20. PSRL. T. II. Stb. 774.
21. Rybakov B. A. *Torchesk - gorod chernyh klobukov* // *Arheologicheskie otkrytija 1966 g. M.*, 1967. C. 243-245.
22. PSRL. T. II. Stb. 774.
23. PSRL. T. II. Stb. 773-774.
24. PSRL. T. II. Stb. 773.
25. Nesin M.A. *Galickoe veche v 1229-1234 gg. S.* 52-62.
26. PSRL. T. II. Stb. 743.
27. Nesin M.A. *Galickoe veche v 1204-1229 gg. S.* 16.
28. Mayorov A.V. *Galicko-Volynskaja Rus'. S.* 520; Nesin M.A. *Galickoe veche v 1229-1234 gg.*
29. PSRL. T. II. Stb. 774.

30. Sm., napr.: Galicko-Volynskaja letopis'. (Perevod O. P. Lihachevoj). Primech. № 226. S. 515.
31. Pashuto V.T. Ocherki istorii Galicko-Volynskoj Rusi. M., 1950 S. 216-217; Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 564-566.
32. PSRL. T. II. Spb., 1843. S. 338; NIL. S. 74, 284-285; PSRL. T. 40; Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 564-566.
33. Shabaga A.V. Opyt modelirovanija... S. 175.
34. NIL. S. 74, 285.
35. PSRL. T. II. Stb. 774.
36. PSRL. T. II. Stb. 774.
37. PSRL. T. II. Stb. 774.
38. Podrobnее ob jetom sm.: Nesin M.A. Galickoe veche v 1229-1234 gg. S. 55-56.
39. PSRL. T. II. Stb. 729, 755, 765; Nesin M.A. Galickoe veche v 1204-1229 gg. On zhe. Galickoe veche v 1229-1234 gg.
40. Nesin M.A. Galickoe veche v 1229-1234 gg. S. 54-57.
41. Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 568.
42. PSRL. T. II. Ctb. 778.
43. PSRL. T. II. Stb. 774.
44. PSRL. T. II. Stb. 777.
45. Grushevs'kij M.S. Hronol'ogija podij... S. 27, 45.; Shabaga A.V. Opyt modelirovanija... S. 175.
46. PSRL. T. II. Stb. 777.
47. Sm., napr.: Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraïni-Rusi. Kiïv, 1993. T. III. S. 476; Pashuto V.T. Ocherki istorii... S. 217.; Kostomarov N. I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah... S. 119; Kotljars'kij N.F. Galicko-Volynskaja letopis' (istochniki, struktura, zhanrovyje i idejnye osobennosti) // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1995 god. M., 1997. S. 109; Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. C. 572.
48. PSRL. T. I. Stb. 67.
49. PSRL. T. II. Stb. 778.
50. Sm., napr.: PSRL. T. II. Stb. 762, 765, 777 i dr.
51. Zhuravel' A.V. «Aki molnia v den' dozhdja». T. I. S. 274-384.
52. Frojaov I.Ja. Dvornichenko A.Ju. Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi. L., 1988. S. 76-80.
53. Presnjakov A.E. Knjazh'e pravo v Drevnej Rusi. M., 1993.; Nesin M.A. Galickoe veche v sobytijah 1187-1188 gg. // Rusin. Mezhdunarodnyj istoričeskij žurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. [Kishinev]. 2009. №3 (17). On zhe. Galickoe veche pri Jaroslave Osmomyse // Rusin. Mezhdunarodnyj istoričeskij žurnal / Otv. red. S.G. Sulyak. [Kishinev]. 2010. № 1 (19). On zhe. Galickoe veche v 1204-1229 gg. On zhe. Galickoe veche v 1229-1234 gg.
54. PSRL. T. II. Stb. 762.; Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 520; Nesin M.A. Galickoe veche v 1229-1234 gg. S. 64-65.
55. Sm., napr.: Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraïni — Rusi. S. 476. Pashuto V.T. Ocherki istorii... S. 217.; Kostomarov N. I. Russkaja istorija v zhizneopisanijah... S. 119; Kotljars'kij N.F. Galicko-Volynskaja letopis'. S. 109; Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda. SPb., 2003.
56. Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 572. On zhe. Daniil Romanovich v Galiche nakanune tataro-mongol'skogo nashestvija // Issledovanija po ruskoj istorii. Sbornik statej k 65-letiju professora I.Ja. Frojanova / Otv. red. V.V. Puzanov. SPb.; Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 2001.
57. Lukin P.V. Veche: social'nyj sostav // Gorskij A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. Drevnjaja Rus'. Ocherki političeskogo i social'nogo stroja. M., 2008. S. 105-107.
58. Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 572; On zhe. Daniil Romanovich v Galiche...
59. PSRL. T. II. Stb. 777.
60. Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 572; On zhe. Daniil Romanovich v Galiche...
61. Tam zhe.
62. Nesin M.A. Galickoe veche v 1204-1229 gg.; On zhe. Galickoe veche v 1229-1234 gg.
63. PSRL. T. II. Stb. 777.
64. Grushevs'kij M.S. Istorija Ukraïni-Rusi... T. II. S. 477.
65. PSRL. T. II. Stb. 718.
66. PSRL. T. II. Ctb. 789.

67. PSRL. T. II. Stb. 777.
68. PSRL. T. II. Stb. 777.
69. PSRL. T. II. Stb. 722, 730.; Nesin M.A. Galickoe veche v 1204-1229 gg. S. 10-11.
70. PSRL. T. II. Stb. 778.
71. PSRL. T. II. Stb. 778.
72. PSRL. T. II. Stb. 778.
73. PSRL. T. II. Stb. 777.
74. PSRL. T. II. Stb. 784.
75. Sm. napr.: Zhuravel' A. V. "Aki molnija v den' dozhdja"... S. 284 i sl.
76. PSRL. T. II. Stb. 784
77. PSRL. T. II. Stb. 784
78. Galicko-Volynskaja letopis'.... (Perevod O. P. Lihachevoj) S. 490.
79. Mayorov A. V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 520.; Nesin M. A. Galickoe veche v 1229-1234 gg. S. 64-65.
80. PSRL. T. II. Stb. 784.
81. PSRL. T. II. Stb. 787.
82. PSRL. T. II. Stb. 787.
84. Cit. po: Sergeevich V.I. Drevnosti russkogo prava. V treh tomah. M., 2006. T. I. Territorija i naselenie. S. 95.
85. Solov'ev. S.M. Daniil Romanovich, korol' Galickij // Sovremennik. 1847. T. I. Otd. 2. SPb., 1847. S. 110-111.; Sofronenko K. A. Obshestvenno-politicheskij stroj Galicko-Volynskoj Rusi XI-XIII vv. M., 1955; Nesin M. A. Galickoe veche v 1204-1229 gg. S. 8-9.
86. PSRL. T. II. Stb. 787.
87. PSRL. T. II. Stb. 787.
88. Pashin S.S. Bojarstvo i zavisimoe naselenie Galickoj (Chervonij) Rusi XI-XV vv.: Avtoref. kand. dis. L., 1986; Frojanov I.Ja. Dvornichenko A.Ju. Goroda-gosudarstva...
89. Linnichenko A.I. Kriticheskij obzor sovremennoj literatury po istorii Galickoj Rusi // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1891. N° 5
90. Janin V.L. Novgorodskaja feodal'naja votchina. M., 1981.
91. Istoriografiju dannoj problemy Sm.: Alekseev Ju.G. Za Otechestvo svoe stajatel' // Frojanov I. Ja. Nachala russkoj istorii. Izbrannoe. M., 2001.
92. PSRL. T. II. Stb. 787.
93. PSRL. T. II. Stb. 787.
94. PSRL. T. II. Stb. 787.
95. PSRL. T. II. Stb. 788.
96. PSRL. T. II. Stb. 754.
97. PSRL. T. II. Stb. 788.
98. PSRL. T. II. Stb. 789.
99. PSRL. T. II. Stb. 789.
100. PSRL. T. II. SPb., 1843. S. 340.
101. Mayorov A.V. Galicko-Volynskaja Rus'. S. 462.
102. Nesin M.A. Galickoe veche v 1229-1234 gg. S. 59.
103. PSRL. T. II. SPb., 1843. S. 340.
104. PSRL. T. II. SPb., 1843. S. 340.
105. Ipat'evskaja letopis' // PSRL. T. II. M., 2000. Stb. 801.

Vasil' Mischanyn

Promislovij rozvitok Zakarpattja 1944-1950 rr.: perehid na socialistichnu ekonomiku

1. Bandrovs'kij G.J. Na magistrali zvershen'. Uzhgorod: Karpati, 1986. 144 s.; Il'nic'kij Ju. 20 radjans'kih rokiv. Uzhgorod: Karpati, 1965. - 91 s.

2. Arsent'ev M.V. Do pitannja rozvitku socialistichnoj promislovosti Zakarpattja za 20 rokiv (1946-1965 rr.) // Velikij Zhovten' i rozkvit vozz'ednanogo Zakarpattja: Materiali nauk. sesiï, prisvjachenoi 50-richchju Velikoï Zhovtnevoi soc. revoluciji, (29 chervnja – 2 lipnja 1967 r.) Uzhgorod: Karpati, 1970. S. 307-318; Arsent'ev M.V., Zilgalov V.O., Galda P.P. Rozvitok promislovosti Radjans'kogo Zakarpattja // Zakarpattja: minule i suchasne. Zbirnik. Uzhgorod: UzhDU, 1986. S. 124-136.

3. Granchak I.M. Zakarpattja v sim'i narodiv SRSR. Do 40-richchja vozz'ednannja Zakarpattja z URSR. K.: Znannja, 1985. - 47 s.

4. Kucenko K.O. Bratnja dopomoga narodiv SRSR u vidbudovi i rozvitku promislovosti Zakarpats'koï oblasti // Velikij Zhovten' i rozkvit vozz'ednanogo Za-

karpattjia: Materiali nauk. sesii, prisvjachenoï 50-richchju Velikoï Zhovtnevoi soc. revoljucii, (29 chervnja – 2 lipnja 1967 r.) Uzhgorod: Karpati, 1970. S. 283-293.

5. Shershun I.G. Rozkvit Zakarpattja za roki radjans'koï vladi // Ukrain's'kij istorichnij zhurnal. 1980. S. 47-54; Shershun I., Mel'nik V. Do pitannja pro social'no-ekonomichni peretvorennja v Zakarpatti (listopad 1944 – gruden' 1945 rr.) // Zakarpats'ka Ukraïna. Osin' 1944 roku. Materiali naukoivoi konferencii, prisvjachenoï 50-richchju vizvolennja Zakarpattja vid fashizmu ta 50-richchju pershogo z'izdu Narodnih komitetiv Zakarpats'koï Ukraïni. Uzhgorod: Patent, 1995. S. 63-68.

6. Narisi istorii Zakarpats'koï oblasnoï partijnoï organizacii. Uzhgorod: Karpati, 1980. – 320 s.; Rozkvit Zakarpattja v bratnij sim'i narodiv. L'viv: Vishha shkola, 1985. – 147 s.; Ukrainskie Karpaty. Istorija. K.: Naukova dumka, 1989. – 264 s.

7. Granchak I.M. Rozvitok promislivosti u Zakarpatti: zdobutki ta upushhennja (1946-1990) // Narisi istorii Zakarpattja. T. III (1946-1991). Uzhgorod: Gosprozrahunkovij redakcijnno-vidavnicij vidil upravlinnja u spravah presi ta informacii, 2003. S. 73-115.

8. Makara M.P. Zakarpats'ka Ukraïna: shljah do vozz'ednannja, dosvid rozvitku (zhovten' 1944 – sichen' 1946 rr.). Uzhgorod: Patent, 1995. – 108 s.; Makara M.P. Vidbudova i peretvorennja v galuzi promislivosti / Zakarpats'ka Ukraïna: dosvid rozvitku, problemi vozz'ednannja (kinec' 1444-1945 rr.) // Narisi istorii Zakarpattja. T. II (1918-1945) / Red. kol.: I. Granchak, E. Balaguri, V. Il'ko, I. Pop: istorija. Uzhgorod: Zakarpattja, 1995. S. 619-625.

9. Oficins'kij R. Industrializacija ta urbanizacija / Radjans'ke Zakarpattja (1944-1991) // Zakarpattja 1919-2009 rokov: istorija, politika, kul'tura /ukrainomovnij variant ukrain's'ko-ugors'kogo vidannja / Pid red. M. Vegesha, Ch. Fedinec'. Uzhgorod, Poligrafcentr «Lira», 2010. S. 300-316.

10. Makara M.P. Zakarpats'ka Ukraïna... S. 60.

11. Makara M.P. Zakarpats'ka Ukraïna... S. 60; Istorija mist i sil Ukrain's'koï RSR: v 26 t. Zakarpats'ka oblast'. K.: Golov. red. URE: AN URSR, 1969. S. 58; Zakarpats'ka oblast' (Korotkij dovidnik). Uzhgorod: Kn.-gaz. vid-vo. 1947. S. 47.

12. Makara M.P. Zakarpats'ka Ukraïna... S. 61.

13. Visnik NRZU (Urjadovij organ Narodnoï Radi Zakarpats'koï Ukraïni). 1944. 15 grudnja.

14. Visnik NRZU. 1944. 30 grudnja.

15. Visnik NRZU. 1945. 15 sichnja.

16. Visnik NRZU. 1945. 31 sichnja.

17. Visnik NRZU. 1945. 15 ljutoga.

18. Derzhavnij arhiv Zakarpats'koï oblasti (dali DAZO). Fond (F.) P-1 (Zakarpats'kij obkom Kompartii Ukraïni). Op. 1. Spr. 51. Ark. 100.

19. Shershun I., Mel'nik V. Do pitannja pro social'no-ekonomichni peretvorennja v Zakarpatti (listopad 1944 – gruden' 1945 r.) // Zakarpats'ka Ukraïna. Osin' 1944 roku. Materiali naukoivoi konferencii, prisvjachenoï 50-richchju vizvolennja Zakarpattja vid fashizmu ta 50-richchju pershogo z'izdu Narodnih komitetiv Zakarpats'koï Ukraïni. Uzhgorod: Patent, 1995. S. 66.

20. DAZO. F. P-1. Op.1. Spr.51. A. 100; Zakarpats'ka Ukraïna (organ Narodnoï Radi Zakarpats'koï Ukraïni). 1945. 29 travnja.

21. Istorija mist i sil Ukrain's'koï RSR: v 26 t. Zakarpats'ka oblast'. K.: Golov. red. URE: AN URSR, 1969. S. 60-61.

22. DAZO. F. R-14 (Prezidija Narodnoï radi Zakarpats'koï Ukraïni). Op.1. Spr. 310. A. 41.

23. Radjans'ke Zakarpattja 1946-1958 rr. Dokumenti i materiali. Uzhgorod: Karpati, 1988. S. 27-28.

24. Chvert' viku v sim'i vol'nij novij. Urochiste zasidannja partijnih, radjans'kih i gromads'kih organizacij oblasti razom z predstavnikami trudjashhij ta voïniv Uzhgorods'kogo garnizonu, prisvjachene 25-richchju vozz'ednannja Zakarpattja z Radjans'koju Ukraïnoju. Dopovid' Ju.V.Il'nic'kogo // Zakarpats'ka pravda. 1970. 30 chervnja.

25. Suprun D. Spokonvichna mrija zbulasja. K.: Politvidav Ukraïni, 1973. S. 133.

26. Granchak I.M. Zakarpattja v sim'i narodiv SRSR... S. 16.

27. Z dzherel braterstva. Cifri i fakti // Zakarpats'ka pravda. 1985. 29 chervnja.

28. Il'nic'kij Ju. 20 radjans'kih rokov. Uzhgorod: Karpati, 1965. S. 28; Zdobutki braterstva. Uzhgorod: Karpati, 1967. S. 63.

29. Rozkvit Zakarpattja v bratnij sim'i narodiv. L'viv: Vishha shkola, 1985. S. 45.

30. Rozkvit Zakarpattja v bratnij sim'i narodiv... S. 45; Poljans'kij O.A. Dari lisu.

- Uzhgorod: Karpati, 1967. S. 20; Anuchin V.A. Geografija Sovetskogo Zakarpatt'ja. M.: Gosudarstvennoe izdanie geograficheskoj literatury, 1956. S. 44.
31. Radjans'ke Zakarpattja 1946-1958 rr. ... S. 28-29.
32. Rozkvit Zakarpattja v bratnij sim'i narodiv... S. 47.
33. Shljahom do shhastja. Narisi istorii Zakarpattja. Uzhgorod: Karpati, 1973. S.182.
34. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 402. Ark. 1.
35. Radjans'ke Zakarpattja 1946-1958 rr. ... S. 46-47.
36. Shljahom do shhastja... S. 183.
37. Ukrainskie Karpaty. Istorija. K.: Naukova dumka, 1989. - 264 s. (S.180); Radjans'ke Zakarpattja 1946-1958 rr. ... S. 105.
38. Shljahom do shhastja... S. 183.
39. Shljahom do shhastja... S. 184; Arsent'ev M.V., Zilgalov V.O., Galda P.P. Rozvitok promislivosti Radjans'kogo Zakarpattja // Zakarpattja: minule i sučasne. Zbirnik. Uzhgorod: UzhDU, 1986. S. 126; Radjans'ke Zakarpattja 1946-1958 rr. ... S. 105.
40. Zakarpats'ka oblast' (Korotkij dovidnik). Uzhgorod: Kn.-gaz. vid-vo. 1947. S. 47-48; Shljahom do shhastja... S. 186.
41. Shljahom do shhastja... S. 186.
42. DAZO. Protokol № 63 zasedanij bjuro obkoma KP(b)U s prilozhenijami (19.05.1950 g.) // F. P-1. Op. 1. Spr. 1183. Ark. 31.
43. Zakarpats'ka oblast' (Korotkij dovidnik). Uzhgorod: Kn.-gaz. vid-vo. 1947. S. 47-49.
44. Radjans'ke Zakarpattja 1946-1958 rr. ... S. 42.
45. Ukrainskie Karpaty. Istorija. K.: Naukova dumka, 1989. S. 183.
46. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 496. Ark. 127-128.
47. Ukrainskie Karpaty. Istorija. K.: Naukova dumka, 1989. S. 183.
48. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 496. Ark. 139-141.
49. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 204. A. 1-136. (A. 131); Rozkvit Zakarpattja v bratnij sim'i narodiv... S.51.
50. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 508. Ark. 46.
51. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr.2. Ark. 134.
52. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1153. Ark. 54-55.
53. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr.2. Ark. 135.
54. Ukrainskie Karpaty... S.184.
55. Shljahom Zhovtnja. Zbirnik dokumentiv. T.VI. Serpen' 1944 – sichen' 1946 r. Uzhgorod: Karpati, 1965. S. 265.
56. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 508. Ark. 46.
57. Kucenko K.O. Bratnja dopomoga narodiv SRSR... S. 286.
58. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 350. Ark. 1.
59. DAZO. F.P-1. Op. 1. Spr. 196. A. 44; Shljahom do shhastja... S.187-188.
60. Granchak I.M. Zakarpattja v sim'i narodiv SRSR... S. 17.
61. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 314. Ark. 1.
62. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 320. Ark. 4.
63. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 315. Ark. 7.
64. DAZO. R-14. Op. 1. Spr. 316. Ark. 1, 5.
65. DAZO. R-14. Op. 1. Spr. 310. Ark. 44.
66. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 310. Ark. 45.
67. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 316. Ark. 6.
68. Shljahom do shhastja... S.181.
69. Tam samo. S.182-183.
70. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 328. Ark. 16.
71. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 320. Ark. 10.
72. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 328. Ark. 16.
73. Zakarpats'ka pravda. 1946. 5 zhovtnja; Zakarpats'ka pravda. 1948. 2 sichnja; Granchak I.M. Zakarpattja v sim'i narodiv SRSR... S.17; Shljahom do shhastja... S.182.
74. Zakarpats'ka pravda. 1947. 19 veresnja.
75. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 550. Ark. 34.
76. Arsent'ev M.V. Do pitannja rozvitku socialistichnoï promislivosti Zakarpattja za 20 rokov (1946-1965 rr.)... S. 315.
77. Kucenko K.O. Bratnja dopomoga narodiv SRSR... S. 286.
78. Zakarpats'ka pravda. 1945. 21 listopada; Zakarpats'ka pravda. 1945. 22 grudnja.

79. DAZO. F.P-1. Op.1. Spr. 520. Ark. 12-13.
 80. Zdobutki braterstva. Uzhgorod: Karpati, 1967. S. 112.
 81. Narisi istorii Zakarpats'koi oblasnoi partijnoi organizacii... S. 187; Shljahom do shhastja... S. 179-180.
 82. DAZO. F.P-1. Op. 1. Spr. 216. Ark. 210.
 83. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1177. Ark. 48.
 84. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1195. Ark. 84.
 85. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1153. Ark. 40.
 86. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1228. Ark. 54.
 87. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1209. Ark. 11.
 88. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 317. Ark. 1.
 89. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 334. Ark. 2; Arsent'ev M.V., Zilgalov V.O., Galda P.P. Rozvitok promislivosti Radjans'kogo Zakarpattja // Zakarpattja: minule i sushasne. Zbirnik Uzhgorod: UzhDU, 1986. S. 126-127.
 90. DAZO. F.P-1. Op. 1. Spr. 196. Ark. 2.
 91. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 2. Ark. 108.
 92. Shljahom do shhastja... S. 196.
 93. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 17. Ark. 42.
 94. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 849. Ark. 39.
 95. Shljahom Zhovtnja... S. 92-93, 395.
 96. Shljahom do shhastja... S. 195.
 97. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 845. Ark. 40-41; Shljahom do shhastja... S. 195.
 98. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 361. Ark. 1.
 99. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 364. Ark. 3.
 100. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 361. Ark. 1.
 101. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 362. Ark. 5.
 102. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 367. Ark. 2.
 103. Rushhak M. Resursnij potencial Zakarpattja i jogo dostatnist' dlja samorozvitku // Novini Zakarpattja. 1994. 17 ljutogo.
 104. Zakarpats'ka oblast' (Korotkij dovidnik)... S. 48.
 105. Rushhak M. Nazvana pracja.
 106. Rozkviz Zakarpattja v bratnij sim'ij narodiv. L'viv: Vishha shkola, 1985. S. 49.
 107. Zakarpats'ka pravda. 1948. 3 sichnja.
 108. DAZO. F. R-14. Op. 1. Spr. 366. Ark. 6; Radjans'ke Zakarpattja 1946-1958 rr. ... S. 44.
 109. Zakarpats'ka oblast' (Korotkij dovidnik). Uzhgorod: Kn.-gaz. vid-vo. 1947. S. 48.
 110. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 526. Ark. 43.
 111. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1153. Ark. 30.
 112. DAZO. F. P-1. Op. 1. Spr. 1177. Ark. 40.

Maksim Zhih

Valentin Vasil'evich Sedov. Stranicy zhizni i tvorcestva slavjanskogo podvizhnika. Chast' 1.

1. Kuz'min A.G. Uchjonye mnenija i legendy o slavjanskoj prarodine // Slavjane i Rus': Problemy i idei. M., 2001. S. 5. Sr. Shafarik P.I. Slavjanskije drevnosti. T. I. Kn. 1. M., 1847; T. I. Kn. 2. M., 1847; T. II. Kn. 1. M., 1847; T. II. Kn. 2. M., 1847.
2. Uchjonyj do mozga kostej. Interv'ju s V.V. Sedovym // PG. 2003. № 43 (164). 3. Sm., napr.: Sedov V.V. Jubilejnyj vandalizm // PG. 2004. № 38 (208).
4. Valentin Vasil'evich Sedov: biobibliograficheski ukazatel' / Ros. akad. nauk, In-t arheologii / Cost. N.V. Lopatin. M., 1999; Makarov N.A. Valentin Sedov // Na rubezhe tysjacheletij. Kniga o ljudjah kul'tury i iskusstva. Pskov, 2002; Valentin Vasil'evich Sedov / Sost. V.E. Rodnikova. Vstup. st. N.A. Makarova / RAN. Materialy k biobibliografii uchjonyh: Istoricheskie nauki. Vyp. 28. M., 2004 (dalee – Valentin Vasil'evich Sedov); Valentin Vasil'evich Sedov // Vostochnaja Evropa v srednevekov'e. K 80-letiju V.V. Sedova. M., 2004; Sedov Valentin Vasil'evich. Nekrolog. Kollegi i ucheniki // RA. 2004. № 4; Chernecov A.V. Valentin Vasil'evich Sedov // RA. 2004. № 4; Ignat'eva V.P. Slava ego malo volnovala... // PP. 2004. 14 oktjabrja; Pamjati V.V. Sedova // Slavjanovedenie. 2005. № 4; Beleckij S.V., Shhegllova O.A. Svetloj pamjati M.V. i V.V. Sedovyh // Stratum plus. 2005-2009. № 5; Pamjati V.V. Sedova: umer bessmennij chasovoj Pskova // PG. 2004. № 38 (208); «Jeto byl ochen' ser'eznyj orientir v nashej zhizni». Pskovskie kollegi vspominajut V.V. Sedova // PG. 2004. № 38 (208); Zav'jalov V.I. Pamjati V.V. Sedova // KSIA. 2005. Vyp. 218; Labutina I.K. V.V. Sedov i Pskovskij kraj // AIPPPZ. Materialy 50-go nauchnogo

seminara. 2004; Ona zhe. Ob odnom iz poslednih vystuplenij V.V. Sedova v zashhitu arheologicheskogo nasledija // Izborsk i ego okruga. Materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Izborsk, 2006; Lopatin N.V. Slovo o V.V. Sedove // AO 2004 g. M., 2005; Kirpichnikov A.N. Slovo o V.V. Sedove // AIPPP. Materialy LI nauchnogo semi-nara, posvjashhjonnoho pamjati akademika V.V. Sedova. 2006; Beleckij S.V. Kak nachinalsia Pskovskij seminar // Tam zhe; Makarov N.A., Gajdukov P.G., Lopatin N.V., Sedov V.I. V. Poslednjaja kniga akademika V.V. Sedova. Vmesto zakljuchenija // Sedov V.V. Izborsk v rannem srednevekov'e. M., 2007; Gajdukov P.G. K vyhodu v svet knigi V.V. Sedova «Izborsk v rannem srednevekov'e» // Izborsk i ego okruga: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2007-2008 gg. Izborsk, 2009; Harlashov B.N. i dr. Seminar «Arheologija i istorija Pskova i Pskovskoj zemli» imeni akademika V.V. Sedova // VRGNF. 2007. № 3 (48).

5. Raboty V.V. Sedova. Chast' 1. 1950-e gg.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/460329.html> (data obrashhenija: 28.10.2012).

Chast' 2. 1960-e gg.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/461101.html>

Chast' 3. 1970-e gg.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/462580.html>

Chast' 4. 1980-e gg.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/463704.html>

Chast' 5. 1990-e gg.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/464060.html>

Chast' 6. 2000-e gg.: <http://rossica-antiqua.livejournal.com/464143.html>

6. Zdes' i dalee vse fakty biografii V.V. Sedova dajutsja po izdaniuju: Valentin Vasil'evich Sedov / Sost. V.E. Rodnikova i drugim rabotam, ukazannym v pri-mechanii 4.

7. Uchjonyj do mozga kostej. Interv'ju s V.V. Sedovym.

8. Sedov V.V. Drevnerusskoe jazycheskoe svjatilishhe v Peryni // KSIIMK. 1953. Vyp. 50; On zhe. Novye dannye o jazycheskom svjatilishhe Peruna (po raspokpam Novgorodskoj jekspedicii 1952 g.) // KSIIMK. 1954. Vyp. 53.

9. Chernecov A.V. Valentin Vasil'evich Sedov. S. 5.

10. Tam zhe. S. 6.

11. Tam zhe.

12. Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavjanskoj arheologii. T. I: Problemy slavjanskoj arheologii. M., 1997; T. II: Slavjanskij srednevekovyj gorod. M., 1997; T. III: Jetnogenez i jetnokul'turnye kontakty slavjan. M., 1997; T. IV: Obshhestvo, jekonomika, kul'tura i iskusstvo slavjan. M., 1998; T. V: Istorija i kul'tura drevnih i srednevekovyh slavjan. M., 1999.

13. Po sostojaniju na 2004 god: Valentin Vasil'evich Sedov. S. 132-136.

14. Chernecov A.V. Valentin Vasil'evich Sedov. S. 7.

15. <http://archaeolog.ru/~sedov>

16. Zhih M.I. K probleme rekonstrukcii samonazvanija nositelej imen'kovskoj kul'tury // Istorija i kul'tura slavjanskih narodov: dostizhenija, uroki, perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 25-26 nojabrja 2011 goda. Penza - Belostok - Praga, 2011.

17. Machinskij D.A. Migracija slavjan v I tysjacheletii n.je. (po pis'mennym istočnikam s privlečeniem dannyh arheologii) // Formirovanie rannefeodal'nyh slavjanskih narodnostej. M., 1981; On zhe. Nekotorye predposylki, dvizhushhie sily i istoricheskij kontekst slozhenija russkogo gosudarstva v seredine VIII - seredine XI v. // TGJe. 2009. T. 49. S. 472-483; Shhukin M.B. O treh putjah arheologicheskogo poiska predkov ranneistoricheskikh slavjan. Perspektivy tret'ego puti // ASGJe. 1978. Vyp. 28; On zhe. Sem' mirov drevnej Evropy i problemy jetnogeneza slavjan // Slavjane: jetnogenez i jetniceskaja istorija. L., 1989; On zhe. Rozhdenie slavjan // Stratum. Struktury i katastrofy. SPb., 1997.

18. Trubachev O.N. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. Lingvisticheskie issledovanija. M., 2002. S. 439.

19. Sedov V.V. Antropologicheskie tipy naselenija severo-zapadnyh zemel' Velikogo Novgoroda // KSIJe. 1952. Vyp. 15; On zhe. Jetniceskij sostav nasele-nija severo-zapadnyh zemel' Velikogo Novgoroda // SA. 1953. Vyp. XVIII; On zhe. Slavjanskie kurgannye cherepa Verhnego Podneprov'ja // SJe. 1955. № 3; On zhe. Slavjane Srednego Podneprov'ja (po dannym paleoantropologii) // SJe. 1974. № 1; On zhe. K paleoantropologii vostočnyh slavjan // Problemy arheologii Evrazii i Severnoj Ameriki. M., 1977.

20. Sedov V.V. Proishozhdenie i rannjaja istorija slavjan. M., 1979. S. 36-37.

21. Sedov V.V. Baltskaja gidronimija Volgo-Okskogo mezhdurech'ja // Drevnee naselenie v Podmoskov'e. M., 1971; On zhe. Nekotorye arealy arhaicheskikh slavjanskih gidronimov i arheologija // Perspektivy razvitija slavjanskoj onomastiki. M., 1980; On zhe. Stanovlenie i jetnogenez slavjan (po dannym arheologii i gidron-

imii // XI Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady rossijskoj delegacii. IKJeFSN. M., 1993.

22. Rybakov B.A. Jazychestvo drevnih slavjan. M., 1981. S. 218. Prim. 8.

23. Sedov V.V. Sel'skie poselenija central'nyh rajonov Smolenskoj zemli (VIII-XV vv.). M., 1960; On zhe. Novgorodskie sopki. M., 1970; On zhe. Slavjane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja. M., 1970; On zhe. Dlinnye kurgany krivichej. M., 1974; On zhe. Vostochnye slavjane v VI-XIII vv. M., 1982; On zhe. Drevnerusskaja narodnost'. Istoriko-arheologičeskoe issledovanie. M., 1999; On zhe. U istokov vostočnoslavjanskoj gosudarstvennosti. M., 1999.

24. Sedov V.V. Proishozhdenie i rannaja istorija slavjan. S. 101-133; On zhe. Očerki po arheologii slavjan. M., 1994; On zhe. Slavjane v drevnosti. M., 1994. S. 287-321; On zhe. Slavjane v rannem srednevekov'e. M., 1995. S. 68-94; 186-253; 358-384; On zhe. Slavjane. Istoriko-arheologičeskoe issledovanie. M., 2002. S. 203-323; 348-402; 525-574.

25. Vot osnovnye iz nih: Sedov V.V. Jetniceskij sostav naselenija severo-zapadnyh zemel' Velikogo Novgoroda; On zhe. Krivichi // SA. 1960. № 1; On zhe. O jugo-zapadnoj gruppe vostočnoslavjanskih plemjon // Istoriko-arheologičeskij sbornik k 60-letiju A.V. Arcihovskogo. M., 1962; On zhe. Dregovichi // SA. 1963. № 3; On zhe. Kurgany jatvjagov // SA. 1964. № 4; On zhe. Iz istorii vostočnoslavjanskogo rasselenija // KSIA. 1965. Vyp. 104; On zhe. Rjazano-Okskie mogil'niki // SA. 1966. № 4; On zhe. Kul'tura dnepro-dvinskogo mezhdureč'ja v konce I tys. do n.je. // SA. 1969. № 2; On zhe. Formirovanie slavjanskogo naselenija Srednego Podneprov'ja // SA. 1972. № 4; On zhe. Rannie kurgany vjatichej // KSIA. 1973. Vyp. 135; On zhe. Eshhjo raz o vklade baltov v kul'turu vostočnyh slavjan // SA. 1973. № 3; On zhe. Smolenskaja zemlja // Drevnerusskie knjazhestva X-XIII vv. M., 1975; On zhe. Anty // Problemy sovetskogo arheologii. M., 1978; On zhe. Jetnogeografija Vostočnoj Evropy serediny I tysjačeletija n.je. po dannym arheologii i lordana // Vostočnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. M., 1978; On zhe. Gorodishha Smolenskoj zemli // Drevnjaja Rus' i slavjane. Sbornik statej k 70-letiju akademika B.A. Rybakova. M., 1978; On zhe. Nachal'nyj jetap slavjanskogo rasselenija v oblasti dneprovskih baltov // BSI. 1980. M., 1981; 6; On zhe. Odezhdha vostočnyh slavjan VI-IX vv. n.je. // Drevnjaja odezhdha narodov Vostočnoj Evropy. M., 1986; On zhe. Zhilishha slovensko-krivichskogo regiona VIII-X vv. // KSIA. 1986. Vyp. 183; On zhe. Dialektno-plemennaja differenciacija slavjan v nachale srednevekov'ja po dannym arheologii // X Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetskogo delegacii. IKJeFSN. M., 1988; On zhe. Formirovanie vostočnoslavjanskoj narodnosti // KSIA. 1990. Vyp. 198; On zhe. Rasprostranenie hristianstva v Drevnej Rusi // KSIA. 1993. Vyp. 208; On zhe. Simpozium «Problema imen'kovskoj kul'tury» // RA. 1994. № 3; On zhe. Iz jetniceskoj istorii naselenija srednej polosy Vostočnoj Evropy vo vtoroj polovine I tysjačeletija n.je. // RA. 1994. № 2; On zhe. Vostočnoslavjanskaja jetnojazykovaja obshhnost' // VJa. 1994. № 4; On zhe. Stanovlenie kurgannoj obrjadnosti v rannesrednevekovom slavjanskom mire // Problemy proishozhdenija i istoričeskogo razvittija slavjan. Kiev; L'viv, 1997; On zhe. Belorusskoe Podvin'e i Smolenskoe Podneprov'e v period velikogo pereselenija narodov. RA. 1998. № 2; On zhe. Russkij kaganat IX veka // OI. 1998. № 4; On zhe. Predistorija belorusov // KSIA. 2001. Vyp. 211; On zhe. K jetnogenezu volzhskih bolgar // RA. 2001. № 2; On zhe. Osvoenie slavjanami Vostočnoevropejskoj ravniny // Vostočnye slavjane. Antropologija i jetniceskaja istorija. M., 2002; On zhe. Rusy v VIII – pervoj polovine X veka // KSIA. 2002. Vyp. 213; On zhe. O rusah i Russkom kaganate IX veka // Slavjanovedenie. 2003. № 2; On zhe. Sever Vostočnoevropejskoj ravniny v period pereselenija narodov i v rannem srednevekov'e (predistorija severnovelikorusov) // KSIA. 2005. Vyp. 218.

26. Avanesov R.I. Očerki ruskoj dialektologii. M., 1949. S. 230-234; Durnovo N.N. Vvedenie v istoriju russkogo jazyka. M., 1969; Nikolaev S.L. K istorii plemennyh dialektov krivichej // SS. 1990. № 4.

27. Moora H.A. Voprosy slozhenija jestonskogo naroda i nekotoryh sosednih narodov v svete dannyh arheologii // Voprosy jetniceskoj istorii jestonskogo naroda. Talin, 1956. S. 128-131; Setälä E.N. Suomensukuisten kanosojen esihistoria // SS. 1926. I. S. 160.

28. Istoriografiju sm.: Burov V.A. K probleme jetniceskoj prinadležnosti kul'tury dlinnyh kurganov // RA. 1996. № 1. Sm. takzhe: Shmidt E.A. Krivichi smolenskogo Podneprov'ja i Podvin'ja. Smolensk, 2012. S. 8-62 (novejšaja popytka obosnovat' baltskuju prinadležnost' kul'tury smolensko-polockih dlinnyh kurganov).

29. Mihajlova E.R. Kul'tura pskovskih dlennyh kurganov. Problemy hronologii i razvitiya material'noj kul'tury. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. SPb., 2009. S. 15.

30. Tam zhe.

31. Tret'jakov P.N. Finno-ugry, balty i slavjane na Dnepre i Volge. M.; L., 1966; On zhe. U istokov drevnerusskoj narodnosti. L., 1970; On zhe. Po sledam drevnih slavjanskih plemjon. L., 1982.

32. Sedov V.V. Slavjane Verhnego Podneprov'ja i Podvin'ja. S. 44-48; On zhe. Proishozhdenie i rannaja istorija slavjan. S. 74-78.

33. Lopatin N.V., Furas'ev A.G. O roli pamjatnikov III-V vv. v formirovanii kul'tur Pskovskih dlennyh kurganov i Tushemli-Bancerovshhiny // PAV. 1994. № 9; Oni zhe. Severnye rubezhi ranneslavjanskogo mira v III-V vv. M., 2007.

34. Dybo V.A., Zamjatina G.I., Nikolaev S.L. Osnovy slavjanskoj akcentologii. M., 1990. S. 156-159.

35. Islanova I.V. Udomeľ'skoe Poozer'e v jepohu zheleza i rannego srednevekov'ja. M., 1997. S. 22-56; 126-129.

36. Lopatin N.V., Furas'ev A.G. Severnye rubezhi ranneslavjanskogo mira. S. 11.

37. Lopatin N.V., Furas'ev A.G. O roli pamjatnikov III-V vv. v formirovanii...; Oni zhe. Severnye rubezhi ranneslavjanskogo mira. S. 92-103.

38. Zaliznjak A.A. Drevnenovgorodskij dialekt. M., 2004.

39. Filin F.P. Proishozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo jazykov. M., 2006. S. 342; Lamprecht A. Praslovanština a její chronologické členění // Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistu. 1978. S. 145; Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964. P. 302; Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 2005. S. 68.

40. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lichte der Namenforschung // JGO. 1981. Bd. 29. S. 321-336.

41. Ageeva R.A. Gidronimija Russkogo Severo-Zapada kak istochnik kul'turno-istoricheskoj informacii. M., 1974. S. 153-185. Sr.: Rospond S. Prastowanie w świetle onomastyki // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

42. Zelenin D.K. O proishozhdenii severnovelikorusskogo Velikogo Novgoroda // DSIJa. 1948. T. 26. S. 93.

43. Alekseeva T.I. Jetnogenez vostochnyh slavjan po dannym antropologii. M., 1973. S. 260.

44. Maljarchuk B. Sledy baltijskich slavjan v genofonde russkogo naselenija Vostočnoj Evropy // RJGG. 2009. T. I. № 1.

45. Sedov V.V. Russkij kaganat IX veka; On zhe. Drevnerusskaja narodnost'. S. 50-82; On zhe. Rusy v VIII – pervoj polovine X veka; On zhe. Slavjane. S. 245-295; On zhe. O rusah i Russkom kaganate IX veka.

46. Istoriografiju voprosa sm.: Saharov A.N. Diplomacija Drevnej Rusi. M., 1980. S. 22-46; Lovmjan'skij H. Rus' i normanny. M., 1985. S. 194-197; Shaskol'skij I.P. Izvestija Bertinskih annalov v svete dannyh sovremennoj nauki // LH. 1980. M., 1981; Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata. M., 2002. S. 13-38; Filjushkin A.I. Tituly russkikh gosudarej. M.; SPb., 2006. S. 18-24.

47. Istoriografiju problemy jetnicheskoj atribucii «imen'kovcev» sm.: Stashenkov D.A. Ob jetnokul'turnyh svjazjah naselenija imen'kovskoj kul'tury // Slavjanovedenie. 2006. № 2; Rastoropov A.V. Voprosy jetnokul'turnoj istorii naseleńija imen'kovskoj kul'tury // Drevnjaja i srednevekovaja arheologija Volgo-Kam'ja. Sbornik statej k 70-letiju P.N. Starostina. Kazan', 2009.

48. Matveeva G.I. O proishozhdenii imen'kovskoj kul'tury // Drevnie i srednevekovye kul'tury Povolzh'ja. Kujbyshev, 1981; Ona zhe. Jetnokul'turnye processy v Srednem Povolzh'e v I tys. n.je. // Kul'tury Vostočnoj Evropy I tysjačelietija. Kujbyshev, 1986; Ona zhe. Srednee Povolzh'e v IV-VII vv. Imen'kovskaja kul'tura. Samara, 2004. S. 65-74.

49. Matveeva G.I. K voprosu ob jetnicheskoj prinadlezhnosti plemen imen'kovskoj kul'tury // Slavjane i ih sosedi. Mesto vzaimnyh vlijanij v processe obshhestvennogo i kul'turnogo razvitiya. Jepoha feodalizma (sbornik tezisov). M., 1988; Ona zhe. Srednee Povolzh'e v IV-VII vv. S. 74-78.

50. Kljashtornyj S.G. Praslavjane v Povolzh'e // Kljashtornyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii. SPb., 2005; Galkina E.S. Danniki Hazarskogo kaganata v pis'me carja Iosifa // SRIO. 2006. T. 10 (158). Rossija i Krym. S. 380-382; Zhih M.I. Rannie slavjane v Srednem Povolzh'e (po materialam pis'mennyh istochnikov). SPb.; Kazan', 2011; On zhe. K probleme rekonstrukcii samonazvanija...;

On zhe. Arabskaja tradicija ob as-sakaliba v Srednem Povolzh'e i imen'kovskaja kul'tura: problema sootnoshenija: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/2737>

51. V tom, chto chast' «imen'kovcev» ostalas' na Srednej Volge, u P.N. Starostina, G.I. Matveevoj i V.V. Sedova somnenij net: Starostin P.N. Pamjatniki imen'kovskoj kul'tury. M., 1967. S. 31-32; Matveeva G.I. Mogil'niki rannih bolgar na Samarskoj Luke. Samara, 1997. S. 98-99; Ona zhe. Srednee Povolzh'e v IV-VII vv. S. 77-79; Sedov V.V. K jetnogenezu volzhskih bolgar; On zhe. Slavjane. S. 254-255.

52. Baran V.D. Davni slov'jani. Kiiv, 1998. S. 71-72; Kljashtornyj S.G., Starostin P.N. Praslavjanskije plemena v Povolzh'e // Istorija tatar s drevnejshih vremen. T. I. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti. Kazan', 2002; Goldina R.D. Istoricheskiy opyt pozitivnogo vzaimodejstija narodov, zhivshih v Udmurtii v drevnosti i Srednevekov'e // Rossiya i Udmurtija: Istorija i sovremennost'. Izhevsk, 2008. S. 39-41; Bogachev A.V. Slavjane, germancy, gunny, bolgary na Srednej Volge v I tys. n.je.: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. S. 72-137.

53. Smirnov A.P. Nekotorye spornye voprosy istorii volzhskih bolgar // Istoriko-arheologicheskij sbornik. M., 1962. S. 162-165.

54. Prijmak V.V. Teritorial'na struktura mezhirichchja Seredn'oi Desni i Seredn'oi Vorskli VIII – poch. XI st. Sumi, 1994. S. 11; Prihodnjuk O.M. Pen'kovskaja kul'tura (Kul'turno-arheologicheskij aspekt issledovanija). Voronezh, 1998. S. 75-76.

55. Suhobokov O.V. Ranni etapi kul'turi litopisnih sverjan (shhe raz pro pam'jatki volincev'kogo tipu) // Vostochnoevropejskij arheologicheskij zhurnal. 2000. № 3: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/suhobokov.htm> Sr.: Suhobokov O.V. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v VIII-XIII vv. Kiev, 1992. S. 16-36.

56. Gavrituhin I.O., Oblomskij A.M. Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst. M., 1996. S. 133, 144-147; Oblomskij A.M. Struktura naselenija lesostepnogo Podneprov'ja v VII v. n.je. // Arheologichnij litopis livoberezhnoj Ukraini. 2007. № 1-2. S. 5.

57. Avdusin D.A. Proishozhdenie drevnerusskikh gorodov (po arheologicheskim dannym) // VI. 1980. № 12. S. 29; Sedov V.V. Drevnerusskaja narodnost'. S. 45-46.

58. Mocja A.P. Naselenie Srednego Podneprov'ja IX-XIII vv. Kiev, 1987. S. 106-107.

59. Zhih M.I. K probleme rekonstrukcii... S. 28-30; On zhe. Arabskaja tradicija ob as-sakaliba v Srednem Povolzh'e i imen'kovskaja kul'tura...

60. PSRL. T. I. Stb. 10; T. II. Stb. 8. Analiz jetogo izvestija sm.: Zhih M.I. K probleme rekonstrukcii... S. 27-28.

61. Trubachjov O.N. Rannie slavjanskije jetnonimy – svideteli migracii slavian // VJa. 1974. № 6.

62. Grigor'ev A.V. Severskaja zemlja v VIII – nachale XI v. po arheologicheskim dannym. Tula, 2000. S. 162-173.

63. Zhih M.I. K probleme rekonstrukcii... S. 30-37.

64. Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata. S. 35.

65. Cukerman K. Dva jetapa formirovanija drevnerusskogo gosudarstva // Slavjanovedenie. 2001. № 4; Petruhin V.Ja. O «Russkom kaganate», nachal'nom letopisanii, poiskah i nedorazumenijah v novejshej istoriografii // Tam zhe; Petruhin V.Ja., Raevskij D.S. Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e. M., 2004. S. 293 i sl.; Baran V.D. Derzhavotvorchi ta etnokul'turni procesi v period Kiivs'koj Rusi // Istinu vstanovljue sud istorii: Zbirnik na poshanu F.P. Shevchenka. T. II Kiiv, 2004; Voronjatov S.V. Volyncevszkaja «kul'tura» i «Russkij kaganat» // Al'manah molodyh arheologov. Spb., 2005.

66. Poljak A.N. Vostochnaja Evropa IX-X vv. v predstavlenii Vostoka // Slavjane i ih sosedi. M., 2001. Vyp. 10. K vyvodu o tom, chto rusy rannih vostochnyh istochnikov zhili na jugo-vostoke Evropy, prishli i mnogie drugie uchjonye: Sverdlov M.B. Lokalizacija rusov v arabskoj geograficheskoj literature IX-X vv. // IVGO. 1970. № 4; Rybakov B.A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. M., 1982. S. 172-234; Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata. S. 63-138; Ona zhe. Nomady Vostochnoj Evropy: jetnosy, socium, vlast' (I tys. n.je.). M., 2006. S. 180-270.

67. Galkina E.S. Jetnosy Vostochnoj Evropy v cikle «O tjurkah» arabskoj geograficheskoj literatury // RA. 2010. № 1.

68. Otrębski J. Rus' // RS. 1977. T. XXXVIII. Cz. I; Sedov V.V. Drevnerusskaja narodnost'. S. 66-67; Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah. M., 2001. S. 11-50; Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzgljad filologa na prob-

lemu istokov Rusi. M., 2005. S. 131-186; On zhe. Rus'. Rossija. Ocherk jetimologii nazvanija // Trubachev O.N. Trudy po jetimologii: Slovo. Istorija. Kul'tura. T. II. M., 2005; Maksimovich K.A. Proishozhdenie jetnonima Rus' v svete istoricheskoj lingvistiki i drevnejshih pis'mennyh istochnikov // Sbornik v chest' 60-letija I.S. Chichurova. M., 2006; Fomin V.V. K voprosu o nesostojatel'nosti skandinavskoj jetimologii imeni «Rus'» // UZ IF LGPU. 2009. Vyp. 6; On zhe. Nachal'naja istorija Rusi. M., 2008. S. 78-162.

69. O nej sm.: Tihomirov M.N. Proishozhdenie nazvanij «Rus'» i «Russkaja zemlja» // Sje. 1947. T. VI-VII; Nasonov A.N. «Russkaja zemlja» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. M., 1951. S. 28-68; Rybakov B.A. Drevnie rusy // SA. T. XVII. M., 1953; On zhe. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva. S. 56-67; Kuchkin V.A. «Russkaja zemlja» po letopisnym dannym XI – pervoj treti XIII v. // DGVE. 1992-1993 gg. M., 1995.

70. Rybakov B.A. Drevnie rusy; On zhe. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva. S. 56-67.

71. Voronjatov S.V. Volyncevsckaja «kul'tura» i «Russkij kaganat». S. 201, 207.

72. Voronjatov S.V. Volyncevsckaja «kul'tura» i «Russkij kaganat».

73. Prijmak V.V. Idei E.A. Gorjunova v svete izuzhenija sistem rasselenija Dneprovskogo Levoberezh'ja I tys. n.je. // Kul'turnye transformacii i vzaimovlijanija v Dneprovskom regione na ishode rimskogo vremena i v rannem Srednevekov'e. SPb., 2004. S. 284.

74. Sr.: Prijmak V.V. Teritorial'na struktura... S. 26.

75. Shinakov E.A. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskij aspekt. M., 2009. S. 150.

76. Voronjatov S.V. Volyncevsckaja «kul'tura» i «Russkij kaganat». S. 204-207.

77. Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata. S. 36-37, 225.

78. Berezovec D.T. Pro im'ja nosiiv saltiv'skoj kul'turi // Arheologija. T. XXIV. Kiiiv, 1970. Sm. takzhe: Talis D.L. Rosy v Krymu // SA. 1974. № 3; Nikolaenko A.G. Severo-Zapadnaja Hazarija ili Donskaja Rus'? Volokonovka, 1991.

79. Galkina E.S. Saltovo-majackaja kul'tura i problema Russkogo kaganata // NT MPGU. 1997; Ona zhe. Tajny Russkogo kaganata; Ona zhe. K osmysleniju titula «hakan rusov» v arabo-persidskoj geografii IX-XII vv. // NT MPGU. 2003; Ona zhe. «Hakan rus» v srednevekovoj arabskoj geograficheskoj literature // Globalizacija i mul'tikul'turalizm: Doklady i vystuplenija. VII Mezhdunarodnaja filosofskaja konferencija «Dialog civilizacij: Vostok – Zapad», 14-16 aprolja 2003 g. M., 2004; Ona zhe. Nomady Vostochnoj Evropy. S. 385-441.

80. Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata. S. 187-191.

81. Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata. S. 309-328; Ona zhe. Nomady Vostochnoj Evropy. S. 427-434.

82. Ljapushkin I.I. Pamjatniki saltovskoj kul'tury v bassejne reki Dona // MIA. 1958. Vyp. 62.

83. Zhih M.I. Drevnjaja Rus' i ee stepnye sosedi: K probleme Russkogo kaganata // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. redaktor S.G. Sulyak. [Kishinev]. 2009. № 3 (17).

84. Zhih M.I. O predystorii Volynskoj zemli (VI – nachalo X v.) // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. redaktor S.G. Sulyak. [Kishinev]. 2008. № 3-4 (13-14).

85. Tam zhe. S. 42.

86. Sm., napr.: Shtyhov G.V. Drevnerusskaja narodnost': realii i mif // Jetnogenez i jetnokul'turnye kontakty slavjan; Baran V.D., Baran Ja.V. Istorichni vitoki ukrains'kogo narodu. Kiiiv, 2005; Merkulov V.I. Byla li drevnerusskaja narodnost'? // NT MPGU. 2006. S. 12-19.

87. Tolochko P.P. Drevnerusskaja narodnost': voobrazhaemaja ili real'naja. SPb., 2005.

88. Zhih M.I. Nachalo istorii Novgoroda: <http://www.ruspole.info/node/2355>; On zhe. Narod i vlast' v Kievskoj Rusi (do konca XI veka) // VN. 2012. № 10. S. 156; On zhe. Slavjanskaja znat' dogosudarstvennoj jepohi po dannym nachal'nogo letopisanija // Social'naja mobil'nost' v tradicionnyh obshhestvah: Istorija i sovremennost'. Izhevsk, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабилунга Николай - кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: babi05@rambler.ru

Благодатских Ирина - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: blagirina@yandex.ru

Бойко Петр - кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки и образования Республики Молдова.

e-mail: journalrusyn@rambler.ru

Жих Максим - аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

e-mail: max-mors@mail.ru

Майоров Александр - доктор исторических наук, профессор, завкафедрой музееведения Санкт-Петербургского государственного университета.

e-mail: a.v.maiovov@gmail.com

Мищанин Василий - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета.

e-mail: vvmichanin@rambler.ru

Несин Михаил - аспирант исторического факультета Новгородского государственного университета.

e-mail: petergof-history@yandex.ru

Паршин Илья - аспирант Института украиноведения им. Ивана Крипьякевича НАН Украины.

e-mail: iparshyn@yandex.ua

Содоль Вячеслав - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Шорников Петр Михайлович - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: p_shornikov@km.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai Babilunga - Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Domestic History of the Institute of History, Statehood and Law at the State University of T. Shevchenko of Pridnestrovye.

e-mail: babi05@rambler.ru

Irina Blagodatskikh - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History of the Institute of History, Statehood and Law at the State University of T. Shevchenko of Pridnestrovye.

e-mail: blagirina@yandex.ru

Petr Boiko - Candidate of Historical Sciences, Honored Scientist and Educator of the Republic of Moldova.

e-mail: jurnalrusyn@rambler.ru

Maksim Zhikh - Graduate Student of the Department of History of the St. Petersburg State University

e-mail: max-mors@mail.ru

Aleksander Mayorov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology, Faculty of History of the St. Petersburg State University

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Vasilii Mishchanin - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of the Ukraine of the Uzhgorod National University.

e-mail: vvmichanin@rambler.ru

Mikhail Nesin - Graduate Student of Historical Department of the Novgorod State University.

e-mail: petergof-history@yandex.ru

Ilyya Parshyn - Graduate Student of the I. Kripiakevich Institute of Ukrainian Studies of the National Academy of Studies of the Ukraine.

e-mail: iparshyn@yandex.ua

Viacheslav Sodol' - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History, Statehood and Law at the State University of T. Shevchenko of Pridnestrovye.

e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Petr Shornikov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Domestic History of the Institute of History, Statehood and Law at the State University of T. Shevchenko of Pridnestrovye.

e-mail: p_shornikov@km.ru

SUMMARY

Nikolai Babilunga

The Peace of Bukharest in the History of the Moldavian People: Annexation or Liberation?

The joining of Bessarabia to Russia was not an act of annexation, although the complex international circumstances did not allow for the liberating of all of Moldavia from the Turkish yoke - its territory beyond the Pruth still remained in the Ottoman Empire. Finally the rest of Moldavia was liberated from the Turks with the help of Russia in the second half of the 19thC. But for the people of Bessarabia the three-century long period of domination by cruel Oriental despotism had ended in 1812. Wide perspectives for a relatively quick social evolution began for the formation of a bourgeoisie society, for cultural and socio-political progress. In history, are there other such examples which were so beneficial to a people of «Annexation»?

Keywords: Bessarabia, Russia, Moldavia

Petr Shornikov

The Peace of Bucharest and the Participation of the Danubian Army in the War of 1812

The peace with the Ottoman Empire, which was confirmed in May 1812, was concluded by the most important of the diplomatic parties of Alexander I in his struggle for the neutralizing of the possible allies of Napoleon on the eve of the war. The main result of the Peace of Bucharest was the liberization of the Moldavian (Danubian) Army so that it could participate in the war against Napoleon's Army. The troops of the Danubian Army were an essential influence on the course of the war and brought about a crushing defeat of the Great Army.

Keywords: Danubian Army, Berezina, Chichagov, Peace of Bucharest

Petr Boiko

The Strat of the Russian Empire in the War of 1812

In this article the author tells of the part played in the victory over Napoleon by all strata of the Russian Empire (nobility, peasantry, clergy and merchant class) along with national minorities. As compared to any other event in Pre-Revolutionary Russia, the War of 1812 has the largest number of research papers dedicated to it.

Keywords: Strat, Russian Empire, War of 1812

Irina Blagodatskikh

M.I. Kutuzov in the military and historic heritage of Pridnestrovie.

The name of Mikhail Kutuzov is closely connected with the best pages of Russian military history, with the victories won by the Russian State over the Ottoman Empire between the late 18th and the early 19th centuries as well as with the history of the war of 1812. The significance of the name of M.I. Kutuzov for Pridnestrovian history is determined by the fact that his military and diplomatic activity varied and developed within a long chronological period of time and was associated both with the key moments in the political history of Pridnestrovie between the late 18th and the early 19th centuries and its joining the territory of the Russian Empire. M.Kutuzov occupies an important place in the military and historic heritage of Pridnestrovie among the prominent Russian state and

military officials such as G.A. Potemkin, P.A. Rumyantsev, P.I. Panin, A.V. Suvorov, etc. In recent years, connected with the establishment of the Pridnestrovian statehood, M.Kutuzov has been paid a lot of attention to; his name is in demand at the events dedicated to the 200th anniversary of the Patriotic War.

Keywords: military and historic heritage, monuments of military history, Russian-Turkish wars, state and military officials, Mikhail Kutuzov/

Viacheslav Sodol'

1812 in the fate of the Orthodox Church of Moldavia

The article deals with the changes which took place in the Church structure of Bessarabia after its uniting with Russia in 1812. It demonstrates growth of prosperity of the Church institutions as well as the problems of organization of spiritual education in the region. Of special importance is the foundation of the first printing house at Kishinev and the results of its activity. The main conclusion is that including of Bessarabian Church in the structure of the Russian Orthodox Church was a progressive event.

Keywords: Bessarabia, Russia, Moldavia, Bessarabian Church

Alexander Mayorov

Mongol-Tatars in the Galicia-Volyn Rus

The paper analyzes the news of Russian chronicles of the conquest of the Mongols of Kiev and Galicia-Volyn land. Circumstances set flight from Kiev Prince Michael Vsevolodovich, taking troops of Batu city Kolodyzhin and Kamenetz, the failure of the Tatars under Kremenetz. It turns out the value of the toponym Volodava and textual features of formulation of the end of the chronicle the story of the invasion of Batu.

Keywords: Mongol-Tatar invasion, Galicia-Volyn Rus Ipatiev Chronicle.

Illya Parshyn

King Yuriy Lvovych on pages of west european chronicles.

The article deals with the analysis of West European chronicles of XIV–XV centuries, which contain mentions about Yuriy (Georgiy) Lvovych (1252/1257–1308), who is also well known in history as “rex Russiae et principis Lodomeriae”. Person of this ruler is one of the most uninvestigated duke’s characters in the history of Galych-Volynian principality. For this reason every mention about him and his diplomacy in historical sources is very useful for successive researching of this important theme.

In the article we discussed the formation of the Galych-Polish union at the beginning of XIV century. Also the analysis of the struggle for the Hungarian Patrimony was done. Researching of this subject is very important to understanding and investigating of diplomacy of «rex Russiae» Yuriy Lvovych at the time of his reign. Unfortunately, the lack of historical sources does not allow to form the detailed portrait of this Galych-Volynian ruler. Further scientific debates involving new sources will surely shed more light on this important issue.

Key words: Yuriy Lvovych, Galych-Volynian principality, Wladyslaw Lokietek, Otto III of Bavaria.

Mikhail Nesin

The Galician Council (Veche) 1235-1240

In the given work, based on Old Russian Chronicles in chronological order, all of the existing data about the Galician Council and the mutual relationships

with Prince Daniil of Galicia in the years 1235-40 are analyzed. In the course of a long struggle during this period of time, Daniil finally was confirmed as the Galician Prince. Here an obvious role was played by Daniil's relationships with the Galician Council members, who determined much in this struggle. Daniil of Galicia gained the confidence of the Council members as being a strong and capable prince and the members often preferred him over other pretenders for the Galician Principality. But the pragmatism of this man during the time of war offended these council members and brought about quarrels. Along with this, in conjunction with his Volynian co-toilers, he served as the instigator of the Volynian influence in Galich and it was because of this that at times a part of the council nobility and prominent members and hierarchs fought against sharing the power with the Volynians. After the invasion of Batyev up to the time of his death, Daniil basically ruled the Galician Land from Volynia and in fact turned it into a province. The Galician Council's activity died out and the Galicians gave up the ruling of the state.

Key words: Galich, Galichina, Galician-Volynian Rus', Veche, Daniil the Galician, Boyars.

Vasilii Mischanin

The Industrial Development of Transcarpathia 1944-1950: Transition to a Socialist Economy

This article deals with the state and development of industry in Transcarpathia during the years 1944-1950. There are two stages of development directly related to political developments in the region: the restoration of industry, the nationalization of large industrial enterprises by the People's Parliament of Transcarpathian Ukraine in 1944-1945 and industrial development of the Carpathian region in 1946-1950 in conditions of the first postwar five-year period. The present paper describes the development of forestry, wood-chemical industry, Solotvyno Mines, and the electrification of the region. Considerable attention is given to the traditional sectors of the food industry of Transcarpathia - winemaking and bottling of mineral water.

Key words: industrialization, nationalization, Sovietization, industrial development, Transcarpathian Ukraine, Transcarpathian region.

Maksim Zhikh

Valentin Vasilevich Sedov. Parts of the Life and Writing of this Slavic Toiler. Part 1.

The name of this famous Russian Archeologist and Historian V.V. Sedov (1924-2004) is well known not only to specialists but also to all those who take an interest in the history of the Ancient Slavs and Rus': not one generation of professional historians and laymen who like the study of the past were nourished on his work. The work of the scholar, without exaggeration, made up a whole epoch in Slavic Studies. During the broad expanse of European history V.V. Sedov in his research reconstructed a complete picture of ethnic, social, cultural and political development of the Slavic World from the earliest times to the Mongol invasion. Factually he gave a complete material "skeleton" to Slavic Studies on which many other historians, archeologists, linguists, anthropologists and other disciplines will be able to attach, as beads on a string, concrete facts.

Key words: Slavic Studies, Valentin Vasilevich Sedov, Russian Archeologist and Historian

Правила публикации в журнале «Русин»

Редколлегия журнала «Русин» принимает только статьи, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилию, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес, почтовый адрес с индексом.

Статьи не должны превышать 1 а.л. (32 000 знаков с пробелами) с обязательной аннотацией на английском языке, сообщения – 0,5 а.л., рецензии – 0,2 а.л.

Члены редколлегии знакомятся с материалом и принимают решение о публикации. Отзывы членов редколлегии и рецензентов автору не сообщаются.

Формат текста

Абзац – отступ 1,27 см.

Междустрочный интервал – 1,5.

Шрифт Times New Roman, размер 14.

Без переносов!

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова, во всех остальных случаях – только е.

Сокращения

При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., И.О. отделяются пробелом от фамилии.

Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е годы, а не двадцатые годы.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг.

Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в.

Писать только полностью: так как, так называемые.

Из сокращений допускаются: т. д., т. п., др., т. е., см.

% ставится значком, а не словом, если связан с цифрой и отделяется от цифры интервалом: 3 %.

Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом: 4 700 000, 1 560.

000 могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд.

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

Кавычки – только «», если закавыченное слово начинает цитату или при-мыкает к концу цитаты, употребляются прямые двойные кавычки: ««раз», два, три, «четыре»».

Сноски и ссылки в тексте оформляются в порядке следования в тексте арабскими цифрами. Различия между сносками, отсылающими к примечаниям или библиографическому описанию источников, не делается. Авторские примечания и библиографическое описание источников даются в конце статьи единым блоком.

Фамилии И.О. авторов – курсивом.

Сноски не автоматические, пронумерованные арабскими цифрами.

Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой.

Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpg (разрешением не менее 300 dpi).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2012, № 4 (30)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь», 2012.
- 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,

ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (373 22) 28-75-59.

E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Подписано к печати 19.12.2012. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 700 экз.

Заказ 415.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:

г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.
При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.**

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2012 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир»

ТРИРАМЕННЫЙ КРЕСТ

Владимир ЛУЦЫК

У стоп Твоих прадедной знамя веры,
С немым страданьем клоним наши главы
И, припомянувши века отцов славы,
Сыны росим слезой рубахи деры...

И плач к Тебе несется наш смиренный,
Спаси нас, Крест Святой, трираменный!

Лет тысяч Ты украшал всей Руси храмы
С часов, коли Апостол Первозванный
Благословил Тобою край незнанный
И горы по-над Днепра берегами.

И был счастлив народ так осененный,
Спаси нас, Крест святой, трираменный.

Коли наспела пора беды, недоли,
Крамол, брат на брата сталь ковати,
А враг утробу матери терзати
И гнати наш народ в ярмо неволи,

Ты возносил сердца порабощенны,
Спаси нас, Крест святой, трираменный!

И пять веков, как день один минули...
Неволю облегчала нам надежда,
А хоть в ярме кровавилася шея,
Мы перенесли все, но не согнулись.

Ты бо крепил наш дух обессиленный.
Спаси нас, Крест святой, трираменный!

У стоп Твоих прадедной знамя веры,
С немым страданьем клоним наши главы
И, припомянувши века отцов славы,
Сыны росим слезой рубахи деры...

И плач к Тебе несется наш смиренный,
Спаси нас, Крест Святой, трираменный!

Владимир Фёдорович Луцык (1859–1909) - галицко-русский общественный деятель, писатель. Родился в селе на галицком Подолье (Галичина, Австро-Венгрия).

Источник: Катруся. Сборник стихотворений, песен, кантат, декламаций, смешных комических рассказов, поговорок и пословиц русских народных писателей, собранный Е.И. Дычкевич (Прилес). Посвящается просветителю Галицкой Руси протоиерею о. Ивану Григорьевичу Наумовичу. Нью-Йорк, 1948. С. 90-91.

